

С. Шварцбанд

ИСТОРИЯ

"ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА"

Самуил Шварцбанд
История "Повестей Белкина"

Samuel Schwarzband

**The History
of Belkin's Tales**

THE MAGNES PRESS

THE HEBREW UNIVERSITY

JERUSALEM

Самуил Шварцбанд

История
"Повестей Белкина"

МАГНЕС ПРЕСС
ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИЕРУСАЛИМ

Distributed by the Magnes Press
The Hebrew University, P.O.B. 7695,
Jerusalem 91076, Israel

All rights reserved
© By the Magnes Press, the Hebrew University
Jerusalem, 1993

ISBN 965-223-834-1

Printed in Israel

Designed and Printed at:

SOLUS Publishing House.
P.O.B. 2971, Jerusalem,
91027, Israel.

The work on the book has been made possible by the assistance of the Center for Absorption in Science, Ministry of Absorption of Israel

The author wishes to express his gratitude to the Authority for Research and Development and the Research Committee of the Faculty of Humanities at the Hebrew University of Jerusalem for generously covering the cost for preparing the typescript

Принятые сокращения и обозначения

Рукописи А.С.Пушкина указываются по месту их хранения: Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН (Пушкинский Дом), фонд 244, опись 1. Сокращенно: ПД... (номер единицы хранения).

При цитировании фрагментов рукописей приняты следующие условные обозначения:

- [] — текст, зачеркнутый А.С.Пушкиным,
- < > — текст конъектуры
- <?> — текст спорной конъектуры.

В разделе "Библиография" каждому источнику присвоен порядковый номер, под которым в "Примечаниях" он указывается в следующей последовательности:

автор — название работы — номер источника — том, выпуск, номер — год — страницы

Условные обозначения места изданий:

- Санкт-Петербург — СПб.
- Петербург — Пб.
- Петроград — Пг.
- Ленинград — Л.
- Москва — М.

Содержание

Несколько замечаний	11
Три повести	25
Школа	67
Жизнеописание	107
Решение	145
«Конец повестям И.П.Белкина»	175
Библиография	187
Указатель имен	197
Список иллюстраций	202
Список таблиц	203

Виктору Давыдовичу Левину

**История
"Повестей Белкина"**

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

ИЗДАНЫЯ

А. П.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой батюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИННИКЪ

Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Плюшара.

1831.

Несколько замечаний

"В других землях пишут или для толпы, или для малого числа... должно писать для самого себя..."

А. С. Пушкин¹

Афоризм грамматика, жившего в 1-2 вв., широко известен: "Pro captu lectoris habent sua fata libelli" — "Книги имеют свою судьбу смотря по тому, как их принимает читатель". Однако всякая истина, по своей сущности, многоаспектна. А. П. Скафтымов утверждал: "Сколько бы мы ни говорили о творчестве читателя в восприятии художественного произведения, мы все же знаем, что читательское творчество вторично, оно в своем направлении и гранях обусловлено объектом восприятия"².

¹ А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений. /4/, XII, с. 180. Все цитаты из литературного наследия Пушкина приводятся по этому изданию. Ссылки указываются прямо в работе. В круглых скобках указываются: римскими цифрами — том, арабскими — страницы.

² А.П.Скафтымов. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы. /88/, 1982, с. 166.

Речь не идет о некоей "объективности" науки. Еще Г. О. Винокур, указывая на то, что относительность понимания — условие научной работы, и справедливо призывая не бояться субъективизма, ссылаясь на А. А. Потебню с "его превосходной иронией по поводу "так называемой объективности", "которая, в сущности, не есть более широкое знание, а лишь более полное равнодушие"³. Так что речь пойдет о двух типах научных моделей⁴ авторской и читательской — в равной степени субъективных и в такой же мере взаимосвязанных. И от того, какая из них будет признана нами эстетически "порождающей"⁵, а какая — эстетически "порождаемой", зависят методы, цели и задачи филологического исследования.

³ Г. О. Винокур. О языке художественной литературы. /32/, 1991, с. 103.

⁴ Общее определение понятия "модель" см.: Ю. М. Лотман. Тезисы к проблеме "Искусство в ряду моделирующих систем". /58/, 1967, т. 3, с. 130. "...модель — аналог познаваемого объекта, заменяющий его в процессе познания". Таким образом, любой текст представляет из себя "аналог" познаваемого объекта и в одинаковой степени как художественный, так и научный текст можно считать моделями. "Художественная модель" (художественный текст) предстает эстетическим аналогом системы "художник — действительность", а научная (текст исследования) — желает быть логико-интерпретационным аналогом системы "действительность — художник". В этом смысле "зеркальность" их взаимодействия отражает принципиальную возможность понимания или непонимания "познаваемого объекта".

⁵ Естественно, что более абстрактная текстовая модель "художник-ученый" предполагает читательское признание за художественным текстом характера "порождающей модели". Ср.: Jerzy Faryno. Wstęp do literaturoznawstwa, /128/, 1991, pp. 25-28. Выделение разных "уровней" лингвистического (или первичного) и сверхлингвистического (или вторичного) позволило автору заявить: "Поскольку теоретически любой текст можно перевести в

Не отрицая правомерности различных измерений от "головой до хвоста" и с "хвоста до головы", в этой монографии представлена субъективная "филологическая модель" художественного текста, которая порождает, по моему мнению, бесконечное множество порождаемых читательских моделей⁶.

Н. В. Измайлов, отметив, что "Повести Белкина", на "первый взгляд такие ясные и простые", подчеркнул ряд спорных вопросов: "Нет единства и в понимании образа "автора", его значения, а также значения рассказчиков, на которых ссылается "издатель"... чисто литературное понимание вопроса о Белкине, о его роли в композиции и стиле повестей остается спорным и неразрешенным: написаны ли "Повести" единым стилем и с единых литературно-идеологических позиций, т. е. с позиций самого Пушкина, или каждая из

ранг художественного... то само собой разумеется, что в некоторых случаях художественные тексты будут иметь только один лингвистический уровень. Необходимые вторичные обнаружатся в нем не потому, что были "задуманы", а в силу другого механизма. Отрыв от референтности лишит его практической... функции и превратит в "модель" текста, в текст, изображающий некий другой текст... Другой крайний случай... когда тексты обладают только вторичными уровнями, а первичный, лингвистический, в них основательно разрушен: на этом уровне текст может быть непонятным, бессвязным, бессмысленным".

⁶ Если изменить "точку зрения" на "зеркальность" взаимодействия двух основных моделей, то, конечно, *восприятие* художественных текстов как *объект* исследования окажется "порождающей" моделью, а сам художественный текст "производным", т. е. "порождаемым", по отношению к данному носителю рецепции. Однако как в первом, так и во втором случае, необходимо помнить цитируемое Г.О.Винокуром суждение Шлейермахера, что существуют границы для "всякой интерпретации, которая выполняет свое задание всегда только до известного предела". См.: Г.О.Винокур. О языке художественной литературы. /32/, 1991, с. 103.

них отражает в какой-то мере личность "рассказчика", а все вместе — личность Белкина, — этот вопрос требует еще внимательного и объективного рассмотрения"⁷. Вместе с тем, Н. В. Измайлов, один из крупнейших пушкинистов-текстологов, прозорливо отметил и вторую часть проблемы: "То же и даже в большей мере — относится к "Истории села Горюхина". ...Именно при толковании "Истории" возможны... извращения в понимании Белкина"⁸.

По сути дела, в образах "двух" Белкиных и кроется корень проблемы — между Белкиным "повестей" и Белкиным "истории". "История села Горюхина" появилась впервые в седьмой книге "Современника" в 1837 г. уже после смерти Пушкина, а затем в десятом томе "Сочинений А. Пушкина" (цензурное разрешение за подписью А. В. Никитенки 29 мая 1840 г., однако на титуле стоит 1841 г.). Естественно, что расположение частей "истории села" в первых публикациях было иным, нежели в последующих.

В. Г. Белинский в "Литературной хронике" 1838 г., забыв о "недостойных имени Пушкина" повестях "покойного Белкина", которые он разнес в "Литературных мечтаниях" (1834), и, не обратив внимания на знакомое имя горюхинского сочинителя, написал несколько сочувственных слов о "Летописи села Горохина" (так было первоначально прочитано в рукописи название села).

В 1855 г. П. В. Анненков, посчитав вслед за Белинским, что "Повести Белкина" должно "разбирать теперь только со стороны слога, изложения, а не содержания", в "Материалах для биографии А. С. Пушкина" спровоцировал критику, указав, что Пушкин "хотел заставить владельца Горохина г. Белкина, рассказать жизнь и хозяйство своего прадеда, деда и отца"⁹.

Контраст "бессодержательных" повестей и насмешливо-сатирической "Истории", приписанных Пушкиным одному и

⁷ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, 1966, с. 483.

⁸ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, 1966, с. 483.

тому же сочинителю, так или иначе должен был заинтересовать критиков и вызвать их на "объяснение".

Фактическая оценка образа Белкина зависела от амплитуды критических "качелей": чем ближе к повестям и дальше от "Истории" оказывался Белкин, тем основательнее он терял свою значимость, становясь только "слушателем" своих "рассказчиков". И наоборот, чем ближе был к "Истории" и дальше от повестей, тем чаще Белкин оказывался "маской" самого Пушкина. В остальном образ горюхинского сочинителя зависел от темперамента критика. Разнобой во мнениях и литературно-идеологическая вражда довершили дело: Белкин стал камнем преткновения как для литературоведов, так и для лингвистов.

Интерпретаторы предложили компромисс: А. С. Пушкин написал повести, в которых Белкин, рассказчики и герои — оказывались целым социально-повествовательным ядром. Обоснование этого содержалось в переписке "издателя А. П." с "ненарадовским биографом". Предисловие "От издателя" было объявлено частью художественной структуры "Повестей Белкина". Исследователи "поэтики" получили полную свободу¹⁰.

Только в 1949 г. появилось исследование, посвященное не интерпретации "Повестей Белкина", а *истории текста*: в серии "Педагогической библиотеки учителя" появилась книга А. Г. Гукасовой¹¹, которая *оказалась* первым и "единственным сводом данных об истории создания" повестей¹². Безотносительно к ценности текстологической работы А. Г. Гукасовой,

⁹ П.В. Анненков. Материалы для биографии А.С.Пушкина. /13/, 1985, кн. 1, с. 292-294.

¹⁰ См.: Briggs, A.D.P. Alexander Pushkin. A Critical Study. /123/, 1983, p. 217. "Anyone who had not read them would be led by such comments to expect more from *The Tales of Belkin* than they are able to give".

¹¹ А.Г. Гукасова. "Повести Белкина" А.С.Пушкина. /40/, 1949.

¹² См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, с. 472.

пожалуй, самым интересным в книге, по словам Н. В. Измайлова, были "резкие отрицательные отзывы обо всех предшествующих работах... "уничтожающие" все, что было сделано ее предшественниками"¹³. Это так поразило ученого, написавшего главу о художественной прозе в коллективной монографии "Пушкин. Итоги и проблемы изучения", что он, к сожалению, отказался даже объяснять причины столь некорректного поведения исследователя.

В очередном "Собрании сочинений А. С. Пушкина" (1962) появилась статья Ю. Г. Оксмана, которая не рассматривала художественную прозу, зато представляла ценный очерк публицистическо-критического наследия Пушкина¹⁴.

"Белкиноведы" статью Оксмана не заметили, хотя именно в этой статье мало оцененный при жизни текстолог указал на самую существенную черту художественных экспериментов Пушкина в Болдинскую осень.

Ю. Г. Оксман особо отметил, что в 1831 г. Пушкин "выступил на страницах журнала "Телескоп" с двумя сатирическими фельетонами, идейно-тематически связанными со знаменитой статьей "О записках Видока": "Оба фельетона подписаны были именем Феофилакта Косичкина. Это был не просто псевдоним... а литературная маска, функция которой в его критике и публицистике была равнозначна маске Ивана Петровича Белкина в "Истории села Горюхина"... После... Феофилакта Косичкина из творческой лаборатории Пушкина начинают выходить один за другим сатирические образы-маски бесхитростного выразителя консервативно-помещичьей идеологии, который то пытается полемизировать с Радищевым (московский барин... едущий из Москвы в Петербург), то негодует на "Историю Пугачева" (образ престарелого провинциального "критика" в ответе Пушкина на рецензию Броневского), то громит всю современную мировую литературу с

¹³Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, с. 472, прим. 52.

¹⁴Ю.Г.Оксман. Пушкин — литературный критик и публицист. /66/, 1962, т. 6, с. 441-469, комментарий: 469-582.

позиции мракобесов... не замечая комического эффекта своих претензий ("Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной"). Это был уже метод... открытие большой творческой значимости, с широкой проекцией в будущее, до Кузьмы Пруткова включительно"¹⁵.

Отдельные неточности или же некоторые "перепевы" сложившихся воззрений на образ И. П. Белкина заметны у Оксмана. Но важно другое. Ученый обратил внимание на взаимодействие художественной и критико-публицистической прозы. И только стоило бы вникнуть в тонкие замечания пушкиниста, чтоб приблизиться к "святая святых" замысла повестей Белкина. Критико-публицистическое предисловие "От издателя" было адресовано непосредственно одному читателю (скотининым и митрофанушкам "Северной Пчелы" и "Московского Телеграфа"), а художественная проза (повести "покойного И. П. Белкина") предназначалась совсем другому читателю (друзьям по "Северным Цветам" и "Литературной Газете"). По-видимому, Оксман видел это, но не договорил свою мысль до конца.

В 1973 г. появилась (посмертно) обобщающая работа А.Г.Гукасовой "Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина"¹⁶, в которой исследователь по-прежнему вызывала огонь критики на себя. Но в духе времени интерпретаторы "Повестей Белкина" то пугали читателя рецидивами вульгарного социологизма и архиреволюционными воззрениями М. И. Мальцева¹⁷, то делали вид, что *история текста* (пусть и в

¹⁵Ю.Г.Оксман. Пушкин — литературный критик и публицист. /66/, 1962, т. 6, с. 452.

¹⁶А.Г.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. /41/, 1973.

¹⁷М.И.Мальцев. Тема крестьянского восстания в творчестве А.С. Пушкина. /60/, 1960. Ср. резкую оценку его книги в работе Н.В. Измайлова: "...анализ художественной прозы Пушкина (в особенности "Истории села Горюхина" с образом ее "автора" И.П.Белкина) до крайности вульгаризирован в угоду схематичес-

несовершенном виде) им неизвестна, возвращаясь к широкому философски-концептуальному толкованию смысла повестей, роли Белкина, значения рассказчиков и очерчивая "поэтикой повествования" над "заколдованным" творением магические круги¹⁸.

Понадобилась новая работа, чтобы литературоведы стали воспринимать текстологические выводы о двух Белкиных — не только не "близнецах-братьях", но и вообще не имеющих друг с другом никаких художественных сближений, кроме как в совместном во времени существовании, разных по природе, но в чем-то похожих по литературной биографии, — о двух субъектах повествования несхожих по целям и задачам самостоятельных замыслов Пушкина. Была обнаружена пропасть, разделяющая опубликованное одно произведение Пушкина под названием "Повести Белкина" и, как посчитал П. В. Анненков, "по пренебрежению"¹⁹ незавершенную "Историю села Горюхина". Н. Н. Петрунина во многом следовала проторенными путями, многое не досказала в своей монографии, хотя и сделала посильную попытку расставить точки над "i". Однако именно ей принадлежит действительно уникальное место в разрешении основной историко-литературной проблемы "Повестей Белкина"²⁰.

ким построениям автора, видящего, например, в Белкине ученика Радищева и борца против крепостничества" (Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, с. 470, прим. 43).

¹⁸ См.: С.Г.Бочаров. О смысле "Гробовщика". /22/, 1974. С.Г. Бочаров. Поэтика Пушкина. /23/, 1974. С.М.Шварцбанд. "Повести покойного Ивана Петровича Белкина" А.С.Пушкина. /111/, 1974. С.Б. Прокудин. К вопросу о повествовательной структуре "Повестей Белкина". /76/, 1975 и т.д.

¹⁹ П.В.Анненков, /13/, кн. 1, с. 294.

²⁰ Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987.

Книга Н. К. Гей²¹ о "поэтике повествования" в "Повестях Белкина" с повторением и дальнейшим углублением "философических" обоснований всевозможных "повествовательных интенций" Белкина, рассказчиков, "издателя А. П." и реально-го автора А. С. Пушкина, при использовании некоторых, но не всех, реалий истории текста, требует новой текстологической разработки.

Трудность литературоведческого истолкования художественного произведения в целом состоит в том, что для этого сначала "нужно понять его в частностях", а, в свою очередь, "эти же частности и отдельные места будут поняты нами неверно, если мы не будем их толковать исходя из целого"²². Но парадокс общей теории систем²³ представляется "условно разрешимым", если предварительно принять следующие "правила" для описания процессуальной природы предмета изучения. Но при этом обязательно различение понятий "система" и "структура"²⁴, потому что только системные исследования описывают предмет как процесс²⁵, который протекает в исторически объективном времени, хотя, на самом-то деле, оно тоже выбрано и определено субъектом.

Названием этой книги хотелось подчеркнуть, что текстовой материал — "Повести покойного И. П. Белкина" А. С.

²¹ Н.К.Гей. Проза Пушкина. Поэтика повествования. /33/, 1989.

²² Г.О.Винокур. О языке художественной литературы. /32/, 1991, с. 103.

²³ См.: К.Боулдинг. Общая теория систем — скелет науки. /24/, 1969, с. 109-115.

²⁴ Ср.: Ю.М.Лотман. /58/, 1967, с. 130. "Моделирующая система — структура элементов и правил их соединения...". Такая синонимизация основных понятий ведет к теоретическим "шумам и помехам".

²⁵ Ср.: Ю.М.Лотман. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста. /57/, 1972, с. 478.

Пушкина — взят в качестве единственного объекта исследования, в то время как его история — определяет предмет: под каким углом зрения будет рассмотрен этот материал и с какой целью описан механизм его взаимодействия с разными замыслами, черновыми набросками, планами и вариантами в процессе их возникновения.

Однонаправленность течения календарного и биографического времени, при любых допущениях и отклонениях от него в "идеальном" мире сознания, требует рассмотрения взаимодействия материальных носителей в "линейной последовательности" их фиксирования. Однако это вовсе не означает, что история текста описывает только одну эту субъективно **смоделированную** совокупность материальных носителей, которая представляется **системой**, в то время как фрагменты, отрывки и т. п. произведения — ее **элементами**.

Среди множества литературоведческих дисциплин и всевозможных методик *история текста* не определяется как что-то самостоятельное или как вполне оформленная "школа". Наоборот. С одной стороны, она черпает необходимую информацию во всех областях филологических знаний, а с другой — оперирует ими, не гнушаясь никаких средств истолкования. Пожалуй, *история текста* только одним и отличается от других "моделирующих систем": имея дело с *процессами творчества*, она пытается представить не аксиологию конечного результата в его "исторической судьбе"²⁶, не "статические модели" одного (или многих) из "конструктивных

²⁶ Отсутствие дефиниций понятий "художественное" и "нехудожественное" не дает литературоведению возможность строить "оценочную" *историю литературы*. Вместе с тем, столкнувшись с трудностями определения подобных реалий, современные ученые-модернисты отказались не только от этих понятий, но заодно и вообще от аксиологии, признав тем самым за любым фактом право "быть фактом искусства".

принципов"²⁷ структуры словесного явления, а всего-навсего *эвентуальный* аналог механизма художественного мышления. *История текста* — это модель взятого в один только период и реализованного в одном только произведении художественного процесса, представленная в качестве его *эвентуального аналога*.

Вероятностный характер и заведомый субъективизм процессоров *истории текста* служил для критиков надежным оружием по защите собственных (конечно, "точных" и в той же мере "объективных") операторов. Однако достаточно было *истории* какого-либо *текста* стать общепризнанной, как сразу же *обстоятельства* обуздывали герменевтические способности интерпретаторов и создавали непреодолимые препятствия для толкователей текста. "В пушкиноведении, — писал П. Е. Щеголев, — изучение чернового рукописного текста становится вопросом метода, и, в сущности, ни одно исследование, биографическое или критическое, не может быть оправдано, если оно оставило без внимания соответствующие теме черновики. Можно утверждать, что ежели бы с самого начала была выполнена задача исчерпывающего изучения рукописей поэта, то история жизни и творчества Пушкина

²⁷ См.: Ю.М.Лотман. /57/, с. 478-479. Ученый считает, что описание *отношений* между собой "константных конструктивных принципов", являющихся "структурой" и описанных в качестве "статических моделей" текста, "внесет в модель элемент динамики", а затем создание "точных справочников первичного материала по всем уровням" позволит "перейти к динамическим (функциональным) моделям": "По сути дела, в искусстве, видимо, любой конструктивный план может быть расслоен на конфликтно сосуществующие подсистемы и, наоборот, две любых взаимно конфликтующие структуры могут быть в описании "сняты" в единой статической конструкции. Осознание художественной жизни текста подразумевает сосуществование этих двух подходов одновременно".

была бы свободна от массы догадок, предположений, рассуждений, а критики и биографы сохранили бы свою энергию и духовные силы, которые пошли на всевозможные измышления в области пушкиноведения"²⁸.

Историзм текстологического исследования предполагает описание имеющейся документации при таком осмыслении творческого процесса, когда от исходных данных зависит направление поиска целей и задач, стоявших перед художником, а не наоборот. Поэтому синхрония сопоставления черновики со всеми естественными точками пересечений возникающих ассоциаций более продуктивна, нежели ретроспективная "диахрония", при которой фактически учитывается только одна из возможностей, хотя на самом-то деле их могло быть намного больше. В этом смысле "законченные черновики", т. е. такие, у которых никакого *продолжения* не существовало, представляются своеобразной "иллюстрацией" данному положению.

Сама по себе история текста может выступать или как "макросистема", или же как "микросистема", поскольку каждый замысел, несмотря на свое взаимодействие с соседствующими черновиками, так или иначе связан, конечно, со всей предшествующей работой писателя. Все же следует признать, что проблемы "макросистем" могут быть решены только при отыскании условий возникновения и существования "микросистем". Вместе с тем, история конкретного текста не включает в себе типологические свойства "истории текстов". Она выступает в качестве самостоятельного элемента вполне определенной системы творчества, хотя и содержит важные дефиниции, используемые при изучении других историй конкретных текстов²⁹.

²⁸ П.Е.Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. /113/, 1911, с. 177-178.

²⁹ См.: Б.В.Томашевский. /97/, 1990, с. 49.

Тексты (дневниковые записи, планы, фрагменты черновых набросков и т. п. "свидетельства" творческого процесса Пушкина), которые остались в бумагах А. С. Пушкина при выходе в 1831 году "Повестей Белкина", назовем "*условными*". Они-то и составляют весь корпус материальных носителей *истории текста* этой книги, изучение которого способно дать ответ на вопрос: *кто мыслился субъектом рукописных текстов Пушкина?* В то же время сама книга "Повести Белкина", как "*безусловный*" текст, трансформирует этот "основной" вопрос *истории текста* в иной: *является ли субъектом напечатанных повестей Иван Петрович Белкин или же нет?*

Б. М. Эйхенбаум отмечал, что "проза Пушкина явилась как *переход* от стиха" и в силу этого "она должна отличаться особыми признаками", которые с одной стороны, отделяют ее от "специфических свойств стихотворной речи, а с другой — "находятся в связи с ее деформацией..."³⁰

Эта формула Эйхенбаума, претерпев некоторые изменения, в целом была принята и Ю. М. Лотманом: "Обращение Пушкина к прозе связано было с реабилитацией прозаического слова как элемента искусства. Сначала эта реабилитация произошла в сфере прозы. А затем "простое", "голое" прозаическое слово отождествилось с самим понятием художественной речи и было перенесено в поэзию. Это был закономерный следующий шаг от перенасыщенного слова "Евгения Онегина"... Онегинский опыт не был напрасным, от него осталась игра "чужим словом", многоликость повествователя, глубокая ирония стиля. Но, переведенные в прозу, растворенные в простоте и точности повествовательного слога, эти качества давали художественной речи совершенно новый облик... Пушкин собрал в "Повестях Белкина" как бы сюжетную квинт-эссенцию прозы карамзинского периода и, пересказав ее средствами своего нового слога, отделил психологическую

³⁰ Б.М.Эйхенбаум. Путь Пушкина к прозе. /116/, 1923, с. 74.

правду от литературной условности. Он дал образец того, как серьезно и точно литература может говорить о жизни и иронически-литературно повествовать о литературе"³¹.

Не оспаривая "разности" прозаического и поэтического, путей проникновения одного в другое, своего и чужого писательского слова, взаимодействия жизни и литературы, — тем не менее, надо отметить, что сущностью художественного текста является не столько его принадлежность к жанровым структурам на основе лингвистической стилистики (что вовсе не означает игнорирования этих или же других эстетико-экзистенциальных формант), сколько "индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй... произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов"³².

Этой "индивидуальной словесно-речевой структуре", синоним которой — *не устоявшееся и терминологически не однозначное* понятие "образ автора" (равное понятию "субъект текста"), принадлежит доминирующая роль в поисках ответов на поставленные вопросы. Поэтому проникновение авторской интонации в повествовательную ткань прозаических замыслов Пушкина является одним из конституирующих особенностей *истории текста* "Повестей Белкина".

Благодарю коллег по кафедре славистики Еврейского университета в Иерусалиме за их внимание и поддержку. Сожалею, что не все *фототипии* рукописей Пушкина, необходимые для моделирования полной *истории текста* "Повестей покойного Ивана Петровича Белкина", были мне доступны. Так что приходится *идти на определенный риск*. Однако вся ответственность за просчеты и ошибки, конечно, лежит на мне.

³¹Ю.М.Лотман. В школе поэтического слова. /56/, 1988, с. 21-22.

³²В.В.Виноградов. О теории художественной речи. /28/, 1971, с. 151-152.

Три повести

"Критика текста должна опираться на точные сведения биографии"

Б. В. Томашевский¹

Обычно творческая история "Повестей Белкина" (особенно же история предисловия "От издателя") так или иначе сопоставляется с развитием замысла "Истории села Горюхина". Но, как это часто случается в текстологии, сопоставление подчас проистекает из ретроспективной презумпции знания того результата, который появился в завершении творческого процесса, в то время как методология исследований "истории текста" требует категорического признания иного принципа, а именно: "следовать за мыслями великого человека", сохраняя логику последовательности их возникновения².

Несоблюдение этого правила было причиной того, что история разработки *трех* разных замыслов — повестей, предисловия "От издателя" и "Истории села Горюхина" — описывалась как история только одного замысла! Наличие в рукописях корпуса черновиков указанных компонентов опре-

¹ Б. В. Томашевский. Пушкин. /97/, 1990, с. 49.

² См.: В. Б. Сандомирская. Рабочая тетрадь Пушкина 1828-1833 годов. /83/, 1979, с. 254. С. Шварцбанд. Логика художественного поиска Пушкина. /110/, 1988, с. 11.

деляла "естественную" точку зрения, дескать, осенью 1830 г. в Болдине Пушкин одновременно работал над "Повестями Белкина" и над "Историей села Горюхина", "литературным автором" которых был один и тот же субъект текста, созданный в экспериментальном поиске лингво-эстетической определенности художественного материала³. Однако *история текста* — это и есть история превращения незнания в знание. И при описании процесса творчества надо следовать как бы за появляющимися во времени черновиками, а не описывать их с позиций уже известного "конечного результата"⁴.

Никто и никогда не отрицал авторства писателя А. С. Пушкина. Вопрос кто же был *реальным* автором "Повестей покойного И. П. Белкина"? — не мог даже и возникнуть. По-иному обстоит "литературное дело" — приписывание А. С. Пушкиным авторства созданных им повестей некоему лицу.

Однако причины этого деяния никогда не были специальным предметом текстологического изучения истории текста повестей: искали всевозможные обстоятельства, лежащие не в генезисе творческого процесса, а в историко-литературной ситуации, сопутствующей написанию отдельных повестей и публикации Пушкиным книги, составленной из них. Результат творческой деятельности — книга "Повести покойного И. П. Белкина" была, естественно, отождествлена со "стенограммами творческого процесса", т.е. с сохранившимися рукописями.

Прозаические замыслы Пушкина 1826-1832 годов достаточно разнообразны. Поэт перепробовал себя во всех жанрах прозы, работая над романами — историческим ("Арап Петра

³ Б. В. Томашевский, Пушкин /97/, с. 34: "Сперва мы имеем так называемый первоначальный черновик... который у Пушкина носит характер стенограммы творческого процесса. Он записывает слова прежде, чем они сложились в фразу..."

⁴ Кажется, Томашевский именно "это" называл концепцией, которая "выше букв". Б. В. Томашевский. Пушкин. /97/, с. 38.

Великого", "Рославлев"), семейным ("Гости съезжались на дачу", "...На углу маленькой площади"), "почтовым" ("Роман в письмах"), авантюрным ("Роман на Кавказских водах"), над зачинами повестей или рассказов ("В начале 1812 года...", "Записки молодого человека"), над "автобиографическими заметками" ("Участь моя решена. Я женюсь"), над очерком ("Путешествие в Арзрум") и т. д.

Для своих прозаических опытов в эти годы Пушкин подыскивал разные типы повествования. В одном случае Пушкин стремился к объективации субъекта повествования, отказываясь от персонально-индивидуальных примет, присутствующих конкретной историко-социальной личности ("Арап Петра Великого", "Гости съезжались на дачу", "На углу маленькой площади..."); а в другом он приискивал для субъекта повествования такие характерные штрихи, которые однозначно (следовательно, одноразово) могли определять только данный, и никакой другой, образ повествователя ("В начале 1812 года...", "Записки молодого человека", "Роман в письмах", "Участь моя решена. Я женюсь...").

Напомним, что в 1820-1825 годах Пушкин, создавая новый поэтический стиль, стоял "на самой вершине культуры карамзинского точного слова", благодаря чему он смог влить в "эту литературную культуру враждебные ей черты, почерпнутые из архаистического направления"⁵. И, восприняв опыт "младших архаистов", Пушкин не только довел до завершенности "счастливое слияние" книжного "славянского языка" с устным "языком простонародным" (XI, 33), но и открыл целевое взаимодействие стилей и жанров: "Пушкин использует литературные достижения карамзинистов и прилагает к ним языковые принципы, почерпнутые у младших архаистов", различая при этом "принципы языка и самую *литературную культуру*"⁶.

⁵ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 70.

⁶ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 69.

А. С. Андреев вспоминал слова, сказанные Пушкиным на выставке картин в 1827 г. : "Кисть, как перо: для одного — глаз, для другого — ухо. В Италии дошли до того, что копии с картин до того делают похожими, что, ставя одну оборот другой, не могут и лучшие знатоки отличить оригинала от копии. Да, это, как стихи, под известный каданс можно наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих, — и все начали писать хорошо"⁷. В 1827 г. Пушкин снова собирался ударить "об наковальню русского языка" таким образом, чтобы "вышла" проза. Но, приступив к целенаправленному экспериментированию, он вернулся к отправной точке, с которой началось его восхождение на "вершину культуры" в поэзии. Теперь предстояло ему открыть "протеистический" характер прозаического письма.

Хорошо известен "белкиноведам" черновой набросок 1827 г. "Если звание любителя отечественной литературы...". В 1884 г. он был опубликован в качестве начала "Истории села Горюхина". Исповедь "любителя" написана "протокольным" стилем: "Произошед в 1761 году от честных, но недостаточных родителей, я не мог пользоваться источниками просвещения, открытыми впоследствии времени в столь великом изобилии, и должен был довольствоваться уроками приходского дьячка, человека... весьма довольно образованного в смиренном своем звании..." (XI, 62).

Сперва Пушкин написал не 1761, а 1751 год, подчеркнув тем самым, что "любитель" мыслился ему непосредственным современником старших архаистов (А. С. Шишков родился в 1754 г. , а Д. И. Хвостов — в 1756 году). Но и в исправленной хронологии герой отрывка оказывался в 1827 г. "старым человеком не только по возрасту, но и по образованию, символом которого был "Письмовник" Николая Курганова"⁸.

⁷ А. С. Андреев. Встреча с Пушкиным. /12/, 1933, с. 237.

⁸ Н. Н. Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 151.

Набросок 1827 г. свидетельствовал не столько о желании Пушкина включиться "после долгих лет ссылки в журнальную полемику", сколько о принципиальной разработке отстраненного от реального автора субъекта повествования. И для этого он должен был задать свою писательскую позицию за счет отношения "между повествовательной нормой данного произведения и повествовательной нормой литературы эпохи в целом"⁹.

По справедливому замечанию Б. В. Томашевского, Пушкин частично "воспользовался этим отрывком в создании биографии Белкина... но в большей степени изображенный здесь характер послужил материалом для создания образа Феофилакта Косичкина"¹⁰. С ретроспективной точки зрения поисков литературных прототипов Белкина одни исследователи, вполне естественно, "открывали" в наброске "источник биографии" Белкина¹¹, зато другие, с точки зрения целевого неведения художественного процесса, считали, что автор в дальнейшем мог использовать черновик для решения разных задач, моделируя не только художественные, но и пародийно-публицистические образы и характеры¹².

⁹ В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 12.

¹⁰ См.: Б. В. Томашевский. Примечания. /5/, 1962-1965, т. VII, с. 665.

¹¹ Н. Н. Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 151. Считать данный набросок "критическим" или "публицистическим" нецелесообразно, ибо нам абсолютно неясно соотношение образа "любителя отечественной литературы" и предполагаемого, однако не написанного Пушкиным письма, хотя догадка Петруниной о том, что это письмо могло стать "критико-публицистической пародией" на журнальные статьи 1827 г., вполне правдоподобна.

¹² См.: Ю. Г. Оксан. Примечания. /6/, 1962, с. 528. По мнению ученого, набросок о "любителе" не связан с художественными

"Любитель отечественной литературы", родившийся в 1761 г., был по сути образом архаиста. Например, если судить об отношении Пушкина к П. Катенину во время работы над черновиком, то "любитель" должен был бы превратиться в лицо положительное. Однако, полемика Пушкина с другими "товарищами-архаистами", например, с В. К. Кюхельбекером, за несколько лет до написания черновика делает подобное предположение невероятным, а участие "любителя" в журнальной истории начала 20-х годов задним числом придает образу 1827 года черты явной пародии. Кажется, подобная противоречивость в оценках архаистов и в отношениях к ним со стороны "ученика" и "друга" вполне достаточное условие прекращения работы над еле очерченным в наброске замыслом.

Через два года после возникновения наброска о "любителе отечественной литературы" Пушкин написал черновик "рекомендательного" письма, который, с одной стороны, был соотнесен с замыслом образа "архаиста", а с другой — был принят за "первый черновик" предисловия к будущим повестям Белкина: "Сердечно радуюсь, что рукопись, которую имел я честь вам препроводить, показалась вам достойной некоторого внимания. Спешу исполнить волю вашу, доставляя вам все сведения, кои мог я получить касательно покойного моего друга" (VIII, 581).

Н. Н. Петрунина предположила, что "мемуарист унаследовал возраст "любителя отечественной литературы" и его функцию быть судьей... того, кто при жизни был его другом... Образ мемуариста, предстающего в зеркале своего стиля и

замыслами Пушкина: "Сатирический образ бездарного выразителя реакционной идеологии... трансформируется в 1829 г. в чертах одного из персонажей заметки "Несколько московских литераторов..." — г. Грандафьяра, главы "Общества для распространения здравой критики Курганова и Тредиаковского". Ср.: P. Debreczeny. *The Other Pushkin. A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction.* /125/, 1983, pp. 59-60.

избирательности своего восприятия, обретает культурно-историческую и психологическую характерность, ту самую осязаемость, которой не достает П. И. Д. в его изображении"¹³.

Во-первых, судить о возрасте помещика, назначенного опекуном имения, владелец которого находится на армейской службе, сложно. Во-вторых, ни одна черта "друга покойника" не предполагает в нем "любителя отечественной литературы", а в "зеркале своего стиля" он предстает перед нами прямой противоположностью семидесятилетнего "любителя отечественной литературы", читателя "поваренных и хозяйственных" книг.

Биография "покойника" ориентирована на образ столичного и родовитого дворянина, родившегося в Москве и получившего образование во 2-ом кадетском корпусе: "В 1818 году был он выпущен офицером в селенгинский пехотный полк в коем он и служил до 1822" (VIII, 582)¹⁴. Смерть матери,

¹³ См.: Н. Н. Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 152.

¹⁴ См.: Советская военная энциклопедия. /91/, 1977, т. 4, с. 21-22. 1-ый кадетский корпус был основан в 1732 г. в Петербурге. После основания Морского корпуса, с 1752, он стал называться Сухопутным Шляхетским кадетским корпусом, с 1800 — 1-ым кадетским корпусом. Третий корпус — или 2-ой Сухопутный — был создан после 1812 г. Энциклопедический словарь. /114/, 1894, т. XIII^a, с. 874: в кадетские корпуса брали сыновей только "заслуженных офицеров". См. также: В. Глинка. Пушкин и военная галерея Зимнего дворца. /37/, 1988, с. 41-43: "Из трехсот тридцати двух генералов... только пятьдесят два человека учились в русских военных школах, в немногих существовавших в то время кадетских корпусах. Значительно большее число (восемьдесят пять человек) начало свою службу нижними чинами гвардии и... было выпущено в армию офицерами...". 2-ой Сухопутный кадетский корпус был закрытым учебным заведением, предназначенным для воспитания "рыцарей свободного духа" из числа наиболее родовитых дворян. Напомню, что среди киши-

заставившая армейского офицера "взять отставку" и стать деревенским жителем, меняет образ жизни, а "природная беспечность" и нежелание заниматься хозяйственными делами, по мнению "друга", является основанием литературных занятий молодого человека.

Подобная ситуация уже однажды разрабатывалась Пушкиным: герой "Романа в письмах", мечтая выйти в отставку и заняться "помещичьей" службой после надоевшей столицы, знакомится с деревенской жизнью. Сентенции и мысли Владимира свидетельствуют о его наблюдательности и склонности к литературным занятиям. Как и "покойник", Владимир в деревенском уединении "пустился в поэзию". "Роман в письмах" структурно строился на "авторских признаниях", а в черновике "письма" сосед представлял "покойника", хотя и в дружеском, но в своем "зеркале". И одновременная работа над "Романом в письмах" ("Перед первым письмом в черновике стоит дата 21 октября и под ним помета: с. Павловское; перед третьим письмом дата 1 ноября"¹⁵) и над черновиком рекомендательного письма ("Предисловие... первоначально набросано еще в 1829 г., осенью, в с. Павловском, в те же дни, когда Пушкин писал "Роман в письмах". Эта первая редакция... осталась незаконченной"¹⁶), противостоит ретроспективной истории текста белкиных повестей: у нас нет никаких доказательств того, что осенью 1829 г. Пушкин, набрасывая черновик

невских знакомых Пушкина был и "манор Гаевский, переведенный из гвардии в Селенгинский, вследствие истории Семеновского полка". См.: И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. /54/, 1950, с. 254.

¹⁵ См.: Б. В. Томашевский. Примечания. /5/, т. VI, с. 755. Кажется, утверждать, как это делает Б. В. Томашевский, по черновикам "Романа в письмах", что эти даты "относятся... не к тексту воображаемых писем, а ко времени и месту работы" (с. 756), достаточно спорно.

¹⁶ См.: Б. В. Томашевский. Примечания. /5/, т. VI, с. 759.

"рекомендательного письма", уже замыслил не только "повести", но и вообще какой-либо "цикл" прозаических произведений.

Ситуация, в которой "друг покойника" представляет нам "автора" некоей рукописи, однозначна: "Быв его опекуном желал я сдать ему его имение на законном основании... Насилу уговорил его поверить по крайней мере расход и приход... но он довольствовался пересмотром одних итогов... я предлагал ему продолжение своего управления... Я советовал ему... пустить крестьян на оброк..." (VIII, 582-583).

Рачительный хозяин, воспринимающий хозяйствование как свою обязанность и свое предназначение, естественно, неспособен понять молодого отставника, для которого, вероятно, по словам героя "Романа в письмах", звание помещика не есть "та же служба" (заниматься "управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши"¹⁷ — VIII, 52-53). Однако "идеальное" представление Владимира, вероятно, близкое и самому Пушкину, в действительности оборачивалось совсем другим: "Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай Бог им промотаться, как нашему брату. Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают еще Простаковы и Скотинины!" (VIII, 53).

При работе над черновиком "рекомендательного письма" Пушкин в равной степени исходил из этого "дуализма": важность службы была "замешана" на дикости мелкопоместных дворян.

Вместе с тем, Владимир из "Романа в письмах", раздумывая об "аристократии родовой" и о "семейственных воспоминаниях" дворянства, которые должны были бы стать "историческими воспоминаниями народа", с горечью отмечает: "Я

¹⁷ Думается, что "занудство" друга "покойника" не только простиительно, но и вполне оправдано.

без прискорбья никогда не мог видеть уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: Гражданину Минину и Князю Пожарскому. Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольный князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!" (VIII, 53).

Кажется, многие мысли героя "Романа в письмах" могли спровоцировать Пушкина на разработку того или иного замысла "семейственных воспоминаний", претендующих на роль "исторических". Однако, принадлежать лично Пушкину как дворянину, гордящемуся своим 600-летним дворянством, они не могли. В то же время любая переадресация их требовала от автора особого предуведомления. Поэтому на периферии замысла о "семейственных преданиях" могла возникнуть идея случайного представления некоей рукописи от имени "друга покойника".

Для мировой литературы пушкинского времени подобная идея оригинальной отнюдь не была¹⁸, однако для поэта А. С. Пушкина в 1829 году прозаическое повествование, субъект которого ничего не имел общего с лирическим "я" его стихотворений, поэм и даже "романа в стихах", это как раз и было принципиально внове.

¹⁸ См.: Д. Якубович. Предисловие к "Повестям Белкина" и повествовательные приемы Вальтер Скотта. /119/, 1926, с. 160-187. "Характерно вместе с тем, что и само предисловие к "Повестям Белкина"... представляет собою несомненную ассимиляцию композиционной схемы Вальтер Скотта, при чем детали этой схемы... чрезвычайно интересны — как показатель того, каким образом Пушкин, творчески претворяя западно-европейские формы, вводил их в обиход русского повествовательного жанра" (с. 161).

"Рекомендательное письмо", представляющее "рукопись, которую имел... честь... препроводить" опекун "покойного друга", осенью 1829 г. в момент отсутствия каких бы то ни было черновиков "повестей", "историй" и "анекдотов", — наброском предисловия быть не могло. Каким образом и почему Пушкин впоследствии использовал черновик рекомендательного письма, — не имеет отношения к истории текста наброска "Сердечно радуюсь..." — его "история" не должна включаться в историю написания предисловия к "Повестям Белкина", а само "рекомендательное письмо" ни первым, ни каким угодно "черновиком предисловия" быть не могло¹⁹. Пушкинское творчество характеризуется сложными и многоаспектными взаимосвязями между абсолютно разными замыслами: один и тот же набросок он мог использовать в самых неожиданных и никак не сопоставимых замыслах. Автореминисценции подчас настолько необъяснимы, что, кажется, однажды написанное Пушкин просто приспособлял к новому замыслу без какой-либо мотивировки и обработки. Этот характер черновых набросков издавна привлекал пристальное внимание ученых.

Б. В. Томашевский особо отметил склонность исследователей "изучать не произведения, а сквозь произведения — творчество — это эволюционирующее единство художественной системы"²⁰: увлеченные поисками общих закономерностей "во имя типологии" ученые сравнительно мало обращали внимание на то, что "разбором старого поэт занимался систематически, и есть основания подозревать, что знаменитая Болдинская осень 1830 года в значительной степени была посвящена обработке прежних произведений, написанных в

¹⁹Никто и никогда не объявлял набросок о "любителе отечественной литературы" первым черновым наброском предисловия к "Повестям Белкина" и не датировал замысел "рекомендательного письма" 1827 г.

²⁰Б. В. Томашевский. Пушкин. /97/, 1990, с. 40.

20-х годах"²¹. И хотя по отношению к "Повестям Белкина" и летописи "села Горюхина" никак не подходит слово "обработка", однако многое в их творческой истории следует рассматривать как автозаимствование.

Еще в 1931 году Ю. Г. Оксман в "Путеводителе по Пушкину" отметил наиболее характерные материалы пушкинских "автореминисценций": "В процессе работы над текстом болдинских повестей П. широко использовал свои более ранние неоконченные произведения. Так, из наброска "4 мая 1825 года произведен я в офицеры" перешло в "Станционный смотритель" описание лубочных иллюстраций к легенде о блудном сыне; так, зарисовка семьи городничего в отрывке "В начале 1812 года" (в свою очередь восходящая к "Роману в письмах") послужила основой характеристики семьи Марьи Гавриловны в "Метели". Из "Романа в письмах" перешли в "Барышню-крестьянку" сентенции об "уездных барышнях, воспитанных на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь" и пр., а также характерные детали зарисовки поведения столичного денди в провинциальной глуши. Из авторских ремарок в "Повестях Белкина" одни восходят к "Евгению Онегину" (напр. стр. "Бар. крестьянки": "Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей" и пр. варьировали признания строф XIII и XIV главы III "Онегина"), другие повторялись в "Путешествии в Арзрум" (ср. тираду о губернаторских обедах в начале "Станц. смотрителя" и заметку об обеде у тифлисского губернатора в гл. второй "Путеш. в Арзрум"), третьи обусловлены были бытовыми впечатлениями..."²². Но при этом именно "автозаимствования" так и не нашли себе места в изучении истории пушкинского замысла повестей.

²¹ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин. /97/, 1990, с. 34.

²² См.: Ю. Г. Оксман. /76/, 1931, с. 282. Ср.: М. С. Альтман. "Барышня-крестьянка" (Пушкин и Карамзин). /11/, (1931), с. 782-792. В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 572; P. Debreczeny. The Other Pushkin. /125/, 1983, pp. 86-88, 121, etc.

Сохранившийся "черновой автограф всех повестей", перебеленный "с поправками, местами переходящий в черновой", представляет из себя готовый "макет" издания с уже найденной композицией повестей: "Выстрел", лл. 1-16; "Метель", лл. 17-28; "Гробовщик", лл. 29-34; "Станционный смотритель", лл. 35-44; "Барышня-крестьянка", лл. 45-61: "В той же рукописи: I — перечень повестей и запись пословицы, II — лист с эпитафиями к повестям" (VIII, 1052).

Исследователи, как само собой разумеющееся, объявили этот автограф повестей болдинским и, следовательно, макет был "изготовлен" Пушкиным до его отъезда из нижегородского поместья.

Наличие листа "с перечнем повестей и записью пословицы" игумена Святогорского монастыря, как и запись эпитафий на обороте последней страницы "Барышни-крестьянки" — л. 62 в ПД 977 отнюдь не в соответствии с пагинацией, а в последовательности их календарного написания ("Гробовщик", "Станционный смотритель", "Барышня-крестьянка", "Выстрел", "Метель"), по крайней мере, свидетельствует о некоторых обстоятельствах, имеющих первостепенное значение для истории текста.

Впервые в текстологической истории изучения повестей Н. Петрунина описала этот очень важный автограф на л. 34 в ПД 977, придя к выводу, что на "последней странице рукописи "Гробовщика", повернув лист влево, Пушкин набросал в верхнем правом углу список из пяти названий, открыв его только что законченным "Гробовщиком", ниже — общий для всех повестей эпитаф, а левее (частично в обход списка, т.е. после него, но по некоторым признакам в тот же присест) — предварительную программу повести о смотрителе, которая была существенно уточнена в ходе работы, завершённой уже 14 сентября"²³. Концептуальный вывод Н. Н. Петруниной однозначно определяет: Пушкин сперва написал одну — первую —

²³Н. Н. Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 101.

повесть "Гробовщик", а потом — пять названий и общий эпиграф, не говоря уже о "плане" повести о зрителе.

Однако окончательный росчерк под "Гробовщиком" сделан поверх трех последних строк "плана" и пушкинского росчерка под ним. Под датой "9 сент. Болд. 1830" у левого края страницы Пушкин записал: "Письмо от Nat. ". Последний лист "Гробовщика" в "черновом автографе" всех повестей, хотя и указан под номером 34, однако предшествует рукописям "Выстрела" и "Метели".

Даже если признать выставленные Пушкиным даты под окончаниями повестей за действительные, то все равно окажется, что первоначальный "план" повести о зрителе, список "пяти повестей" и пословица прямого отношения к его помете "9 сент" не имеют. Можно только утверждать, что "план" появился раньше окончания "Гробовщика". О времени же появления "списка" повестей и "пословицы" определенно сказать ничего нельзя. Вполне вероятно, что они могли появиться одновременно с "планом", т.е. до завершения черновика первой повести. В пользу такого понимания последовательности заполнения листа, кажется, говорит одинаковый характер записей — сверху вниз, достаточно однотипная вначале скоропись и величина букв, существенно отличная от записи пословицы.

Можно предположить, что "список" повестей, например, появился или 9 сентября 1830 г., или значительно позднее, уже после окончания работы над "Зрителем", а две начальные буквы "Ст." слова "станционный" были записаны сбоку последними. В то же время, местонахождение "Барышни-крестьянки" в "списке" повестей между зачеркнутыми названиями первых двух позволяют предположить, что Пушкин провел вертикальную линию с левой стороны "Барышни-крестьянки" не раньше 14 сентября²⁴, то есть после окончания работы над "Станционным зрителем".

Связь набросков 1827-1829 гг. с черновиками болдинских повестей отмечена давно. Так, например, отрывок "В начале

²⁴Ср.: Н. Н. Петрунина. Из истории одного замысла Пушкина. /71/, 1987, S. 75.

1812 года..." обычно датируется "августом-октябрем 1829 г.", хотя основные черты характеристики действующих лиц были перенесены Пушкиным в "Метель"²⁵ в октябре 1830 г. .

Соглашаясь с Б. В. Томашевским в датировке и в характеристике "основных лиц", надо все же дополнить его наблюдения одним предположением: отрывок Пушкин использовал как при написании "Метели", так и при написании "Выстрела". Сравним зачины обоих отрывков. "В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело. Помещики окрестных деревень обыкновенно приезжали туда на зиму, каждый день мы бывали вместе, по воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, т.е. двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, и многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках; итак, неудивительно, что каждая безделица, относящаяся к тому времени, для меня памятна и любопытна" (VIII, 402). *Веселую жизнь* обер-офицеров Пушкин переписал для зачина "Выстрела" в качестве "скучной": "Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна... В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты..." (VIII, 65).

Еще большее значение для уяснения истории текста имеет черновой отрывок без названия, хотя именно оно впоследствии и было "взято" редакторами изданий у самого Пушкина — "ссылка на него имеется в рукописи "Станционного смотрителя", где нет описания картинок на стене почтовой станции и вместо того помечено "Из записок молодого человека". Возможно, что к этому же произведению относится название, находящееся в списке повестей на рукописи "Гробовщика": "Записки пожилого"²⁶. Б. В. Томашевский, к сожалению, только указал на обстоятельство, имеющее первостепенное значение для понимания вообще всего "списка"

²⁵ См.: Б. В. Томашевский. Примечания. /5/, т. VI, с. 789-791.

²⁶ См.: Б. В. Томашевский. Примечания. /5/, т. VI, с. 790.

повестей на рукописи "Гробовщика", но не прокомментировал свое наблюдение.

Если связь между третьим и пятым названиями устанавливается на основе "автозаимствований", то, кажется, допустимо предположить: Пушкин зачеркнул последнюю запись, так как она по своему материалу повторяла в "списке" замысел "Станционного смотрителя". Следовательно, на л. 34 с окончанием "Гробовщика" Пушкин после 9 сентября записал не пять названий задуманных им повестей, а только четыре!

Одно это полностью аннулирует все гипотезы о том, что до 14 сентября 1830 года Пушкин предполагал написать цикл повестей, ибо ни последовательность "списка", ни названия каждой из них, ни стилистическая ориентировка образа автора в уже созданных повестях — ничто не может быть интерпретировано вне реального писателя А. С. Пушкина. И хотя в этом смысле не последнее место в "идеологии" повестей занимают "автобиографизмы", которые исследователи в ретроспективном изучении "Повестей Белкина" оценили как "свидетельства" того, что "литературный автор" (И. П. Белкин) был только "маской"²⁷, "алгебраическим знаком"²⁸, "внеконтекстуальным" образом²⁹, однако необходимо подчеркнуть: *история записей*

²⁷ Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. /105/, 1900, с. 84-85. А. Лежнев. Проза Пушкина. /50/, 1937, с. 144. М. Дрозда. Нарративные маски в "Повестях Белкина" А. С. Пушкина. /45/, 1981, S. 264. Ср.: Jan M. Mejer. The Sixth Tale of Belkin. /131/, 1968, p. 130. "Belkin was essential for Pushkin, but not because of the skaz in the first place. It was to create an author who would encompass more elements that there were in Pushkin's straight, "austere" prose. For this Pushkin needed an author figure that could accomodate the frivolous and lyrical in prose. Pushkin's hypostatical narrators enabled him to use expressive possibilities that he could not incorporate directly into this prose... The artistic form also excluded the personal Pushkin. Neither of these could play an organising role in the tales".

на л. 34 должна интерпретироваться как единственное из имеющихся свидетельств того, что у Пушкина в сентябре 1830 года не было какого-либо намерения "переадресовать" замысел, состоявший, по крайней мере, до начала работы над "Барышней-крестьянкой", из четырех повестей, кому бы то ни было, в том числе еще и не "примышленному" на данный момент "литературному автору".

Таким образом, черновики первых трех повестей и пока что задуманная четвертая, с неизвестным нам сюжетом, повесть "Самоубийца" — вот что является реальным материалом истории этого прозаического замысла Пушкина. Первоначальные опыты по реализации этого замысла, возможно, Пушкин осуществил задолго до Болдинской осени 1830 года. И кроме этого первого замысла экспериментальных повестей или одновременно с ним у Пушкина существовал и другой замысел, связанный с разработкой важного суждения главного героя "Романа в письмах", для которого "семейственные предания" дворян могли стать "историей народа". Однако опыт "Арапа Петра Великого" и литературная ситуация 1827-1829 гг. подсказали Пушкину неожиданное решение: создать образ историка, занимавшегося "семейственными преданиями" до самой своей смерти. Поэтому и представлять "покойника" должен был его "друг".

До октября 1830 года эксперименты по обоим замыслам шли параллельно и независимо друг от друга. Поэтому объединять на этом этапе в одну историю текста три написанных по "списку" повести и черновик "рекомендательного письма" нецелесообразно. Зато различие истории текстов обоих

²⁸ См.: В. С. Узин. О "Повестях Белкина". Из комментариев читателя. /102/, 1924, с. 16; В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 538.

²⁹ Ср.: Н. Н. Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 161. "Белкин вслед за реальным автором "Повестей" оказывается повествователем-невидимкой, без голоса, без стиля".

замыслов позволяет выяснить чрезвычайно важные причины, заставившие Пушкина искать "точку пересечения" их, следствием чего и следует считать появление двух новых повестей и черновиков разработки пародийного "сочинения" некоего "литературного автора". Механизм объединения на принципиальной художественной основе разных по генезису и по структуре двух замыслов был заранее обречен на неудачу: "двойничество", которое было воспринято в качестве "литературной задачи" Пушкина по нейтрализации враждебной ему нравственно-сатирической прозы, кажется, не было условием "циклизации"³⁰ пяти повестей.

Пословицу игумена Святогорского монастыря на л. 34, которую почти все посчитали эпиграфом ко всему циклу, тем не менее прочитывали по-разному. Если, по Ю. Г. Оксману, Пушкин написал: "А вот то будет, что и ничего не будет"³¹, то Б. В. Томашевский вместо "ничего" читал "нас"³².

"Пословица" записана в три строки. Сопоставление написания букв "а", "и", "с" и "ч" в "пословице" и в "плане" о зрителе (слова: "дочь", "уничтожен", "прочь", "сей", "история", "писарь" и т. д.), несомненно, подкрепляет мнение Оксмана. Впрочем, прочтение Томашевского соотносимо только с частными судьбами персонажей: гибелью Сильвио и Владимира Николаевича, "похоронами" Трюхиной и смертью Вырина. По отношению же к другим героям повестей эта "пословица" с акцентацией на слове "нас" приобретает абстрактный характер. Прочтение Оксмана имеет подтверждение и в "Метели" — оно было предложено в качестве "приема"

³⁰ См.: В. С. Белькинд. Художественная проза А. С. Пушкина. /16/, 1989, с. 18-23. М. М. Гиршман. Литературное произведение. Теория и практика анализа. /36/, 1991, с. 99.

³¹ См.: Ю. Г. Оксман. /64/, с. 283.

³² Во всех "академических изданиях" под редакцией Б. В. Томашевского принято только такое прочтение пословицы. Ср, напр.: Н. К. Гей. Проза Пушкина. /33/, с. 95-96.

повествования: "Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается. А ничего" (VIII, 81). Это "ничего", по мысли Б. М. Эйхенбаума, — основа сюжетики повестей, которая сводится к "игре с фабулой... развязка возвращает нас к тому моменту, с которого началась фабула, и уничтожает ее...", а в каждой повести "не произошло ровно ничего"³³. Кажется, Пушкин записал поговорку, не думая об эпиграфе к "списку" повестей, а скорее как сюжетологический стержень своего повествования: читатель, чье ожидание "необычного" течения событий было обмануто, ввергается в обыденность жизни — она-то и выступает в качестве непредсказуемой моделирующей силы. Именно поэтому для *истории текста* повестей конъектура поговорки "по Оксману" предполагает точное понимание пушкинского эксперимента в прозе.

Замысел повестей возник не на пустом месте: фактически, "Роман в письмах", над которым Пушкин работал в селе Павловском (1829), содержал многие сюжетные и стиле-персонифицированные коллизии, использованные впоследствии Пушкиным при написании других произведений³⁴. Без "Романа в письмах" вряд ли появились бы не только "Повести Белкина", "Пиковая дама", наброски, тесно связанные с теми или иными поворотами переписки героев, но и замысел "Капитанской дочки" в качестве "семейственных преданий" дворянского рода Гриневых³⁵.

Ю. Г. Оксман писал: "Замысел связан с впечатлениями П. от его пребывания осенью 1829 г. в с. Павловском... где он встретился со своими тригорскими приятельницами, волочился за... А. Н. Вульф и "уездной барышней" Е. В. Вельяшевой

³³ Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. /117/, 1924, с. 167.

³⁴ С. М. Шварцбанд. Логика художественного поиска А. С. Пушкина. /110/, 1988, 7-8.

³⁵ Ср.: Н. Н. Петрунина. У истоков "Капитанской дочки". /74/, 1974, с. 103.

(вероятный прототип "Маши"), но одновременно приглядывался и к формам барщинного хозяйства, к усадебному быту и к крепостной деревне... в начатый "роман" П. предполагал вложить свои излюбленные мысли о назначении помещика, о подлинной и мнимой русской аристократии... а также некоторые общие соображения о чинах в России и о системе дворянского воспитания, намеченные им еще ... в "Записке о народном воспитании" (пробелы в 9 письме романа вероятно и предназначены для этих вставок). В литературно-полемиических целях введена была в 5 письме ироническая сентенция о "критиках Вестника" ** — ответ на статью Надеждина... Эпизод с чтением "Клариссы" Ричардсона в письме, судя по письму П. к брату — автобиографичен... еще в ноябре 1824 г. Давностью этого чтения объясняются фактические неточности...³⁶.

Ю. Г. Оксман указал и на заимствования: "Свои рассуждения о русской аристократии П. частично использовал в 1830 г. для "Опыта отражения некот. нелитературных обвинений", характеристику Маши и ее семьи... перенес в первую редакцию "Метели", строки об "уездных барышнях..." и пр., а также о линии поведения Владимира... повторил в "Барышне-крестьянке"³⁷. Наряду с отмеченными деталями для *истории текста* повестей большое значение имеют и некоторые иные сближения корреспондентов "Романа в письмах" с образом реального автора. "Роман в письмах" состоит из двух частей: семь писем переписки подруг и три письма переписки друзей. В письмах Лизы и Саши задается одна коллизия, в письмах Владимира и его друга — иная. Обе части содержат, если судить по черновикам, одну и ту же сюжетную линию развития отношений между Лизой и Владимиром (о влюбленности Маши и Владимира — можно только догадываться³⁸). Вместе с тем,

³⁶См.: Ю. Г. Оксман. /64/, с. 315.

³⁷Ю. Г. Оксман. /64/, с. 315.

³⁸См.: В. Я. Брюсов. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. /25/, 1929, с. 101.

Лиза:

...я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов. Я познакомилась с семейством... У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными книгами. Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном... Я благословясь начала с предисловия переводчика... Читаю... скучно, мочи нет. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа, и конец... Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внушек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?.. ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться. (Ответ Саши: "Благодарю... за отчет об Ричардсоне... Прочитать его не надеюсь... я и в Вальтер Скотте нахожу лишние страницы.") Зима в деревне пугала меня. Но все на свете имеет свою хорошую сторону... Читая... романы, я нахожу на полях его замечания... Его поражали мысли и чувства... Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-ом... Происшествие замечательно, положение хорошо запутано, — но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман... Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке...

Владимир:

Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете... Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейственные воспоминания детей коллежского ассессора?.. Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, "А потому что патриотки"... (Ответ друга: "Чины в России необходимость, хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей... Охота тебе корчить г. Фобласа... ты отстал от своего века и сбиваешься на *si-devant* гвардии хрипуна 1807 г.") Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам... Кроме Лизы, есть у меня для развлечения Машенька... Эти девушки... гораздо милее наших однообразных красавиц... Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету (за это Лиза очень мило бранила меня):

*Глупа как истина,
скучна как совершенство.*

Не лучше ли:

*Скучна как истина,
глупа как совершенство.*

То и другое похоже на мысль. Попроси В. присказать первый стих и отныне считать меня поэтом.

в "письмах" есть еще одна чрезвычайно важная структурная тенденция: начиная с третьего письма "литературно-критические заметки" становятся заметным содержанием переписки. При этом сходство литературных оценок Пушкина и его "соавторов" по "почтовому роману" — вряд ли было случайным. Концентрация на нескольких страницах рассуждений о литературе времен "бабушек и дядюшек", практических советов по литературному труду (вышивка по "старой канве... новых узоров"), оценка отношения к современной словесности в деревнях ("Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Пушкин и Вяземский так любят уездных барышень. Они их истинная публика" — VIII, 50) — все доказывает, что Пушкин в период работы над "почтовым романом" достаточно серьезно осмыслил современную ему теорию и практику литературного труда.

Естественно, что объект изучения — творчество — определил и предмет изучения — писательский характер. Вот почему герои "Романа в письмах" не подопытные субъекты "светской переписки", а, скорей, обладающие творческой индивидуальностью характеры, которые посредством переписки открывают в себе литературные задатки. Письма героев романа содержат различные примеры литературной искушенности: сентенции (Лиза: "... способы нравиться в мужчине зависят от моды... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны"; Владимир: "Звание помещика есть та же служба"), оценки (Лиза: "Он аристократ; а я смиренная демократка"; Владимир: "Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных"), описания (Лиза: "У нас зима: в деревне *c'est un événement*. Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, — все делается светлее, веселее от первого снега; Владимир: "Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо

милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужьев”), характеристики (Лиза: “Я познакомилась с семейством***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует вареньем”; Владимир: “Это, впрочем не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка”), самоанализ (Лиза: “Ты заметила прошедшею зиму, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но мы виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видом пренебрежения, — ничем не могла я от его избавиться... Сначала это льстило моему самолюбию. По крайней мере он, присвоивая себе новые права, говорил мне... С ужасом думала я: к чему все это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душою”; Владимир: “Это испытал я с Еленой***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало”), наконец, склонность к рефлексии (Лиза: “Я благословясь начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые шесть частей скученьки, зато последние шесть в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, — наконец добралась до шестого, — скучно, мочи нет”; Владимир: “Но я согласен с Лабрюером: “Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme”) и т. д.

Литературные свойства переписки героев “Романа в письмах” позволяют считать, что она вобрала в себя многое

из "почтовой прозы" самого Пушкина³⁹. Именно в силу этого обстоятельства перенос отдельных фрагментов из неоконченного "Романа в письмах" в новые замыслы был вполне закономерен. При этом Пушкин не забывал о природе "заимствования": в случае переноса фрагмента из одного произведения в другое все в нем подлежало приспособлению к новой художественной реальности.

Характеристику семейства ** из 3 письма Лиза продолжила в следующем письме: "Я короче познакомилась с Машенькой ** и полюбила ее; у ней много хорошего, много оригинального". В автографе романа далее следовало: "Эти девушки выросшие под яблонями и между скирд<ами> воспитанные нянюшк<ами> и природою гораздо милее наших однообразных красавиц которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужьев" (VIII, 565). Заканчивалось письмо "личностью и неприличностью": "Здесь получают журналы... сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика" (VIII, 50). Составляя десятое письмо Владимира, Пушкин возле слов "Она мила" пометил: "эти девушки воспитанные под — (письмо 5 portrait de Маша)" (VIII, 579), тем самым указав, куда он собирался перенести характеристику "барышень". В конце концов она попала в "Барышню-крестьянку": "Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам" (VIII, 123).

³⁹ См.: P. Debreczeny. The Other Pushkin. /125/, p. 52: "Taking up the epistolary form marked a retreat: instead of pioneering an entirely new mode of writing, Pushkin was both drawing on his own experience as a correspondent and making use of existing literary models".

История "переноса" одного и того же фрагмента из письма Лизы в письмо Владимира, а затем в повесть "Барышня-крестьянка" дает конструктивный материал для понимания опыта Пушкина. Действительно, характеристика Маши, данная ей в письме Лизы, и указание причин, по которым Вяземский и Пушкин любят "уездных барышень", — взаимосвязаны: при хорошем знании Машей русской словесности, нет ничего удивительного в том, что она, естественно, сердится на критиков "за любимого поэта". В контексте же Лизиного письма с просьбой к подруге, сказать от ее имени "неблагодарному Р*", что полно "тратить ум в разговорах с англичанками", эта характеристика приобретает сугубо полемический смысл по отношению к столичным читательницам.

В письме же Владимира, куда Пушкин собирался перенести эту характеристику, "повествовательная" ситуация оказывалась совсем иной: "Кроме Лизы, есть у меня для развлечения...". Поэтому и смысл сентенции об "уездных барышнях" приобретает сугубо житейский и "волокицкий" оттенок.

При переносе этого пассажа в повесть Пушкин, кажется, решил совместить несовместимое: с одной стороны, он сохранил за фразой ее литературно-полемический смысл ("Те из моих читателей... эти уездные барышни!"), а с другой — поместил его сразу же за рассказом о "любивой связи" Алексея Берестова, придав фразе фривольность.

Изменяя субъектную (женщина — мужчина) принадлежность фразы и ее объектный характер (в "Романе в письмах" — частная корреспонденция героев, а в повести — авторское замечание), Пушкин вынужден был убрать насмешливое "между скирдами" и заключительную иронию в адрес "однообразных" красавиц большого света, в сравнении с которыми "уездные барышни" оказывались милее, зато усилил "просветительский" момент, благодаря чему "знание света и жизни", почерпнутое "из книжек", определяет степень развития чувств и страстей. В этих трансформациях фрагмента скрывается еще одно важное для истории текста повестей обстоятельство: во всех трех случаях использования характеристики

"уездных барышень" Пушкин сохранил личностное отношение к ним, оставив во фрагменте "элемент автобиографизма"⁴⁰.

В пятом послании героиня "Романа в письмах" просит подругу сказать "неблагодарному Р*": "Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает" (VIII, 50).

В. В. Виноградов придал этой идее стиле- и формообразующий характер⁴¹. Кажется, за этой формулировкой героини "Романа в письмах" скрывалось вообще пушкинское представление о новой повествовательной норме: "Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный оригинальный роман" (VIII, 50).

По мнению В. В. Виноградова, стилистика "не занимается исследованием словесно-художественных структур как единосторонних речевых образований, воплощающих определенное мыслительное содержание, определенный идейный замысел и тем самым подчиненных той или иной социальной цели". Однако он только за образом автора признавал ту "цементирующую силу", которая связывает "все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему"⁴².

Подобная постановка вопроса об эстетико-лингвистическом и аналитическо-дискурсивном значении образа автора обосновывает собственно литературоведческое понимание как стиля, так и стилистики произведения, благодаря чему мысль о субъекте текста оказывается теснейшим образом связанной с "теорией других искусств"⁴³.

⁴⁰ См. Б. Л. Модзалевского. Примечания. /9/, т. 2, с. 346-352.

⁴¹ См.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, с. 548.

⁴² В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. /30/, 1963, с. 92.

⁴³ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. /30/, с. 116.

Конечно, опыт "лингвистической стилистики" В. В. Виноградова, предпринятый в 1941 г. ("Стиль Пушкина") еще до глобальной разработки образа автора в позднейших работах, во многом отрицательно сказался на понимании природы "литературоведческой стилистики" повестей: синтез "разных стилей, разных пластов речи"⁴⁴ с их разделением на "сентиментально-декламативные" или "поместно-дворянские" штампы был неудачен.

В. Д. Левин, в свою очередь, перенес лингвистические идеи о слабых и сильных позициях фонем в стилистику и пришел к выводу о соотносительности слабых и сильных позиций речевых актов и самой повествовательной нормы, конституируемой образом повествователя, считая, что слабые и сильные позиции здесь определяются "этим последним или, может быть лучше сказать, представляет его языковое выражение"⁴⁵. Аналитическая картина изменится, если признать в синтезе "повествовательной нормы" Пушкина не только соединение разных тенденций "речевой общественной практики — устной и письменной" с утверждением разговорности в качестве "факта литературного языка", но и появление "с формированием реалистического метода" образа автора, который оказался бесконечно разнообразен как "личность"⁴⁶.

Личностное разнообразие культурно-социальных типов повествователей на основе индивидуально-языковой повествовательной нормы — вот та новая художественная реальность, которая определила все пушкинские опыты и эксперименты 1827-1831 гг. в прозе. И поиск бесконечно разнообразных

⁴⁴ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, с. 538-542.

⁴⁵ В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 12.

⁴⁶ В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, с. 91-93. О многоликости образа рассказчика см. также: В. Э. Вацууро. Повести Белкина /27/, 1981.

субъектов повествования в различных прозаических жанрах и видах определял не только типы пушкинских романов, но и типы замыслов его повестей, в которых ряды заимствований и взаимодействий, по сути дела, являлись только признаками случайностей и совпадений, ибо одни и те же фрагменты в разных текстах выполняли самостоятельные задачи, различные по целям и смыслам. Однако благодаря именно им аналитический аппарат сравнительного литературоведения, конечно, обновляется, впрочем, также как и за счет присвоения отдельных понятий любых, даже самых отдаленных дисциплин. Об этом еще в 1924 г. писал Б. В. Томашевский: "Кстати — пора филологам отучиться от пользования терминами точных наук, мало им известных. В филологии вульгаризованы термины "динамика", "статика", "потенциальный" и т. п. Меж тем у себя на родине слова эти значат совсем другое. В филологии они часто совсем ничего не значат. Это теперь осознается, но не до конца, и не так давно один проповедник "энтропий" в духовной жизни жестоко высмеял психофизика, нашедшего три состояния идей — твердое, жидкое и газообразное"⁴⁷.

Механизм пушкинских автозаимствований (авто-реминисценций) всегда был осмысленным. Именно поэтому не от установления "голого" факта переноса из одной рукописи в другую чего бы то ни было, а от сильного изучения механизма трансформации фрагмента, фразы или образа зависит и наше понимание истории текста. Если "список" на л. 34 свидетельствует о том, что в момент "планового" написания "Трбовщика" и "Станционного смотрителя" Пушкин не ставил перед собой задачи создания "цикла" повестей, то отмеченные исследователями случаи автозаимствований должны были подчиняться или структуре жанрового типа, или же субъектно-повествовательному условию. В том и в другом случае при переносе фрагментов законы их адаптации в других тексту-

⁴⁷ Б. В. Томашевский. Пушкин. /97/, 1990, с. 75, прим. 15.

альных контекстах должны были закреплять и новые для них языковые реалии. По всей вероятности, не ранее 14 сентября Пушкин зачеркнул в "списке" названия двух повестей. И хотя в "Гробовщике" ученые не отметили автореминисценций, в "Станционном смотрителе" их находят достаточно.

За полтора года до выхода из печати "Повестей Белкина" в "Литературной газете" появился отрывок из "Путешествия в Арзрум" под названием "Военная Грузинская дорога", хотя целиком "путевые заметки" были напечатаны только в "Современнике" (1836). Однако уже в Болдинскую осень 1830 г. из еще никому неизвестной рукописи Пушкин решился "позаимствовать" одну сентенцию для "Станционного смотрителя".

Рассуждение о правиле "чин чина почитай" достаточно иронично⁴⁸: "Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле что было бы с нами, если бы, вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например, *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?" (VIII, 98).

В "Путевых записках" вместо сентенции оказалось нечто совсем иное: "Мы ездили в немецкую колонию и там обедали. Пили там делаемое пиво, вкусу очень неприятного, и заплатили очень дорого за очень плохой обед. В моем трактире кормили меня так же дорого и дурно. Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно

⁴⁸ О характере иронии см., напр.: P. Debrezseny. The Other Pushkin. /125/, pp. 121.

меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!" (VIII, 459).

Действие в "путевых записках" разворачивается вокруг авторского "я", отстраненного из "мы": *мы ездили и обедали, пили и заплатили — кормили меня, позвал меня, меня обносили, я встал голодный*. При этом досада на то, что слуги "обносили" из-за того, что английские офицеры были в *генеральских* эполетах, реализуется в последнем восклицании, адресованном генералу Стрекалову. Субъектно-повествовательный пафос данного эпизода был преобразован в повести в объектно-рефлектирующий, а "местоименное движение" от "мы" к "я" отразилось в "путевых записках" зеркально — от "я" к "мы": *я негодовал, не мог привыкнуть, то и другое кажется — что было бы с нами, возникли бы споры*. Благодаря подобным трансформациям "арзрумский эпизод" в "Станционном смотрителе" оказался адаптированным: в новой повествовательной ситуации "определятельным" параметром становится возраст субъекта "будучи молод" — "ныне", а вовсе не досада на дороговизну и плохую пищу в Тифлисе вообще, не говоря уже о приеме, который "тифлисский гастроном" доводит до абсурда. Решительные преобразования были сделаны Пушкиным и в другом случае "заимствования".

Статус повествователя в "Записках" (молодой и образованный офицер, жаждущий приключений и на все немедленно рефлектирующий) на фоне картинок, изображающих историю блудного сына, предполагает, что замысел "записок молодого человека" мог строиться на параллелизме судеб субъекта и героя евангельской притчи⁴⁹. Напечатанные под ними прилич-

⁴⁹В. И. Тюпа. Притча о блудном сыне в контексте "Повестей Белкина" как художественного целого. /101/, 1983, с. 74-75. Рассуждение исследователя по поводу замысла Пушкина о "раскаившемся декабристе" было справедливо подвергнуто критике. См.: Н. Н. Петрунина. Из истории одного замысла Пушкина. /71/, Vd. 32, 1987, S. 74.

ные немецкие стихи прочел субъект "с удовольствием и списал, чтоб на досуге перевести". По-иному обстоит дело в "Станционном смотрителе". Выезд из столицы выпускника военного училища⁵⁰ и его первая поездка по тракту, "ныне уничтоженному", приурочены в "Записках" к маю месяцу, отсюда и "метеорологическое": "День был жаркий" (сравните со вторым приездом: "Это случилось осенью"). Но если в "Записках" прогулка в жаркий день мая вызвана скукой и убожеством "станционной жизни", то жаркий день в повести ни для чего, кроме дождя, не нужен: "В трех верстах... стало накрапывать... дождь вымочил меня... первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю". "Механический" перенос вроде бы лишних деталей показателен именно в силу того, что трансформация образа повествователя доказывает осмысленность автозаимствования.

Переписывая из черновика "Записок" описание лубков в повесть, Пушкин иначе сконструировал ситуацию ("Я благодарил и занялся рассмотрением картинок" — смотритель "принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок"), распространил описание ("его смиренную..." — "его смиренную, но опрятную..."), произвел некоторые изменения ("дурное поведение развратного человека" — "развратное поведение молодого человека, "юноша в французском кафтане" — "юноша, в рубище"), наконец, снял важное в "Записках" домысливание: "он воспоминает о доме отца своего, где последний раб и т. д. ". Напомним, что в Евангелии от Луки приводятся мысли юноши: "Пришед же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода!" (Лука, 15:17). Выделенные курсивом в "Записках"

⁵⁰ См.: Ю. Г. Оксман. Повесть о прапорщике Черниговского полка. /65/, 1930, с. 212-222. Ср.: Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова. /56/, 1988. с. 124: "Нельзя согласиться ни с тем, что образ Гринева принижен и оглушен, вроде, например, Белкина в "Истории села Горюхина", ни с тем, что он лишь по цензурным причинам заменяет центрального героя..."

слова, скорее всего, взяты из "немецких стихов", которые повествователь собирался перевести. В повести они были просто не нужны, поскольку "немецкие стихи" были только прочитаны.

Повествование в "Записках" определено образом молодого человека, рассказывающего о своих сиюминутных "приключениях". В "Станционном смотрителе" ситуация многократного посещения домика Вырина предполагает "мемории", а вовсе не сиюминутное описание событий. Возможно, конъектура в "списке" — "Записки пожилого" — и была алгебраическим знаком, поставленным Пушкиным при трансформации заимствованного описания картинок. Как бы там ни было, следует учитывать принципиальность текстовых преобразований, ибо они всегда были определены изменением образа повествователя. Вертикальная черточка рядом с названием "Барышня-крестьянка" появилась одновременно с зачеркиванием уже написанных повестей. В этом случае бесполезно сравнить заимствования, отмеченные исследователями, из других набросков в третьей повести. В XIII-XIV строфах III главы романа "Евгений Онегин" Пушкин признавался:

И, Фебовы призыв утрыз,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.

Желание "просто" пересказать "преданья русского семейства", "пленительные сны любви" или же "нравы нашей старины" завершается описанием предмета пересказа:

Детей условленные встречи
У старых лиц, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуки, слезы, примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...

В этой "программе" пересказа свиданий любовников "смиренной прозой" Ю. Г. Оксман видел аналог автопризнания повествователя⁵¹ в третьей повести: "Если бы слушался я одной своей охоты, то... стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры..." (VIII, 177). Для истории текста замечание ученого крайне важно: подобное сходство авторских намерений в романе и в повести в тот период, когда Пушкин только приступил к реализации прозаического замысла, может означать одну-единственную возможность — субъектом текста "Барышни-крестьянки" он мыслил самого себя и никого другого.

Пушкинские автозаимствования неоспоримо свидетельствуют, что в период написания первых трех повестей Пушкин неуклонно исходил из "презумпции" собственного авторства. "Элементы автобиографизма"⁵² в "Гробовщике", "Станционном смотрителе" и в "Барышне-крестьянке" доказывают, что, по крайней мере, до октября 1830 года, субъектом повестей был их реальный автор.

Как установила Ю. И. Левина, "ниже отрывка, повествующего о приходе мертвецов в гости к гробовщику", сразу, "в центре страницы" изображен скелет: "По бокам этого рисунка имеются еще наброски... Верхний рисунок мужской головы, сделанный первоначально, резко отличается от последующего изображения женской головы... Это не схематичный обобщенный набросок, он сделан очень тщательно, с прорисовкой деталей: четко выписан характерный профиль с большим "орлиным" носом, подчеркнута впалость верхней губы и чуть выпячена нижняя, на бритом лице обозначены слегка заметные усы и бакенбарды, показана резкая морщина, вокруг оголенного темени — редкие длинные волосы, спадающие на шею;

⁵¹ См.: Ю. Г. Оксман. /77/, с. 283.

⁵² См.: Н. Н. Петрунина. Две "петербургские" повести. /70/, т. X, 1982, с. 150.

изображен и аккуратный кончик стоячего белого воротничка, черный шейный платок у самого горла... Это изображение, несомненно, портретно и воссоздает конкретные индивидуальные черты, видимо, хорошо знакомые и запомнившиеся. В нем нетрудно узнать особенности профиля дяди Пушкина, Василия Львовича; его облик хорошо нам известен по гравюре С. Ф. Галактионова (1803) и другим портретам, также обычно сделанным в профиль⁵³. Появление "профиля дяди" на рукописи первой повести Пушкина вряд ли было случайным, как и описание переезда Адриана Прохорова "Последние пожитки гробовщика... были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом" (VIII, 89). А совпадения адресов дяди поэта, чей дом стоял на Басманной, и невесты, жившей на Никитской, также были необычны.

Возможно, беспокоясь о здоровье невесты, Пушкин мысленно "переносился" поближе к ней, но при этом как бы вслед за повестью продолжил размышлять о ремесле гробовщика: "Как вам не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего соседа Адриана, который от этого большие барыши получает" (XIV, 31). Переезд Прохорова на улицу, где жила невеста, был замечен учеными: "На Большой Никитской улице, ныне улица Герцена, по правой стороне, на углу Скарятинского переулка, был один из собственных домов Гончаровых...Из окон этого дома видна была лавка гробовщика Адриана, помещавшаяся через Скарятинский переулок"⁵⁴. Но для истории текста важно не только это, но и "факт" совсем другого рода: Пушкин до публикации

⁵³ Ю. И. Левина. О рисунках Пушкина на рукописях "Гробовщика" (атрибуция одного портрета). /48/, 1977, с. 154-155.

⁵⁴ См.: Б. Л. Модзалевский. Примечания. /9/, т. 2, с. 443. Следует отметить, что у Пушкина не уточнены улицы, а они были парными: Большая и Малая Никитская, Старая и Новая Басманная. См.: Пушкинская Москва. /80/, 1937, с. 61, 143-156.

"Гробовщика" считал для себя возможным дать прямую аллюзию художественного текста на реальность.

Считая, что фраза о "просвещенном читателе" свидетельствует о желании Пушкина быть вольным "участником разрушения традиций мировой литературы"⁵⁵, В. В. Виноградов косвенно указал на то, что субъект повествования "Гробовщика" — реальный автор. Следовательно, в момент создания повести (т.е. 9 сентября) Пушкин рассказывал историю Адриана Прохорова от своего имени. В этом контексте скрытое противопоставление "вымысла" Шекспира и Скотта ("дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение") авторскому "уважению к истине" вместе с "полемическим комментарием"⁵⁶ в многочисленных литературных отсылках и цитатах — все принадлежит действительно образованному и профессиональному писателю, каковым мог быть только реальный автор, читавший и "Лафертовскую маковницу" Погорельского, и "Дуру Пахомовну" Измайлова, и "Хвастуна" Княжнина.

Правка карандашом по написанной чернилами фразе "[К несчастью] мы не можем следовать их примеру, ибо сия повесть не вымышленная и мы принуждены сказать..." (VIII, 626) — скорее всего, делалась при подготовке повестей к изданию: решительно убирая "разоблачительное" — "сия повесть не вымышленная" (напомню, что "отсутствие воображения" у Белкина, сформулированное в письме ненарадковского помещика, — станет для многих "составом преступления" литературного автора), Пушкин вписал сугубо "белкинскую" идею "уважения к истине" в соответствии с первым пунктом "плана" уже написанной к моменту правки истории села: "Уважение мое к званию писателя" (VIII, 715). То, что для писателя А. С. Пушкина составляло суть повествовательной нормы — "не вымышленная", для литературного субъекта "Повестей Белкина" становилось саморазоблачительным.

⁵⁵ В. В. Виноградов. *Стиль Пушкина*. /29/, 1941, с. 567.

⁵⁶ В. В. Виноградов. *Стиль Пушкина*. /29/, 1941, с. 585.

"Гробовщик":

Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом. ...сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать не можем... "Помнишь ли... того самого, которому, в 1799 году..."

Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположность сильнее поразила наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру... Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить... служил он... как почталцион Погорельского... стал опять расхаживать около нее с секирой и в броне сермяжной...

"Станционный смотритель":

...в течение двадцати лет... извездил я Россию по всем направлениям... Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседе речам какого-нибудь чиновника 6-го класса... любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени... Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире... шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих...

Из их разговоров... можно почерпнуть много любопытного и поучительного... что было бы с нами, если бы, вместо общеудобного правила: чин чина почитай... Но обращаюсь к моей повести. Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне... как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева...

"Барышня-крестьянка":

Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты... что за прелесть эти уездные барышни... В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование, но навык света скоро сглаживает характер... однако ж *nota nostra manet*, как пишет один старинный комментатор...

Поля свои обрабатывал он по английской методе ... ходил по рукам список с адреса одного из его писем: Акулине Петровне Курочкиной, в Москве... Те из моих читателей... Если бы слушался я одной своей охоты, то... стал бы... Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Зачеркнутый "план" второй повести на листе с окончанием "Гробовщика" предполагал не только другую сюжеттику (любовь писаря, его поездка за дочерью смотрителя в Петербург, смерть отца по возвращении писаря, смерть писаря и рассказ ямщика о дальнейшей судьбе), но, видимо, определял и "постороннюю", а не "заинтересованную" в происходящем роль субъекта текста. Однако при написании "Станционного смотрителя" Пушкин, вслед за образом субъекта "Гробовщика" "заставил" войти нового автора в "некоторые предварительные подробности": "Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям... любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени..." (VIII, 97-98).

Ни из "достаточного биографического известия" ненадежного помещика, ни из биографической канвы И. П. Белкина, родившегося в 1798 г. и умершего в 1828, ни из "автобиографии" в "Истории села Горюхина", двадцатилетние путешествия не вытекают. Подобное противоречие, кстати, сохраненное Пушкиным и в печатном тексте, конечно, дает "весомое" основание, считать Ивана Петровича Белкина "примышленным" позже "рамочным" образом.

Если считать, что первое путешествие Пушкин осуществил 15-20 июля 1811 г. из Москвы в Петербург "для определения в Лицей"⁵⁷, а в феврале 1830 г. "любопытный запас путевых" его наблюдений под названием "Военная Грузинская дорога" появился в "Литературной газете", то, кажется, можно утверждать: фраза "в течение двадцати лет сряду" — точно соотносится с биографией А. С. Пушкина. В черновиках повести Пушкин на полях и между строк несколько раз повторил запись о дате первого знакомства смотрителя и субъекта текста: "И так в 1820 году в м<ае> ме<сяце>... И так [в 1820]... году в м<ае> ме<сяце>" (VIII, 642).

⁵⁷ См.: М. А. Цявловский. /103/, 1991, с. 38.

Столь частое возвращение к одной и той же дате в черновиках вполне объяснимо, если вспомнить, что Пушкин 6 мая 1820 года выехал из Петербурга "к новой должности в Канцелярию Главного Попечителя колонистов Южного края"⁵⁸ и уже 17-18 мая добрался до Екатеринослава⁵⁹.

Впоследствии Пушкин отказался от "автобиографической" датировки и заменил 1820 г. на 1816 г. При этом, уже отмеченное автозаимствование из "Путевых заметок" о путешествии в Арзрум с проклятием "тифлисскому гастроному" вопреки исправленной дате по-прежнему позволяло отождествлять образ автора в "Станционном смотрителе" с Пушкиным. Пушкин поэтому и смог перенести в "Станционный смотритель" описание картинок о блудном сыне из "Записок молодого человека", что субъект нового текста также оказывался литературной личностью. Образы повествователей в трех первых повестях, написанных осенью 1830 г. в Болдине, мыслились Пушкину не просто субъектами "замечательных анекдотов", но — и прежде всего — образованными и профессиональными писателями, черты которых в отдельных частностях удивительно совпадали с образом реального автора.

"Писательское" свойство такой позиции Пушкина не могло не сказаться и в третьей повести — в "Барышне-крестьянке". Сентенция об "уездных барышнях" и повествовательная ситуация включения ее с "автобиографической" основой при авторском акцентировании на "моих читателей", которые "не жилали в деревнях" и которые в большей своей части не разделили бы "со мною моего удовольствия" описывать "свидания молодых людей", но при этом избавили бы "от излишней обязанности описывать развязку", — кажется, вполне однозначно представляет этому читателю хорошо

⁵⁸ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. /13/, 1985, с. 70.

⁵⁹ М. А. Цявловский. /103/, 1991, с. 212.

знакового по "Гробовщику" и "Станционному зрителю" субъекта повести "Барышня-крестьянка".

Версию об единстве образа автора в трех первых повестях можно подчеркнуть и рядом структурных примет повествования, которые также оказываются "вторичными", то есть "заимствованными" из писательского опыта А. С. Пушкина (см. Таблицу 3). Приемы ввода цитат и литературных образов в этих повестях те же, что и приемы самого А. С. Пушкина в его "Путевых записках", например, в "Военной Грузинской дороге". В одном случае Пушкин включает курсивом поэтическую строку непосредственно в прозаический текст. Сравните: "Граф Пушкин и Шернваль, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке на Севере гремящей*" (VIII, 450) — "Юрко стал опять расхаживать около нее *с секирой и в броне сермяжной*" (VIII, 99). В другом же случае Пушкин просто выделял в отдельную строку поэтическую цитату, подчеркивая ее особенность в повествовательном тексте. Сравните: "Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее... орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника:

По тучным пастбищам
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.

Калмыки располагаются около станционных хат" (VIII, 446) — и

"Много могу я насчитать поцелуев,
С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания" (VIII, 99).

Манера цитирования писателя А. С. Пушкина была для его времени новаторской: она подключала "чужой" (или "свой") текст в качестве носителя литературной информации,

а не только смысловой, как это было принято. Естественно, что будущий читатель повестей мог без всякого труда только по одному употреблению литературного фона угадать имя реального автора. Так что подобное включение литературного фона в прозаический текст было авторским делом Пушкина, и в то же время "изобличало" его в роли разрушителя "мировой традиции".

Итак, три повести, написанные в сентябре 1830 г. в Болдине, были ориентированы на образ реального автора — известного и профессионального литератора А. С. Пушкина. Именно это обстоятельство, ускользавшее до сих пор от внимания исследователей, оказывается важнейшим для понимания *истории текста*.

Школа

"Дело не только в полезности текстологии. Дело — в её неизбежности"

*Г. О. Винокур*¹

Котя название рукописи "Роман в письмах" дано издателями, а не Пушкиным, однако целевая природа "почтовой прозы" и активная работа над этим замыслом допускают предположение, что Пушкин в равной степени использовал психологию сочинительства для актуализации прозаической стихии эпистолярного жанра.

Тема творчества в переписке героев "Романа в стихах" (сообщения об активном чтении и осмыслении литературных произведений, сентенции и "надуманные" мысли, сочинительство и критика) задана как одно из свойств деревенской жизни, а их личное знакомство с неким "Р*", Пушкиным и Вяземским, как и принадлежность к высшему свету, — предполагают литературную образованность и знакомство с художественными новациями своего времени. Однако, ни просьба Лизы передать "неблагодарному Р*" ее совет "взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки", ни "опыт" Владимира в стихотворной надписи с

¹ Г.О.Винокур. Об изучении Пушкина. /31/, 1936 [март], с. 77.

Таблица 1

"Роман в письмах"

...У нее нашла я целый шкаф, наполненный... романами... Надобно жить в деревне, чтобы... прочитать... шесть частей... Я благословясь начала с предисловия... Чтение... дало мне повод к размышлениям...

...готовый план... готовые характеры... исправить слог... по старой канве вышьет новые узоры... предсказывает... в маленькой раме картину... Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика. Я было... принялась за критики...

Прошедшее для нас не существует... Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой... это надумал я... Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам...

Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги...

Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом.

"Автобиография"

...скука бездействия стала меня мучить... писмовник был найден в кладовой... я прочел его еще раз и больше уже не открывал... я рад был нечаянной находке, все же это были книги...

...я избрал... анекдоты, некогда мною слышанные... старался украсить... живостью... и цветами...

...образовал... слог и приучился выражаться правильно, приятно и свободно... скоро запас мой истощился...

...в целые два дня надумал я... Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушению страстей... заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию...

Наконец вдохновение озарило... я... благополучно окончил надпись к портрету Рюрика...

...надпись моя... как первое произведение молодого стихотворца...

рекомендацией считать его "отныне поэтом" — быть случайными деталями "Романа в письмах" не могли. Зато подобная концентрация сугубо "сочинительских" элементов в героях "почтового романа", видно, и была для Пушкина обоснованием собственно "романного" действия — *переписки!*

Автозаимствования и автореминисценции в первых трех повестях позволяют считать, что задолго до приезда в Болдино Пушкин приступил к разработке "двойного замысла" — "картины света и людей" и "семейственной истории" родовой аристократии. С первым замыслом связаны сентенции Лизы: "Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м... эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано... но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво... Пусть он представит нам в маленькой раме картину света и людей..." (VIII, 50). Второй замысел присутствует в письмах Владимира: "Вот уже две недели как я живу в деревне... Отдыхаю от петербургской жизни... Не любить деревни простительно монастырке... Петербург приходящая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете... Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа... Все это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек..." (VIII, 52).

Определив реальное значение автозаимствований и автореминисценций в логике художественного поиска Пушкина и "компилирующие" свойства их при обработке черновиков, следует еще раз обратиться к пушкинским наброскам. Представление о том, что "Роман в письмах" продуцировал "двойной замысел" Пушкина (повести и "история села"), необходимо для *истории текста* не только для установления временных

параметров творчества, но и в целях уяснения содержательных и стилистических формант².

Влияние отдельных элементов и эпизодов "Романа в письмах" на прозаическое экспериментирование Пушкина во время Болдинской осени подтверждает *текстологический* вывод о том, что "почтовый роман" был литературным фоном не только повестей, но и "автобиографии". Более того, творческая эволюция сочинителя "Истории села Горюхина" является как бы в "обратной" последовательности по сравнению с "эволюцией" Владимира, который начинает с сентенции об "уничижении наших исторических родов", затем высказывает замечания по истории и переходит к анализу современного состояния аристократии, завершает его "творческий путь" *стихотворная* надпись к портрету княжны Ольги. Сочинитель в "автобиографии" начинает со стихотворства и заканчивает "историческим трудом".

Подобное взаимодействие разных замыслов позволяет констатировать, что *вторым и независимым* от написания сентябрьских повестей прозаическим замыслом в Болдинскую осень 1830 г. был не связанный с ними замысел "Истории села Горюхина", работа над которым началась с "автобиографии" на основе биографического известия в "черновике первой редакции", который именно в силу *хронологически порождающего* принципа тоже должен быть приписан ко второму замыслу — "Истории села Горюхина", а не к *истории текста* "Повестей Белкина"³.

В первом черновом слое зачина письма Владимира было: "Мой адрес в Н. в село** — я здесь останусь еще недели 3 — может быть и долее" (VIII, 571). Тогда же, в 1829 г., набрасывая

² См.: Н.К.Гей. Слово прозаическое и слово поэтическое в творчестве Пушкина. /34/, 1991, с. 116, прим. 19.

³ Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 92: "...повести начинают складываться до того, как проходит оформление образа субъекта повествования в них".

в Павловском черновик "рекомендательного письма" от имени "опекуна покойного друга", Пушкин, вероятно для себя, повторил этот же адрес: "Он поселился в Нов <...> у<езде> <?>, в сельце Горюхине..." (VIII, 582).

При сопоставлении этого черновика с окончательным текстом предисловия к "Повестям Белкина" пушкинисты пришли к единодушному решению, которое нигде и никогда не было аргументировано: "рекомендательное письмо" опекуна они объявили "черновиком первой редакции" предисловия, т. е. сперва, по их мнению, возник замысел "Повестей Белкина", от которого уже потом "отпочковался" замысел "Истории села Горюхина". Следовательно, первый замысел в этом случае возник у Пушкина задолго до написания самих повестей⁴. Однако ретроспекция искажает историю текста до "телеологии"⁵.

С именем "покойного друга" опекуна оказались связаны два произведения Пушкина: "Повести Белкина" и "История села Горюхина". Одно уже это должно было бы сделать исследователей осторожными в выводах.

Напомним, что вместе с "рекомендательным письмом" опекун препровождает только одну рукопись своего "покойного друга", о составе которой нам ничего неизвестно. И записывая такой вариант, Пушкин, кажется, все-таки ориенти-

⁴ См.: P. Debreczeny. *The Other Pushkin*. /125/, 1983, pp. 56-137. Эта последовательность зафиксирована в названии главы "Belkin and Goriuhino".

⁵ Б.В. Томашевский справедливо указывал, что о намерениях писателя судят по тому, что у него получилось, а не по "целенаправленности" творчества, которое обнаруживает исследователь. См.: Б.В. Томашевский. *Писатель и книга*. /95/, 1959, с. 152. Антонимом однозначной "целенаправленности" выступает понятие "поиск", которое, по сути дела, вбирает в себя как "бесцелевое", так и "целевое" в зависимости от наличия зафиксированных художником "следов" творчества.

”От издателя”:

”черновик первой редакции” (VIII, 581-583)

Сердечно радуюсь, что рукопись...показалась вам достойной некоторого внимания. Петр Иванович Д. — родился в Москве в 1801 году от честных и благородных родителей —. Отец его Ив.П.Д. кол.<лежский> асс<есор> и кавалер [умер]. П.И. воспитывался во 2 кадетском корпусе...несмотря на чрезвычайн<ую> нежност<ь> здоровья и слабости памяти, оказал он довольно значительные успехи в науках... В 1818 году был он выпущен офицером в селенгинский пехотный полк в коем он и служил до 1822. — В сие <время> лишился он матери и расстроенное здоровье принудило его взять отставку... Быв его опекуном желал я сдать ему его имение на законном основании, но П.И. по природной беспечности никогда не мог решиться пересмотреть счетные книги планы бумаги мною ему предоставленные. Насилу уговорил его поверить... расход и приход последних двух лет... Я советовал ему по крайней мере пустить крестьян на оброк и тем избавить самого себя ото всякой хозяйственной заботы. Предположение мое было им одобрено, однако не привел его в исполнение за недосугом. — Между тем хозяйство остановилось крестьяне не платили оброка и перестали ходить на барщину, [так что не было во всем околотке помещика более любимого] и менее получающего дохода...

”История села Горюхина”:

”первый автограф” (VIII, 717-718)

[Если Бог пошлет мне читателей, то может быть для них будет любопытно узнать каким образом решился я написать Историю села Горюхина. Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности. Я родился от честных и благородных родителей в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа и первоначальное образование получил от нашего дьячка... Успехи мои хотя были медленны но благонадежны, ибо на десят<ом> году жизни отроду я знал уже почти все то, что поныне осталось у меня в памяти от природы слабой и которую по причине столь же слабого здоровья не дозволяли мне излишне отягощать.]

10ти лет привезен я был в Москву...Таким образом достиг я 16ти летнего возраста, оставаясь при первоначальном моем образовании... В сие время определился я юнкером в **пехотный полк, в коем находился до прошлого 18** года... Смерть моих родителей воспоследовавшая почти в одно время, принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину.

[Из сего краткого известия просвещенный читатель может видеть что воспитан я был, как говорится, на медные деньги и что в последствие не имел я случая приобрести сам собою то что было раз упущено, до шестнадцати лет играя с дворовыми мальчишками, а потом переходя из губернии в губернию, из квартиры на квартиру, проводя время с жидами да с маркитантами играя на ободранных биллиардах и маршируя в грязи.]

ровался на задуманное им какое-то *одно* произведение, поскольку в 1829 году никакой группы таких еще не было. Из этого же "рекомендательного письма" 1829 г. Пушкин осенью 1830 г. заимствует основные данные для "автобиографии" сочинителя "Истории села Горюхина". Вот почему трансформация "рекомендательного письма" в "автобиографическое признание" вряд ли может вызвать удивление, поскольку "Роман в письмах" и "Записки молодого человека" подсказывали Пушкину смену нарратива, при котором повествование от третьего лица заменялось повествованием от первого, столь характерного для большинства использованных черновиков.

Достаточно сопоставить "рекомендательное письмо" 1829 г. с первым черновиком "автобиографии" 1830 г., чтобы трансформация повествования от третьего лица в рассказ от первого при сохранении основных тенденций стала очевидной, а "параллельные" места в обеих рукописях оказались "уликами принадлежности" к одному (а не к двум) и тому же замыслу — "Истории села Горюхина". Н. К. Гей считает, что "найти и продемонстрировать границу, четкую линию качественного перехода от условных форм рассказывания... к подлинному было бы очень трудно, если бы сам творческий опыт Болдинской осени не предлагал нам такой уникальный материал" как "Историю села Горюхина", и тут же, подменяя одну проблему другой ("История его создания... до сих пор не поддается точному фиксированию"⁶), отказывается искать и демонстрировать.

В отличие от так называемого "черновика первой редакции", в котором опекун не входит ни в какие подробности, связанные с литературным трудом, "первый автограф" содержит в себе "автобиографическое" обоснование литературных занятий, любовь к которым привил герою "наш дьячок": "Сему то почтенному мужу обязан я... охотою к чтению и вообще к занятиям литературным" (VIII, 717). Более того, завершив

⁶ См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, с. 133.

"первый автограф" обращением к "просвещенному читателю", Пушкин впоследствии принялся за составление "плана" продолжения "автобиографии" (см. ПД 266):

"Уважение мое к званию писателя

Поэтов в особенности

Встреча с Булг.<ариным> и с Милонов<ым>

Любовь

Попытки мои в разных родах

в повестях [опи] <?>

в Истории

Всеобщ.<ей>

Росс.<ийской>

Губерн.<ского> Города —

Уезд.<ный> гор<од> не имеет истории

Приезд мой в деревню

Родословная моя, мысль писать ист.<орию>

Календари

Изустные предания

Летопись попа

Ревижск.<ие> ск.<азки> с описанием муж<иков>"

(VIII, 718-719).

Таким образом, осенью 1829 г. Пушкин сперва приступил к разработке "рекомендательного письма" опекуна "покойного друга", который, по мысли Пушкина, "препроводил" одну рукопись, еще не определенную как "история села". Затем, после написания в сентябре 1830 г. трех повестей (ориентированных на него самого в качестве автора), Пушкин в *первую декаду октября* занялся трансформацией "рекомендательного письма" опекуна в "автобиографию" сочинителя "Истории села Горюхина" и составил "план" для автобиографии *сочинителя* (который оказывался *создателем пока что неизвестных повестей*).

Отказываясь признать "черновик первой редакции" черновиком будущего предисловия "От издателя" к "Повестям Белкина", надо исходить из того, что до написания *в октябре*

повестей "Выстрел" и "Метель", Пушкин не собирался субъектов повествования *сентябрьских повестей* объединять в одно лицо, которое потом мог бы объявить *литературным автором* уже написанных повестей⁷.

Календарь работы Пушкина был напряженным⁸:

- 25 сентября — он закончил 9-ую по замыслу (в окончательной редакции 8-ая) главу "Евгения Онегина";
- 26 сентября — стихотворение "Ответ анониму";
- 29 сентября — письмо П. А. Плетневу;
- 30 сентября — письмо Н. Н. Гончаровой;
- 1-10 октября — стихотворение "Румяный критик мой...";
- 2 октября — стихотворение "Глухой глухого звал к суду глухого...";
- 5 октября — стихотворение "Расставание" и 12 строк поэмы "Домик в Коломне";
- 7 октября — стихотворение "Паж, или Пятнадцатый год";
- 10 октября — стихотворения "Рифма", "Отрок", "Я здесь, Инезилья...", закончена поэма "Домик в Коломне";
- 11 октября — письмо Н. Н. Гончаровой.

⁷ "Концептуальные" решения почти всегда искажают реальную картину хронологии творчества. Так например, Н.К.Гей категорически утверждает: "Барышне-крестьянке" принадлежала точно центрирующая роль между двумя полуциклами, написанными последовательно 9 и 14 сентября — первый и 12-14 и 20 октября — второй". См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, с. 63. Напомним еще раз хронологию: 9, 14 и 20 сентября пишутся три повести сразу с дистанцией в пять-шесть дней, а спустя двадцать четыре дня Пушкин заканчивает "Выстрел" и опять через шесть дней он пишет "Метель".

⁸ См.: Н.О.Лернер, Труды и дни Пушкина. /51/, 1910. с. 221-232, 462-464. А.Г.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. /41/, 1973, с. 29-30. Г.А.Лескис. Религия и нравственность в творчестве позднего Пушкина. /53/, 1992, с. 57-58.

Глебушии маи би зганаи масти
 надгоба модтаиш
 хемфтаи масти маи маи маи
 маи маи маи маи маи маи маи

Масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти

масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти

масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти
 масти масти масти масти

Не позднее 15 октября Пушкин написал два стихотворения "Два чувства..." и "Когда порой воспоминанья...". К столь насыщенному календарю надо добавить еще 39 заметок "Опровержения на критики" и 5 фрагментов из "Опыта отражения некоторых литературных обвинений". Между 20 сентября и 14 октября (т. е. между завершением работы над "Барышней-крестьянкой" и первой частью "Выстрела") работы у Пушкина было предостаточно.

Сопоставительный анализ черновиков опровергает существующие концепции о поэтапном написании "Истории села Горюхина": сперва, дескать, Пушкин сделал набросок "Если бог пошлет мне читателей", затем составил "план", а уж потом приступил к работе над "Историей села Горюхина". Б. В. Томашевский посчитал, что автобиография, предпосланная "Истории села Горюхина" (ее "первый автограф"), была написана Пушкиным еще до начала работы над "Станционным смотрителем", т. е. до 14 сентября 1830 г.⁹, однако Н. Н. Петрунина решительно сдвинула сроки написания "первого автографа" к *последним дням работы над "Выстрелом"*, т. е. после 14 октября¹⁰. Кажется, оба мнения неточны.

Перечеркнутые 16 пунктов "плана" (от "Уважение мое к званию писателя" до "Летописи попа") свидетельствуют прежде всего о предварительном замысле повествования. Отдельные пункты "плана" ("Встреча с Булг. и с Милонов", "Попытки мои в разных родах", "в повестях" и т.д.) были использованы Пушкиным, однако "Любовь" (вписанный позднее пункт — VIII, 719, прим. 1) вместе с пунктами "Приезд мой в деревню" и

⁹ См.: Б.В.Томашевский. Примечания. /96/, т. VI, с. 759.

¹⁰ Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, с. 154. В первом издании "Истории села Горюхина" в редакционном примечании после строк о возвращении сочинителя в деревню сообщалось: "Здесь в рукописи недостает нескольких листов, не найденных в бумагах покойного, а может быть еще и не написанных". См.: Сочинения Александра Пушкина. В 11-ти тт. /8/, 1841, т. 10, с. 72.

"Родословная моя, мысль писать ист.<орию>", помещенные после "писательской биографии", определяют иную мотивировку, чем та, которая появилась в "основном автографе".

В этом случае, "первый автограф" представляется *конспектом* начала "основного автографа". Нарративная лакуна (см.: VIII, 698 и прим. 4, а также 718, прим. 10) в "основном автографе", дополняемая фрагментом из "чернового автографа" ("В сие время..." до "в мою вотчину" — VIII, 718), усиливает именно такое впечатление. Впрочем, для "первого автографа" характерно еще одно обстоятельство — в нем изначально присутствует фрагмент о военной службе: "В сие время определился я юнкером в **пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18** года. Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений кроме производства в офицеры и выигрыше 245 рублей в то время как у меня в кармане всего оставалось рубль 6 грив. Смерть моих родителей воспоследовавшая почти в одно время принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину" (VIII, 718). Описание обстоятельств службы в *пехотном полку (производство в офицеры и выигрыш в карты), как и причины отставки (смерть родителей), по всей вероятности, сыграли решающую роль в том, что Пушкин, закончив 20 сентября "Барышню-крестьянку", после значительного перерыва стал писать новую повесть от первого лица (первую часть "Выстрела")*.

Н. Н. Петрунина *первой* в изучении повестей установила связь между историей текста "Выстрела" и историей текста черновиков "автобиографии": "Вторая часть "Выстрела" и стала... той точкой, в которой соединились два пушкинских замысла: его болдинские повести и набросок о Петре Ивановиче Д. Можно даже предположить, что на этом скрещении разновременных замыслов возникла первая мысль второй части... И все же именно во второй части "Выстрела" герой-рассказчик впервые оказался в ситуации, предвосхищающей... то положение, в каком очутился... будущий автор "Истории села Горюхина"... Вряд ли будет большой натяжкой предполо-

жение, что образ героя-повествователя "Выстрела"... стал тем импульсом, от которого берет начало зафиксированное в рукописях развитие замысла "Истории села Горюхина"¹¹. Приоритет ученого в установлении важнейшего факта соединения "двух пушкинских замыслов" неоспорим¹². Тем не менее, с линейной концепцией — после первой части "Выстрела" к "Истории села Горюхина" — согласиться нельзя по ряду текстологических соображений.

Напомним, что "первый автограф" обрывается на писательском признании: "[Из краткого известия просвещенный читатель может видеть что воспитан я был... на медные деньги и что в последствие не имел я случая приобрести сам собою то что было раз упущено, до шестнадцати лет играя с дворовыми мальчишками, а потом переходя из губернии в губернию, из квартиры на квартиру, провождая время с жидами да с маркитантами играя на ободранных биллиардах и маршируя в грязи]".

Учитывая первый пункт "плана" — "Уважение мое к званию писателя", — концовка "первого автографа" действительно "провоцировала" исследователей: *просвещенный читатель*знакомился не только с "автобиографией", но и с попытками "в разных родах", включая повести и историю. Но поскольку первые три повести принадлежать "постороннему" для них лицу не могли, необходимо было представить творчество сочинителя *такой* повестью, которую тот смог бы написать. И лишь в этой взаимосвязи "первого автографа", "плана" и первой части "Выстрела" следует говорить и о "соединении двух замыслов" — *истории села и одной повести, но вовсе не о попытке соединить написанные Пушкиным от своего имени в сентябре 1830 г. три повести и замысел "Истории села Горюхина"*¹³.

¹¹Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 154-155.

¹²См.: Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 155.

¹³Н.Н.Петрунина под первым замыслом указывает замысел всех повестей, а под вторым — "Историю села Горюхина".

Я родился... 1801 года апреля 1 числа... на десятом году от роду я знал уже почти все то, что поныне осталось у меня в памяти...

В 1812 году повезли меня в Москву... Таким образом достиг я шестнадцатилетнего возраста... В это время определился я юнкером в ** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18** года... кроме производства в офицеры...

Смерть дражайших моих родителей принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину...

Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого роду... Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной, я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить...

Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли из 15 домашних анекдотов... Настоящий... письменник был мною найден в кладовой, между всякой рухлядью...

Мы стояли... Жизнь армейского офицера... Один...человек... Ему было около тридцати пяти лет... Это... повредило ему во мнении молодежи...

Имея от природы романтическое воображение...гости ушли... мы... молча закурили трубки... — Может быть... но я вас люблю... Вам было странно ...жизнь его была в моих руках... Если... не подвергая вовсе моей жизни... я не имею права...

Шесть лет тому назад я получил пощечину...я служил в ***гусарском полку... я перепил... Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым... на бале у польского помещика... Я вышел в отставку и удалился в это местечко ...кто-то писал ему из Москвы...Еду в Москву...странные противоположные чувства... волновали меня... Мы простились..

Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке... Занимаясь хозяйством... Малое число книг, найденных...под шкафами и в кладовой... Все сказки, которые... только могла запомнить ключница...

Подобная интерпретация предполагает вполне определенную последовательность возникновения черновиков: в первой декаде октября Пушкин приступил к составлению "автобиографии", доведя разработку до службы в армии и обоснования "упущений" при воспитании на "медные деньги" и записал "план", который, возможно, сразу же был отвергнут. Затем, вместо продолжения работы над "автобиографией", Пушкин приступил к написанию такой повести, автором которой можно было бы объявить "историка села". И закончив первую часть "Выстрела", Пушкин сперва пометил ее "12 окт.", а затем исправил число на "14".

Уточненная Пушкиным датировка и помета "Окончание потеряно", кажется, свидетельствуют о тех затруднениях, с которыми ему пришлось столкнуться при соединении замысла *одной* повести с "автобиографией" литературного автора. Думается, дело было вовсе не в фабуле повести, тем более, что история о двух дуэлях была "запрограммирована" сразу: "Так точно... Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив... Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства... Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?.. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Ныне мой час настал..." (VIII, 68-70). В течение двух дней — с 12 по 14 октября — Пушкин, вероятно, пытался понять, каким образом мог бы армейский офицер узнать продолжение истории. Видимо, решение было найдено только тогда, когда он понял, при каких условиях должна была бы — и, следовательно, могла бы — произойти встреча рассказчика с врагом Сильвио. Исправленная дата "14 окт." в конце первой части (если, конечно, "12" не было простой опиской Пушкина¹⁴) и эта

¹⁴ Не исключено, что Пушкин, поставив "12 окт.", просто допустил неточность и, заметив, тут же ее исправил.

"История села Горюхина" и предисловие "От издателя"

Курсивом выделены редакционные пометы

"Черновик первой редакции" к предисловию "От издателя" (VIII, 581-583)

"Петр Иванович Д. — родился *вписано* в Москве в 1801 году
исправлено из 1803

от честных и благородных родителей...

"В 1818 году был он выпущен офицером..."

"...выпущен офицером в селенгинский пехотный полк в коем он и служил до 1822".

"В сие время лишился он матери и расстроенное здоровье принудило его взять отставку..."

"...поселился... в сельце Горюхине, где и провел ... дни краткой своей жизни".

"Насилу уговорил его поверить... расход и приход последних двух *первый вариант* — последних "10-ти лет".

"Первый автограф" к "Истории села Горюхина" (VIII, 717-718)

"Я родился... в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа..."

"10-ти *исправлено для предисловия "от Издателя"* — на 14 году лет привезен я был в Москву..."

"Таким образом достиг я 16-ти летнего возраста..."

"В сие время определился я юнкером..."

"...определился... в **пехотный полк, в коем находился до прошлого 18** года".

"... до шестнадцати лет играя с дворовыми мальчишками..."

"Основной автограф" — "История села Горюхина"

Начало "Если Бог... излишне отягощать" *отсутствует: см. "первый автограф"*.

"В 1812 году повезли меня в Москву..."

"...достиг я шестнадцатилетнего возраста..."

Абзац "В сие время... в мою вотчину" *отсутствует: см. "первый автограф"*.

(Следовательно, даты поступления на службу и выхода в отставку те же: с 1817 (1801 + 16) по 18** год — С.Ш.)

"...я очутился... и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился", то есть 1801 г. + 23 года = 1824 г.

же дата, стоящая в конце второй части, свидетельствуют, что, по крайней мере, хотя бы этот фрагмент в "основном автографе" задуманной "Истории села Горюхина" появился до 14 октября 1830 г.

Разрабатывая в "автобиографии" эпизод о приезде сочинителя в деревню, Пушкин обратил внимание на одно обстоятельство: возвращение из армии в вотчину требовало и вступления во владение ею! Так бывшее "рекомендательное письмо" опекуна приобрело новый смысл: "Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной; я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим**... В сей крайности пришло мне на мысль, не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?.. дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову..." (VIII, 129-132). Некогда Пушкин прервал работу над "автобиографией", чтобы вернуться к художественному повествованию и, уяснив себе армейское прошлое своего сочинителя, он, не переписывая в "основной автограф" концовки "первого автографа" ("Из сего... маршируя в грязи" — VIII, 709, прим. 3), занялся рассказом "молодого армейского офицера", который и стал первой частью повести "Выстрел". Однако, доведя историю Сильвио до логического завершения, он выставил дату и пометил: "Окончание потеряно", после чего снова приступил к разработке "автобиографии".

Только теперь, описывая деревенскую жизнь сочинителя "Истории села Горюхина", Пушкин понял, что *перемена жизни* ("Сия эпоха жизни моей столь для меня важна...") и *характера* повзрослевшего дворянина, занявшегося сочинительством, обуславливает *продолжение* неоконченной повести: "Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера... Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой (ср. "шкаф с книгами" из "Романа в письмах"), были вытвержены мною наизусть... Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницейю с горя, т.е. самым горьким пьяницейю... Близких соседей около*

меня не было, кроме двух или трех горьких, коих беседа состояла большею частью в икоте и воздыханиях" (VIII, 70-71).

В автобиографии эта эпоха в жизни сочинителя описана несколько иначе: "Наконец принял я наследство... но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим..." (VIII, 129). Эта деталь "атрибутирует" время написания второй части "Выстрела". Действительно, присутствие в черновых набросках образа "опекуна покойника" ("черновик первой редакции") и замечание в "первом автографе" о *незнакомстве* с ним *до написания* повестей и "Истории" являются обоснованием того, что и в "автобиографической" повести "Выстрел" с повествованием от первого лица этот факт должен был быть как-то *зафиксирован*. Пушкин, следуя логике "автобиографии", указывает на "двух или трех горьких", отказываясь упомянуть "доброе и почтенного соседа", о котором рассказано в *другом* произведении и с которым субъект повествования в повести "Выстрел" пока что *не знаком*. Вместе с тем "естественная взаимосвязь" повести и автобиографии, несомненно, была возможна только при единственном условии, что повествователь "Выстрела" и субъект автобиографии мыслился Пушкиным как *одно и то же лицо*.

Взаимозависимость автобиографии и повести определила и хронологическую канву. При сопоставлении дат и событий Пушкин смог сделать своего рассказчика в повести "Выстрел" тем же лицом, которое рассказывало о себе в "Истории села Горюхина". Хронология в автобиографии проста. Родился в 1801 г., в 1817 г. определился юнкером ("в 1820 году еще юнкером случилось мне..."), проезд в вотчину в 1824 г.: "очутился и заснул в той... комнате, в которой за 23 года тому родился", 3 ноября 1827 г. "желаемый труд", т. е. "История села Горюхина", был завершен.

Хронология жизни субъекта текста в "Выстреле" более сложная. Сильвио погиб в битве под Скулянами¹⁵. Следова-

¹⁵ См.: J. Thomas Shaw. Pushkin's "The Shot". /133/, 1963, p. 122.

тельно, вторая дуэль произошла до 1821 г. Встреча рассказчика с графом произошла через пять лет после этой дуэли "во вторую весну затворничества" вернувшегося в свою вотчину молодого офицера. К этому времени граф был "мужчина лет тридцати двух".

Первая дуэль была за шесть лет до того, как о ней узнает рассказчик от Сильвио, которому было "около тридцати пяти лет". Если принять, что точно достоверна только дата "Скулянского дела"¹⁶ — 29 июня 1821 г., а Сильвио "нагнал" своего врага *летом* (Сильвио подъехал к помещицкому дому на телеге, а графская чета спустя пять лет приехала в деревню *снова* в начале июня), то надо признать, что вторая дуэль произошла летом 1821 г. Именно с этой датой согласуется и деталь из автобиографии рассказчика: в 1820 г. он был еще юнкером и офицерское звание получил после пребывания в Петербурге "по казенной надобности". В своем рассказе об офицерском обществе, субъект повести "Выстрел" неоднократно подчеркнет свою кастовую принадлежность к офицерскому сословию.

Теперь можно реконструировать также и хронологию событий во время написания повести "Выстрел".

В 1821 году, до погони за обидчиком, Сильвио было 35 лет. Следовательно, он родился в 1786 г. (1821 — 35)¹⁷. Первая

Американский славист абсолютно прав, считая битву под Скулянами в 1821 г. важнейшей деталью, "which means that the conclusion of the duel with the Count could not have taken place after early summer 1821... the story must be considered as having been written not more than two or three years after the narrative to the persona of the second stage of the duel".

¹⁶ См.: Пушкин в воспоминаниях современников. /78/, 1950, с. 543, прим. 1.

¹⁷ См.: J. Thomas Shaw. Pushkin's "The Shot". /133/, 1963, p. 122. Сильвио мог перепить А.П.Бурцева, "воспетого Денисом Давыдовым", только во время службы с обоими гусарами в полку Его

дуэль состоялась в 1815 г., а вторая — через шесть лет, т. е. в 1821 г.

Встреча рассказчика с графской четой произошла через пять лет после второй дуэли (1821 + 5), т. е. в 1826 г., и граф был уже к этому времени тридцатидвухлетним мужчиной. Следовательно, он родился в 1794 г. и ко времени первой дуэли ему исполнился 21 год.

Наконец, рассказчик встретился с графской четой "во вторую весну своего затворничества", однако приехал в деревню осенью: "Всего труднее мне было проводить осенние и зимние вечера...". Следовательно, он уволился со службы через "несколько лет", осенью 1824 года, после того, как услышал от Сильвио рассказ о первой дуэли в 1821 г.

Не трудно заметить, что Пушкин "вычислял" время в повести "Выстрел" по календарю "автобиографии", а не наоборот. И хронографы обоих произведений окончательно подтверждают их взаимосвязанность.

Подобный факт "компиляции" повести "Выстрел" и автобиографии, при уже написанных трех повестях, никак не связанных с "Историей села Горюхина", подтверждает, что 14 октября 1830 г. повести "Гробовщик", "Станционный смотритель" и "Барышня-крестьянка" не представляли *некое целое*. Наоборот, были *три* повести, ориентированные на образ *реального автора*, и еще *одна*, ориентированная на образ *сочинителя* автобиографии.

В плане к "Истории села Горюхина" Пушкин записал слово "повести" как отдельный эпизод сочинительского опыта, и тем самым он "задал" один из самых сложных вопросов *истории текста*. Множественное число "повести" подсказывало исследователям, что речь идет обо *всех* повестях. Но возможно и другое истолкование.

Высочества герцога Оранского. В 1802-1804 гг. именно в этом полку форменной фуражкой была "красная шапка... bonnet de police". После 1804 г. Давыдов служил в Белорусском гусарском полку, который стоял в Гродно.

Судя по *истории текста* "Выстрела", Пушкин, вполне вероятно, мог думать не о сентябрьских повестях, а о тех, которые он собирался еще написать. И поэтому то, что Пушкин пишет сразу же вслед за "Выстрелом" последний "замечательный анекдот", т. е. повесть "Метель", является косвенным доказательством правомерности употребления им множественного числа слова "повесть" (повести). Несомненно, не будь перерыва в двадцать с лишним дней между датой написания последней из трех сентябрьских и первой из двух октябрьских повестей, вряд ли стоило говорить об этом. Однако почти одинаковая временная дистанция в 5-6 дней, разделяющая между собой сентябрьские и октябрьские повести при трехнедельном разрыве между "Барышней-крестьянкой" и "Выстрелом", кажется, дает основания для подобной интерпретации отмеченного пункта "плана". К тому же сопоставление "Метели" с автобиографией в "Истории села Горюхина" и "автобиографической повестью" ("Выстрел"), с одной стороны, и с предшествующими набросками, с другой, оказывается *атрибутирующим фактором выдвигаемой гипотезы*.

Логическая последовательность появления автографов, связанных с будущими "Повестями Белкина" (напомним, что "История села Горюхина" не была опубликована Пушкиным при жизни и, следовательно, о ней читатель в 1831-1837 гг. ничего знать не мог), представлена в таблице 5.

В этой последовательности по вполне понятным причинам отсутствует какое бы то ни было упоминание имени литературного автора повестей или же сочинителя "Истории села Горюхина", т. е. до 20 октября имени "автора" в автографах не было. В творческой лаборатории Пушкина в сентябре-октябре 1830 г. соседствовали два несхожих и разных стилистически-субъектных замысла: три повести, ориентированные на образ реального автора, и неоконченная автобиография, которая предшествовала "Истории села Горюхина" и способствовала написанию еще двух повестей, ориентированных на образ некоего литературного автора.

Хронология автографов:

1829 г. (с. Павловское)

— "Роман в письмах", содержащий "ростки" двух замыслов — вероятностных произведений литературного творчества героев и "семейственной истории";

— набросок "рекомендательного письма" неизвестной еще одной рукописи ("Сердечно радуюсь...");

1830 г. (с. Болдино)

сентябрь: "список" повестей на л. 34 об. вместе с "пословицей" игумена Ионы и датировки времени окончания работы на трех повестях ("Гробовщик", "Станционный смотритель" и "Барышня-крестьянка");

сентябрь- октябрь, до начала работы над "Выстрелом":

— "первый автограф" ("Если Бог пошлет мне читателей...") "автобиографии" сочинителя "Истории села Горюхина";

— "план" продолжения "автобиографии";

октябрь: — первая часть "Выстрела" с датами "12"/"14 окт." и пометой "Окончание потеряно";

— "основной автограф" (со слов "Если Бог мне пошлет читателей..." без фрагмента из "первого автографа" о возвращении "в вотчину" и до слов о "благосклонном читателе", которому уже известно о воспитании "на медные деньги");

— вторая часть "Выстрела" с датой написания первой части "14 окт.";

— "Метель" с датой окончания "20 окт."

Отличия между этими двумя принципиально разными типами субъектов повествования не только не привлекали внимания исследователей, но они даже не были идентифицированы как разные повествовательные стили.

В. В. Виноградов, исходя из концептуальной гипотезы о "стилевом" присутствии в повестях образов разных рассказчиков, указанных Пушкиным во втором примечании своего предисловия "От издателя" к "Повестям Белкина", видел причину сходства стилей "Барышни-крестьянки" и "Метели" в том, что они определяются "стилем девицы К. И. Т."¹⁸. Ученый строил свою концепцию на однородности "стилистических приемов"¹⁹ во всех "Повестях Белкина" и на "синтезе разных стилей, разных пластов речи"²⁰ литературного языка пушкинской эпохи, прикрепляя отдельные языковые факты то к школам и направлениям (наприм., "сентиментально-декламативный" стиль как примета "женской манеры" с риторикой карамзинской школы)²¹, то к социально-бытовым сферам их употребления (отсюда и "поместно-дворянские" или "мелкочиновничьи" стили и "круги русской действительности")²². Думается, что с лингвистической точки зрения В. В. Виноградов был также не прав, как и с литературоведческой.

Отмечая соединение разных тенденций "речевой общественной практики — устной и письменной" и утверждая феномен "разговорности как факта литературного языка", В. Д. Левин доказывал, что с "формированием реалистического метода" в русской литературе, определившегося как "культурно-социальная данность", *образ автора* оказался "беско-

¹⁸ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 546-547.

¹⁹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 545.

²⁰ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 548.

²¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 548.

²² В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 577.

нечно разнообразен" как "личность"²³. По сути дела, именно это личностное разнообразие "культурно-социальных типов" повествования в истории болдинских текстов еще до появления образа литературного автора (И. П. Белкина) определило впоследствии значение последней повести "Метель": среди крайних повествовательных стихий — повесть "Выстрел", субъектом которой был сочинитель "Истории села Горюхина", и три сентябрьских повести, субъектом которых Пушкин мыслил самого себя, — последняя повесть "Метель" как раз и выполняла роль "связующего звена" в будущей композиции "Повестей Белкина"²⁴.

А. В. Чернов отметил, что "широко распространенное мнение о стилистическом и методическом антагонизме автора и героя опирается на знаменитое суждение В. В. Виноградова о том, что Пушкин мыслил стилями"²⁵. Однако ни "конечный результат", явленный в книге "Повести Белкина", ни история текста повестей и "Истории села Горюхина" — дать ответы на "спорные вопросы", которые кажутся такими "простыми и ясными"²⁶, не могут. "Стилистический и методический антагонизм", но не автора (Пушкина или же издателя А. П.) и героя

²³ В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 91-93.

²⁴ Ср.: Н. К. Гей. Проза Пушкина. /33/, с. 91-92. Справедливое утверждая, что Белкин "возник именно в "Истории", но не сразу предстал Пушкину в качестве... субъекта повествования" и "повести начинают складываться до того, как происходит оформление образа повествователя", ученый высказывает далеко идущую формулировку сущности "образа литературного автора" как "обозначение сущего через отсутствующего".

²⁵ А. В. Чернов. К проблеме повествователя в "Повестях Белкина". /104/, 1991, с. 30.

²⁶ О спорных вопросах интерпретаций "Повестей Белкина" см.: Н. В. Измайлов. Художественная проза. /79/, 1966, с. 483.

(Белкина или же "рассказчиков"), а субъектов повествования *трех* повестей (реального автора Пушкина) и разножанровых произведений ("Истории села Горюхина", "Выстрела" и "Метели"), генезис которых игнорировался почти всеми исследователями, вот что составляет *логику художественного поиска Пушкина в сентябре-октябре 1830 г.*

Стилистическая структура "Выстрела" крайне интересна: "Повесть... начинается кратким описанием социальной среды. "Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна...". В этой социальной клеточке будет обнаружен центр: Сильвио. Стилизовое изображение совершается за счет противопоставления "мы" — "он": "Один только человек... Ему было..." и т.д. В то же время Сильвио соединяет всех в "нас". Никто не определен. Даже сам герой сперва дан условно: "Сильвио (так назову его)". Соотношение "мы" — "он" продолжается до ссоры с "пьяным сумасбродом". Отказ Сильвио от дуэли с ним нарушает монолитность общества — из "нас" выделится рассказчик: "Однако ж мало-помалу все было забыто, и Сильвио приобрел прежнее свое влияние. Один я не мог уже к нему приблизиться" (VIII, 67). "Романическое воображение" молодого армейского офицера-рассказчика явилось причиной выделения его из общего "мы". Оно и организует одну стилизовую тенденцию в повести"²⁷.

²⁷ С.М.Шварцбанд. Стилизовое движение в повестях "Выстрел" и "Метель". /112/, 1972, с. 19. Ср.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 141-142. Сходство рассуждений обязывает процитировать московского ученого: "Мы", открывающее "Выстрел", принципиально иное... Этот оборот говорения от первого лица... обозначает тех, о ком идет речь... Но не включая в это "мы"... субъекта повествования — читатель должен был бы иметь дело с "они". А в данном случае "мы" — это рассказчик... Сказанное начинает жить...особой многомерной жизнью... "мы" свободно объединяет...в определенную совокупность, хотя тут же именно

Особо следует отметить, что об армейской жизни повествуется спустя много лет, когда на смену "романическому воображению" пришло реалистическое видение. Столкновение этих двух повествовательных тенденций²⁸ маркируется тем, что о былом восприятии рассказывается спустя много лет — в "данный момент". Это столкновение и есть основная изобразительная функция стилового движения.

В отличие от предыдущих трех повестей, где время повествования определяет "сиюминутный" рассказ автора о произошедших уже событиях²⁹, субъект "Выстрела" сообщает не только о встречах с Сильвио и графом задолго до времени своего повествования, но и о том, что произошло с ним за это время. Этот временной фактор дистанции между событийным и повествовательным планами — мало привлекал исследователей³⁰, а ведь именно он позволил Пушкину поведать не только

поэтому следует уточнение: "один только человек принадлежал нашему обществу..." Первая стадия — возникновение оппозиции — "мы-он", "его-наш"... Вторая стадия — вычленение из "мы" — "я" и возникновение определенной дистанции... Сказано... неопределенно: "Это... повредило ему во мнении молодежи". Но оппозиция намечена: "он" — "мнение молодежи"... из этого противостояния возникает "я" рассказчика: "Один я не мог уже к нему приблизиться"... Далее повествовательное "мы" сжимается и сходит на нет, а повествовательное поле "я" занимает почти все пространство, которое раньше принадлежало "мы"..."

²⁸ См.: J. Thomas Shaw. Pushkin's "The Shot". /133/, pp. 113-129.

²⁹ Ср.: "Вникнем во все это хорошенько... скажу только... я предпочитаю... обращаюсь к моей повести..." ("Станционный смотритель"), "Мы не можем... Не стану описывать... Полагаю..." ("Гробовщик"), "Сие да будет сказано... я пропущу... но знаю... избавит меня..." ("Барышня-крестьянка").

³⁰ Ср.: М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. /15/, 1979, с. 283-285. О композиции повести см.: Ulrich Busch. Puškin und Sil'vio. /124/, 1963; J. Thomas Shaw. Pushkin's "The Shot". /133/, 1963.

"историю двух дуэлей", которая могла существовать сама по себе в качестве "занимательного анекдота", но и ту "историю эволюции", которая никем и никогда еще рассказана не была³¹. Подключая к повествованию и истории, которые рассказывают Сильвио и граф, Пушкин не просто противопоставлял прямую речь персонажей речи литературной норме своего литературного автора, но и делал ее в определенном смысле синтетической: повествовательная норма конца 10-х годов (первая часть) с ее романтической стихией сталкивалась с постромантической нормой конца 20-х годов (вторая часть)³².

Принципиальное различие трех ранее написанных повестей и повести "Выстрел" заключалось не только в ориентации Пушкина на разные субъекты повествования, но и на разные структурно-стилистические стихии. Следуя известными уже ему путями "автозаимствований", Пушкин использовал черновики прежних замыслов.

Позитивный зачин отрывка "В начале 1812 года..." превратился в "негативную" картину армейского быта: "...полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело" — "Мы стояли в местечке... Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты" и "...мы бывали вместе, по воскресеньям танцевали у предводителя... мы... были влюблены, и многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках" — "В *** не было ни одного открытого дома, ни

³¹ См.: С.М.Шварцбанд. Жанровая природа "Повестей Белкина" А.С.Пушкина. /111/, 1974. Ср.: Н.К.Гей. Проза Пушкина, /33/, с. 145: "У Пушкина воссоздана сложная система, в в которой все три "я" и все три повествовательные "я-формы" служат в равной мере созданию неразложимого действия".

³² Ср.: Jan Van der Eng. Le coup de pistolet. /126/, 1968, pp. 63-64.

одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видели ничего" (VIII, 402, 65)³³.

Интересны и "заимствования" из "Романа в стихах".

Сентенция Лизы о том, что "значит ожидание почтового дня в деревне", с которым ожидание "бала не может... равняться" (VIII, 48), становится утверждением рассказчика: "Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень и городков, например об ожидании почтового дня" (VIII, 67). Замечательно, что в письме "ненарадовского помещика" отсутствует какой-либо намек на пребывание "покойника" в российской столице, зато в "автобиографии" Пушкин составил даже целый эпизод о недельном пребывании сочинителя в Санкт-Петербурге.

По всей вероятности, характеристика "рассеянные жители столицы" в *истории текста* повести контекстуально принадлежала как рассказчику "Выстрела", так и сочинителю "Истории села Горюхина"³⁴. Это обстоятельство еще раз подтверждает гипотезу о том, что повесть "Выстрел" создавалась как повесть сочинителя "автобиографии". И Пушкин, решительно отделяя себя от рассказчика "Выстрела", *впервые* приписал "элемент автобиографизма" (вспомните сентябрьские повести) не субъекту текста, а персонажу, хотя причина,

³³ Возможно, что отзвуком "веселой жизни" из наброска "В начале 1812 года..." явилась фраза во второй части "Выстрела": "Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни", хотя слова "шумная" или "беззаботная" вряд ли могут быть приняты за синонимы к слову "веселой".

³⁴ Несомненно, что подобный "алогизм" в "Повестях Белкина" Пушкин сохранил именно в силу приписки всех — "своих" и "чужих" — повестей образу одного "литературного автора. Ward, D. The Structure of Pushkin's *Tales of Belkin*. /136/, (1955), pp. 516-527.

из-за которой Сильвио не стрелял в графа ("Он приближался, держа фуражку, наполненную черешнями... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки..." — VIII, 69), была доподлинно известна самому Пушкину. Еще Л. Поливанов в комментариях указывал: "И действительно, по свидетельству многих... на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял"³⁵.

Считая, что в "стиле "Выстрела" гораздо ярче отпечатлевается... французско-европейская стихия повествовательного языка, в которой плавают герои Марлинского", В. В. Виноградов отметил: "Приспособленные к стилю Белкина, они совершенно теряют отпечаток "коцебятины", "языка немецкой драмы" (по насмешливому отзыву Пушкина о стиле Марлинского)"³⁶.

Кажется, этой оценке стилистических особенностей повести несколько противоречат схожие явления во всех болдинских произведениях Пушкина осенью 1830 г.

Скорее всего, новая повествовательная норма, которую Пушкин пытался определить, включала в себя еще элементы "языка немецкой драмы", иначе не поддаются объяснению "красивости" стиля "Гробовщика", "Станционного смотрителя" и "Барышни-крестьянки", мало чем отличающиеся от подобных в "Истории села Горюхина" и "Выстреле".

Сравним:

"Череп его ласково улыбался гробовщику. Клочки светло-зеленого и красного сукна и ветхой холстины кой-где висели на нем, как на шесте, а кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах..." ("Гробовщик" — VIII, 93-94).

"Дуня... сидела на ручке его кресла, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смот-

³⁵ См.: Сочинения А.С.Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. /2/, 1894, т. 6, с. 362.

³⁶ В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 576-577.

рела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы" ("Станционный смотритель" — VIII, 104).

"Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя..." ("Барышня-крестьянка" — VIII, 113).

"Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога... я старался придать какой-нибудь образ сему таинственному лицу...с красным носом и сверкающими глазами" ("История села Горюхина" — VIII, 128).

"Какая-то таинственность окружала его судьбу...встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал... Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола" ("Выстрел" — VIII, 65-68).

В отличие от преобразования сентенций Лизы и Владимира из "Романа в стихах" во имя "писательских обобщений" в сентябрьских повестях ("Те из моих читателей...", "Просвещенный читатель..." и т.д.) автозаимствования "Выстрела" приобретают иную оценку: "Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например, об ожидании почтового дня: во вторник и в пятницу полковая наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет" (VIII, 67).

Достаточно сравнить этот "заимствованный пассаж" из письма Лизы ("Пиши ко мне как можно чаще и как можно более: ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться" — VIII, 48), чтобы обнаружить не только смену "женского" сравнения почтового дня с балом, но и полное пренебрежение "любезным читателем".

Соглашаясь с В. Д. Левиным в вопросе о доминирующем соотношении устной и письменной речи для истории русского литературного языка и "языка литературы", подчеркнем, что в последней болдинской повести Пушкин принципиально добивался того, чтобы "нехудожественное" стало "эталонном художественности"³⁷. Вот почему образ субъекта повествования в *последней* повести "Метель" представляется заданным в иной системе координат, нежели в других повестях.

После "Истории села Горюхина" и повести "Выстрел", в которой сочинитель объявлял себя субъектом повествования, Пушкину пришлось синтезировать обе тенденции: с одной стороны, сочинитель записал повесть, а с другой — сохранил элементы устного рассказывания. Вводные слова и словосочетания в начале повести, столь привлекавшие всех исследователей, не только отделяли субъекта повествования от "повествовательного материала", но и позволили ему быть "над повествованием"³⁸. Опыт предыдущих повестей не пропал даром. Можно указать, например, "зеркальность" деталей и сюжета повестей "Метель" и "Барышникрестьянки": бедность Акулины — бедность армейского прапорщика, романтизм Алексея — романтическое воображение Марьи Гавриловны, "игра" с переодеванием — "игра" в бегство, "черное кольцо" Алексея с "изображением мертвой головы" — тульская "печатка" Маши с изображением "двух пылающих сердец и приличной надписью". Однако столь сознательная "перелицовка" с явным оттенком "дублирования" вряд ли должна приписываться еще не существующему источнику "анекдотов" — девице К. И. Т.³⁹. Упрекая пушкинистов в априорности утверждений о некоей стилистической "однородности" приемов

³⁷ См.: В. Д. Левин. Литературный язык и художественное произведение. /47/, 1971, с. 93.

³⁸ Ср.: Jan Van der Eng. Les récits de Belkin. /127/, pp. 17, 42-43.

³⁹ См.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 546-547.

Стилистическое интегрирование

"Метель"

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в... Ненарадове добрый помещик... Он славился во всей округе гостеприимством... соседи... ездили к нему поесть, попить, поиграть... в бостон с его женою... а некоторые для того, чтобы поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу... была воспитана на французских романах*... в назначенный день она должна была... удалиться... под предлогом головной боли... мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы... Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание... принимали хуже нежели отставного заседателя**... бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне...

"Роман в письмах"

Я познакомилась с семейством... Отец... хлебосол; мать... большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и чистом воздухе. Она целый день... с книгой в руках... У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами... Я короче познакомилась с Машенькой... я ушла наверх к Машеньке, где пролежала до вечера под предлогом головной боли. Машенька от меня не отходила...

"История села Горюхина"

...достиг я шестнадцатилетнего возраста... В сие время определился я юнкером... Человек... часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию... должен он был походить на земского заседателя... у меня в кармане всего оставалось рубль и 6 гривен... принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину

"Выстрел"

"...принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда".

* Ср. в первом черновом слое Пушкин написал: "...была воспитана на чистом воздухе и французских романах..." (VIII, 605).

**Ср. с первым вариантом: "хуже чем дьячка..." (VIII, 606)

во всех "Повестях Белкина"⁴⁰, В. В. Виноградов строил концепцию на анализе и синтезе "разных стилей, разных пластов речи"⁴¹, прикрепляя отдельные языковые факты к "социальным сферам" употребления⁴².

Ирония повествователя "Метели" дала повод считать повесть вообще пародией на "псевдолитературу", но на самом деле трансформировала отдельно существовавшие тенденции устности и письменности (но не разговорности и книжности) в целостный стилевой поток новой повествовательной нормы⁴³. Пушкин не дублировал, а видоизменял стилистический материал таким образом, чтобы придать ему качественно иной характер.

Напомним "переход" действительности в сон гробовщика, который был сюжетно рассчитан на обман читателя: "С этим словом гробовщик отправился на кровать и вскоре захрапел. На дворе было еще темно, как Адриана разбудили" (VIII, 92). Соотношение ожидаемых похорон умирающей Трюхиной и прихода мертвецов определяет целостность и психологическую реальность такого сновидения. В "Метели" Пушкин меняет последовательность в оппозициях "прерывность — непрерывность", "фантастика — провидение": "Запечатав оба письма... она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей... то видела она... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим" (VIII, 78). Постоянное присутствие рассказчика и его оценки "сна" (задремала — но не заснула; ужасные мечтания; другие безобразные, бессмысленные видения), заданная последова-

⁴⁰ См.: В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 545.

⁴¹ См.: В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 548.

⁴² В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 548.

⁴³ В.Д.Левин. Литературный язык и художественное произведение. /47/, 1971, с. 91-93.

тельность фантастического ("с мучительной быстротой ташил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелье"), провидческого ("видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая...") и снова фантастического ("видения неслись перед нею...") одновременно с тем, что "ужасные мечтания поминутно ее пробуждали", — все из сна Марьи Гавриловны "ретранслируется" в повествование в сравнении с самостоятельно существующим эпизодом в "Гробовщике".

Столь же характерна и трансформация "устности", заданная в "Станционном смотрителе" ("...намерен теперь я побеседовать с любезными читателями"): "Не настоящая ли каторга? Покоя ни днем, ни ночью... Но если не случится лошадей? . . . боже! какие ругательства... Генерал едет... Чрез пять минут — колокольчик" (VIII, 97). Не трудно заметить ориентированность "устности" на "слабые" и "сильные" позиции разговорной речи, следствием чего и выступают интонационно построенные риторические вопросы в исходной "инвективе" рассказчика⁴⁴. Однако при этом "читателям" (правильнее, "слушателям") предложена не история взаимоотношений рассказчика с Выриным, а история самого смотрителя в связи с историей его дочери.

Такая "идеология" повествования предполагает возможность прямого взаимодействия разных "устных" и "письменных" стихий. Пушкин сперва предложит "любезным читателям" рассказ самого Вырина, а затем продолжит его в своем *письменном* повествовании: "Так вы знали мою Дуню?... Ах, Дуня, Дуня!. . . Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в

⁴⁴Определение "сильных" и "слабых" позиций см.: В.Д.Левин. Литературный язык и художественное произведение. /47/, 1971, с. 93.

черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей" (VIII, 100-101).

Принадлежность начала истории Вырину с последующим пересказом ее рассказчиком позволяет утверждать, что в "Станционном смотрителе" обе тенденции сосуществуют как два независимых друг от друга стилистических потока. Иное дело, повествовательная стихия в "Метели", где Пушкин осуществил *синтез "устной и письменной"* речевой практики⁴⁵: "Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre*, тирольские вальсы и арии из Жоконды... Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова." (VIII, 83).

Это "лирическое" отступление делит повествование на две истории и в то же время предоставляет субъекту право напрямую включать *ремарки* в повествование: "Он казался нрава тихого и скромного... и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости... Но более всего... (более его нежности... более первязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение... "Я вас люблю сказал Бурмин, — я вас люблю страстно... (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже)... слышать вас ежедневно... (Марья Гавриловна вспомнила...)"

Двухчастность "Метели" уподоблена внесюжетной двухчастности "Выстрела" (если, конечно, не считать дуэль с *отложенным выстрелом за "двойную"*). То, что граф дважды стрелял в одной дуэли, на самом-то деле и есть *месть* Сильвио, а то, что его пуля была всажена в пулю

⁴⁵Соотношение нормы и "речевой общественной практики" см.: В.Д.Левин. Литературный язык и художественное произведение. /47/, 1971, с. 18-34.

графа⁴⁶, при его "дьявольском умении" стрелять, вовсе неудивительно. Зато сам выстрел Сильвио оказывается единственным окончанием дуэли, иначе граф ожидал бы нового появления своего врага. Однако, в отличие от "Выстрела", позиция повествователя в "Метели", не будучи эволюционирующей, тем не менее оказалась также "раздвоенной": отношение к "романическому воображению" героев определило стилистику иронии и пародийных форм, а трагические последствия "книжного" поведения — реалистическую стилистику без "наносных" явлений. Многочисленные наблюдения над пародийными элементами в "Метели"⁴⁷, стилистическая оценка вводных слов и "неожиданной лексики"⁴⁸ (предмет, родители любезной и т.д), конечно же, порождают эффект прямого соучастия субъекта в происходящем. И все-таки дело не столько в наличии "сентиментальной канвы для реалистического рисунка"⁴⁹, сколько в том, что "иронический умысел" Пушкина изначально был *двойным*. "Сентиментальный примитивизм" и

⁴⁶ См.: А.А.Слонимский. Мастерство Пушкина. /89/, 1963, с. 511. Ср.: W.Schmid. Pushkins Prosa in poetischer Lektüre. 1991, S. 205. Традиционно немецкий ученый интерпретирует "двойную" дуэль, считая, что вопрос о том, почему Сильвио не убивает графа, является "стержневым".

⁴⁷ См.: В.Ф.Боцяновский. К характеристике работы Пушкина над новым романом. /21/. 1922, с. 183-193. Однако, исходная точка зрения, что "Повести Белкина" были "срыванием масок не только с зачитываемых до дыр старых романов, но и с тех, кто ими зачитывался" (с. 187), несомненно, справедлива и актуальна. См., напр., E.Nerre (Hamburg). Pushkin's "Grobvshchik" als Parodie auf das Freimaurertum. /132/, 1986, S. 5-32. См.: Bethea, D.M., Davydov, S. Pushkin's Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in *The Tales of Belkin*. /121/, (1981), pp. 12-14.

⁴⁸ См.: А.Лежнев. Проза Пушкина. /50/, 1937, с. 255-256.

⁴⁹ В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 551.

"архаическая наивность" сами по себе являлись пародийными⁵⁰. Именно "Метель" и давала исследователям наиболее доказательные примеры того, что пародия входила в пушкинский умысел⁵¹.

Но указывая "предметы" пародии, необходимо уяснить и ее функцию. Одним из пародируемых писателей пушкинского времени был П. И. Шаликов (интересно, что Пушкин во время работы над "Романом в письмах" делал зарисовки писателя), а "предметом" пародии — его повесть "Темная роща, или памятник нежности": "Любовники поклялись... в вечной любви... Романические воображения мешались с мыслями... Проводить несколько часов в этой роще было первым наслаждением души... Но образ мыслей родителей заставлял ее всего бояться... Нина... говорила ему о препятствиях... Эраст пробегал мыслями все возможности... Пробегал и сообщал их Нине... Однажды, говоря между собою... Таким образом, проходили дни, недели, месяцы..."⁵².

Субъект повествования в "Метели" иронизирует над поведением молодых людей, которое само дважды пародийно, — и как пародия на "читателей" французских романов, и как пародия на эпигонов сентиментализма⁵³: "Внедряющиеся в повествовательный стиль выражения самих героев, их экспрессия, их фразеология, выделяясь по своему тону из общей манеры рассказа, кажутся комическими, и их ввод в повество-

⁵⁰ В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 553.

⁵¹ P.Brang. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. /122/, 1960, S. 230-244.

⁵² П.И.Шаликов. Темная роща, или памятник нежности. /107/, 1979, с. 190-192.

⁵³ См.: Jan Van der Eng. Les récits de Belkin. /127/, 1968, pp. 16-19. W.Lednicki. The Snowstorm. [Bits of Table Talk on Pushkin, III]. /130/, (1947), pp. 110-133.

вание представляется иронической демонстрацией стиля героев⁵⁴.

Ироническая стилистика вводных слов — "...и, следственно...само по себе разумеется...что весьма естественно...весьма понравилось..." и т.д., — как и действия героини "по инструкции" Владимира становятся в повествовании *литературным приемом*: "*Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику*" (VIII, 79).

Кажется, именно с этого момента рассказчик "замечательного анекдота" становится *сочинителем*. Сюжетно-событийная фабула отныне подчиняется законам литературного повествования: состоявшаяся *поездка* в Жадрино и несостоявшееся *венчание* при актуализации роли субъекта повествования после 10 абзацев, сегментирующих состояние и поведение Владимира во время метели, — закрепляется в "повествовательной норме": "Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что-то у них делается. А ничего..." (VIII, 81).

Естественно, что отсутствие иронии при описании трагической ситуации вовсе не означало смену "повествовательной нормы", наоборот, "возвратясь" к исходной позиции, субъект возвращается и к своему "двойному умыслу". А пародическим "перепевом" независимо от "плана содержания" становится лирическое отступление⁵⁵: "Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы... Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания! . Кто из тогдашних офицеров не сознается..." (VIII, 83). А вот как писал, например, П. Ю. Львов: "О дражайшее мое отечество! Со слезами восторга и усердия... Ты... страна... населенная сынами! И тот не есть... сын твой, который тебя не

⁵⁴ В.В.Виноградов, *Стиль Пушкина*. /29/, 1941, с. 553.

⁵⁵ См.: В.В.Виноградов, *Стиль Пушкина*. /29/, 1941, с. 564.

почитает... и чужестранные безделки, наружные их приманчивости и минутные блески превозносит выше твоего бессмертного величия!"⁵⁶.

Указание В. В. Виноградова на связь "Метели" с "Военным антикварием" А. А. Марлинского, кажется, не противоречит нашей отсылке к сентиментальной повести⁵⁷, а, наоборот, подкрепляет "двойной умысел".

Возможно, что Пушкин до отъезда в Болдино успел прочитать и новую повесть А. А. Марлинского "Испытание", которая появилась летом 1830 г. в "Сыне Отечества". По крайней мере, Пушкин мог воспользоваться этой новинкой в собственных повествовательных решениях: "Теперь Алина была уже не та шестнадцатилетняя, неопытная женщина... Строгость настоящего ее поведения была примерна... привыкнув... обходиться непринужденно с мужчинами, она никогда не позволяла их вольности превращаться в своеволие... Стерлинский, правда, составлял исключение, но и он уже не раз испытал на себе... а потому, как ни уверен был, что его любят взаимно, но роковое слово "люблю!" двадцать раз замирало у него на устах... И графиня тоже, как всякая женщина, казалось, испугана этим словом... И как не приготовлена была она к объяснению, но вся кровь ее сердца вспыхнула в лице, когда Стерлинский, улучив гибкую минуту, с трепетом открыл любовь свою... Оставляю читателям дорисовать и угадать продолжение сцены..."⁵⁸.

Концовка "Барышни-крестьянки" ("Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку") чрезвычайно напоминает концовку эпизода из повести Марлинского, который, в то же время, несомненно, продуцирует и объяснение героев "Метели" — Маши и Бурмина.

⁵⁶ П.Ю.Львов. Роза и Любим. Сельская повесть. /59/, 1979, с. 33.

⁵⁷ См.: В.В.Виноградов. Стиль Пушкина /29/, 1941, с. 552.

⁵⁸ А.А.Бестужев-Марлинский. /18/, 1981, т. 1, с. 227-228.

Таким образом, "вышивая по старой канве новые узоры", Пушкин, конечно же, использовал возможности "пародической формы", однако следует сказать, что они так и не приобрели в его повестях "пародической функции"⁵⁹.

Акцентируя внимание читателя на "перепевах" и на "ироническом использовании" их, Пушкин в последней повести "Метель" не только воспользовался "литературным опытом" своего сочинителя, уже "написавшего" повесть "Выстрел", но и собственным опытом создания первых трех повестей. В этом и только в этом смысле можно говорить, что "Метель", как итоговое произведение, завершала прозаическое экспериментирование Пушкина, и в то же время изначально приписанная к "литературному автору" одной повести, не считая "Истории села Горюхина", становилась важнейшим атрибутом эволюции сочинителя.

Наличие "автобиографии" сочинителя в "Истории села Горюхина" и двух повестей, ориентированных на тот же образ, ставило перед Пушкиным новую задачу — задачу их представления читателю. И хотя "История села Горюхина" вместе с "автобиографией" сочинителя покамест еще не были закончены, Пушкин, тем не менее, не мог не думать о статусе уже написанных повестей.

⁵⁹ См. дефиницию терминов "пародическая форма" и "пародийная функция" у Ю.Н.Тынянова: "Стало быть, важный пункт, относительно которого следует условиться, — это вопрос о пародичности и пародийности, иначе говоря — вопрос о пародической форме и пародийной функции. Пародичность и есть применение пародических форм в непародийной функции. Использование какого-либо произведения как макета для нового произведения — очень частое явление. При этом, если произведения принадлежат к разным, напр., тематическим и словарным, средам, — возникает явление, близкое по формальному признаку к пародии и ничего общего с нею по функции не имеющее" (Ю.Н.Тынянов. Поэтика. История литературы. /99/, 1977, с. 290).

Жизнеописание

*"Повторяем: текстология —
основа истории литературы"*

Д. С. Лихачев ¹

Среди прозаических набросков Пушкина, сделанных осенью 1830 г., пожалуй, только один явно свидетельствует о раздельном существовании сентябрьских и октябрьских повестей. Набросок "Несмотря на великие преимущества...", известный под редакторским названием "Отрывок", белой текст которого датирован "26 окт. ", вовсе не "след какого-то неизвестного нам творческого плана"², а важный для *истории текста* "Повестей Белкина" документ: "Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный падеж вместо родительного падежа после частицы *не* и кое-каких еще так называемых стихотворческих вольностей, мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди отвержены большим невыгодам и неприятностям" (VIII, 409).

¹ Д.С.Лихачев. Текстология. /55/, 1983, с. 33.

² Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 156.

...эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю об обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности, вошедшей в пословицу, зависти и клевете братья, коих они делаются жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон падающих на них, если произведения их не нравятся... Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. Зло самое горькое, самое нестерпимое... есть его звание, прозвище... Публика смотрит... считает вправе требовать... Требуют... Явится ль он... Задумается ли... Влюбится ли он... Приедет ли... один из моих приятелей... поминутно принужден... Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь... писал в постеле с утра до позднего вечера... случалось ежедневно в год, всегда осенью... приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения... Он не любил... Он предпочитал... Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых, потому что он есть единственный литератор, с которым удалось нам короко познакомиться, — во-вторых, что повесть, предлагаемая ныне читателю... Мы не хотели его уничтожить... Кроме сей маленькой слабости, которую мы... относим к желанию подражать лорду Байрону... приятель мой был un homme tout rond... как говорят французы, homo quadratus... по выражению латинскому...

"Станционный смотритель"

Кто не проклинал... Кто... не требовал... Кто не почитает их извергами... Сущий мученик... огражденный своим чином токмо от побоев... Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью... проезжающий смотрит на него как на врага... Приезжает генерал... генерал едет... фельдъегерь бросает ему... Вникнем во все это хорошенько... смотрители... суть люди мирные... есть у меня приятели из почтенного сословия... Обстоятельства некогда сблизили нас... Какие возникли бы споры!... с кого бы начинали подавать?

"Выстрел"

Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении... Малое число книг были отвержены мною наизусть. Все сказки... были мне пересказаны... принялся за наливку, но от нее болела голова...

"Метель"

Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание... Память его казалась священной для Маши... Мы уже скзывали... несмотря на ее холодность...

"Барышня-крестьянка"

...особенность характера, самобытность (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и ...величия... Сие... сказано не в суд и не в осуждение, однако ж nota nostra manet, как пишет...

Окончание "Отрывка" вполне определено: набросок должен был представить читателю одно и только одно прозаическое произведение, о чем Пушкин и предувещивал: "Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести..." (VIII, 411). Но поскольку к 26 октября 1830 г. у Пушкина было пять повестей, то, естественно, следует считать, что "Отрывок", вероятно, "составлял" предисловие к одной из написанных. Однако, заканчивая "Отрывок", Пушкин неожиданно сформулировал "антитезу": "составлял... предисловие к повести не написанной или потерянной" (VIII, 411). Итак, судя по содержанию этого наброска, Пушкин работал над предисловием к одной какой-то повести и лишь в конце работы понял, что "Отрывок" не может быть предисловием ни для какой из уже написанных им повестей (см. таблицу 1).

Таким образом, перед исследователями стоят два вопроса: какую из повестей Пушкин сперва намеревался предварить "предисловием" и по какой причине от отказался от этого.

Во время работы над "Отрывком" Пушкин, несомненно, пытался подстроиться под ту или иную повесть, иногда заимствуя "зачин" ("Станционный смотритель"), иногда "идя от противного" ("Выстрел"), иногда используя право на авторские сентенции ("Метель") или показывая "образованность" автора ("Барышня-крестьянка"). Исходная позиция субъекта "Отрывка" — "приятель известного стихотворца" — делала абсолютно невозможным предложить читателю "Выстрел" или "Метель", поскольку их сочинителем "приятель" быть не мог: во-первых, тот был столичным, а не деревенским жителем ("одевался наскоро, чтобы пообедать в ресторации... книгопродавцы платили ему довольно дорого за его стихи..."), во-вторых, не скромного происхождения, а "из древнейших дворянских родов", в-третьих, был принятым в обществе и знаком с "братией литераторов".

Сходство "приятеля" с субъектом наброска придавало тому очевидные черты "автопортрета", которые Пушкин не допустил бы. Это обстоятельство, вероятно, и было причиной, по которой "Отрывок" не был закончен. Но в момент написания

наброска объявляемая Пушкиным дистанция, что "приятель мой" был "единственным литератором, с которым удалось... коротко познакомиться", все-таки позволяла ему "прикрыться" именем приятеля, тем более, что субъект "Отрывка" упоминал о прозаической повести, которую приятель-стихотворец ему рассказал — "повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него" (VIII, 411).

С этой точки зрения следует отметить, что наиболее вероятным устным произведением "приятеля" был бы "замечательный анекдот", ориентированный на устную, а не письменную речь. При таких условиях Пушкин обязан был предложить две последние повести. "Выстрел" состоял из трех "индивидуальных"³ рассказов: "молодого армейского офицера", ставшего деревенским жителем, Сильвио и графа. В "Метели" авторская рефлексия, выраженная в вводных словах и оборотах, в "лирическом отступлении" и в описании "военных действий" Марьи Гавриловны, давала ему атрибутирующий материал по отношению к типу повествования.

Значительно большая дистанция между субъектами повествования "Выстрела" и "Метели" и субъектом "Отрывка" и его приятелем — позволяла Пушкину утверждать, что предлагаемая повесть могла быть услышана от кого угодно, в том числе и от "приятеля-стихотворца", и от "молодого армейского офицера", и от "резонирующего" субъекта "Метели".

Для истории текста "Повестей Белкина" пушкинский оборот: "повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами..." — обладает "атрибутивным" свойством по отношению к знаменитому второму примечанию: "В самом деле... над

³ "Устность" рассказов Сильвио и графа не подлежит сомнению, хотя вряд ли следует считать, что, *записанные*, они и потом не подчиняются повествовательной стихии субъекта текста. По крайней мере, следует говорить о том, как и почему "устные сказы" обоих оказываются элементами письменного повествования. Ср.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 145.

каждой повестью рукою автора надписано: слышано мною..." (VIII, 61).

С. М. Бонди отметил: "Итак, это повесть не про него, а слышанная от него, он не герой повести, а рассказчик ее — вроде "титулярного советника А. Г. Н.", "подполковника И. Л. П.", "приказчика Б. В." и "девицы К. И. Т.", имена которых И. П. Белкин записал над каждой повестью с указанием "слышано мною от *такой-то особы*", — или, наконец, вроде самого И. П. Белкина"⁴.

Функция "приятеля-стихотворца", рассказавшего некую "повесть" субъекту "Отрывка", действительно тождественна функциям источников повестей Белкина из "второго примечания" в предисловии "От издателя". Однако функция Белкина, как и субъекта "Отрывка", — не может быть приравнена к функциям источников: Белкин и субъект наброска — *записывают*, и, следовательно, *выступают* писателями, а не "рассказчиками". С. М. Бонди впоследствии отказался от этой ключевой идеи понимания функции Белкина и присоединился к тем, кто утверждал "нулевую" значимость горюхинского сочинителя⁵. Напомним, что "Отрывок" помечен Пушкиным датой "26 окт.". После завершения работы над "Метелью" (20 октября) Пушкин сразу же стал искать возможность представить какую-то повесть, и, не найдя решения, возвратился к работе над "автобиографией" сочинителя в "Истории села Горюхина", в рукописи которой появляется следующая ближайшая дата после слов "состояния крестьян" — "[30] 30 окт." (VIII, 706). Таким образом, "Отрывок" оказывался в определенном смысле "фоном" при написании автобиографии сочинителя.

Как известно, на отдельном листе Пушкин записал несколько вставок, приготовленных им для "Отрывка". Одна

⁴ С.М.Бонди. Новые страницы Пушкина. /19/, 1931, с. 198.

⁵ См.: С.М.Бонди. О Пушкине. Статьи и исследования. /20/, 1978, с. 164-166.

из них позволяет предположить, что Пушкин совсем не сразу отбросил "Отрывок" как предисловие к одной из написанных им повестей. Обратим внимание на одну из этих вставок: "Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества сочинений, как то: Эпитафия попу Курганова..." (VIII, 961)⁶. Сперва Пушкин упомянул "стихотворца": "Эпитафия попу Нахимова"⁷ (VIII, 961, прим. 5). Появление имени Курганова во вставке, вероятно, по ассоциации связано с одной "предварительною подробностью" из "автобиографии": "Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением... После генерала... Курганов казался мне величайшим человеком..." (VIII, 128). Конечно, утверждать что-либо о временной после-

⁶ См. Путеводитель по Пушкину. /77/, 1931, с. 213 — статья Г.А.Гуковского: "КУРГАНОВ Ник.Гав. (ок. 1725-1796) — ученый, педагог и литератор... К. известен главным образом, как составитель знаменитого "Письмовника", выдержавшего с 1769 по 1831 г. не менее 9 изданий; слово "письмовник" означало... грамматику; первое издание книги называется "Российская Универсальная Грамматика или всеобщее письмословие и т.д."; дальнейшие — "Книга письмовник, а в ней наука росс. яз. с семью присовокуплениями". Самая грамматика занимает не более четверти всей книги; остальное отведено под приложения... "краткие замысловатые повести" (более 300 анекдотов), нравоучительные рассуждения... Письмовник был широко распространен еще в конце XVIII в. в среде не слишком образованных читателей, офицеров, чиновников, помещиков, купцов".

⁷ См. Путеводитель по Пушкину. /77/, 1931, с. 252 — статья С.М.Бонди: "НАХИМОВ Аким Ник. (род. 1783, ум. в 1815 г.) — второстепенный писатель — сатирик начала XIX в... Стихи его...отличаются метким...тяжеловатым остроумием... "Эпитафия попу" — это, по-видимому, стихотворение: "Не памятник, а диво: В могиле гроб, Во гробе поп, В попе вино и пиво" — настойчиво приписывалась Пушкину. В отрывке... П. указывает... в зачеркнутом варианте — на Н."

довательности появления в автографах имени автора "Новейшего письмовника" нельзя. Однако повторение фамилии Курганова в разных набросках свидетельствует о постоянной ассоциации Пушкина между Кургановым, "приятелем" и сочинителем "Истории села Горюхина". Образование "по Курганову", истолкованное исследователями в ироническом плане, прежде всего не точно: "Родители мои... никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника, никаких книг не находилось... Таким образом достиг я шестнадцатилетнего возраста, оставаясь при первоначальном моем образовании... Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги..." (VIII, 127-130). В таком контексте "Новейший письмовник" Курганова отнюдь не является неким "укором" будущему сочинителю, а скорее свидетельствует о "типическом" образовании.

После 20 октября, т.е. после написания "Метели", Пушкин по-прежнему был занят разработкой образа "творческой личности", которую собирался объявить "автором" одной из октябрьских повестей.

Напомним, что первые пункты "плана" к "Истории села Горюхина" содержали "историю сочинительства":

"Уважение мое к званию писателя

Поэтов <в> особенности

Встреча с Булг.<ариным>⁹ (сперва: с Караб.<ановым>) и с Милонов<ым>¹⁰ Любовь) (вписано позднее)

Попытки мои в разных родах в повестях [опи] <?>" (VIII, 717-718).

⁸ Л.С.Сидяков. Художественная проза А.С.Пушкина. /87/, 1973, с. 81: "Его начальное образование не пошло далее "Письмовника" Курганова, упомянутого здесь иронически".

⁹ См. Путеводитель по Пушкину. /76/, с. 69-70 — статья Ю.Г. Оксмана. "БУЛГАРИН Фаддей Венедиктович (1789-1859) — журналист, романист и литературный критик, редактор "Север.

Естественно предположить, что план изначально включал не только освоение теории и практики сочинительства "по Курганову", но и некоторые аспекты современной литературной жизни, которые были связаны уже не с деревенским образованием, а с пребыванием в столице: "В 1820 году еще юнкером случилось мне быть по казенной надобности в Петербурге. Я прожил в нем неделю и ... провел время чрезвычайно весело: каждый день тихонько ходил я в театр, в галерею 4-го яруса. Всех актеров узнал по имени и страстно влюбился в ... игравшую с большим искусством в одно воскресенье роль Амалии в драме "Ненависть к людям и раскаяние". Утром...заходил я обыкновенно в низенькую конфетную лавку и... читал литературные журналы..."

А. Г. Гукасова тонко почувствовала описание "литературной учебы" сочинителя: "Семь лет жизни (с 1816 по 1824 г.) вне дома... освещен новыми именами. Белкин приобщается...ко

Архива" (1822-1825), "Литерат. Листков" (1823-1824), соиздатель и вдохновитель "Сев.Пчелы" (1825-1859) и "Сына Отечества" (1825-1839)... Личное знакомство Пушкина с Б. состоялось в 1827 г., при чем (несмотря на брезгливые его отзывы о Б. в интимной переписке) он с ним нередко встречался, печатался в "Сев.Пчеле" и явно не хотел портить отношений с влиятельным журналистом... когда появился неблагоприятный... анонимный разбор "Дмитрия Самозванца", он ошибочно приписал рецензию Пушкину и ответил на нее "анекдотом" в "Сев.Пчеле"... Ответом Пушкина на эти выпады были две эпиграммы".

¹⁰ См.. Путьеводитель по Пушкину. /77/, с. 235. "Милонов Мих. Вас. (1792-1821) — поэт. Стихотворения М. имели значительный успех. Воспитанный в Моск. благ. пансионе и М. ун-те в традициях русского сентиментализма, М. соединял в своей лирике влияния Жуковского и Батюшкова... В личной жизни М. был неудачником; переходил с одной службы на другую и нигде не мог ужитья; он тяготился служебной канцелярской обстановкой... Наконец опустился и совершенно спился".

всем литературным направлениям начала века, и общается при этом через представителей второго и третьего ранга с их шумевшими произведениями¹¹. И хотя "приятель-стихотворец" огорчался тем, что ему приписали "Эпитафию на попа..." Курганова, а для горюхинского сочинителя Курганов "казался...величайшим человеком" (VIII, 127), одновременное появление имени создателя "Письмовника" в разных черновиках случайным не было. Ирония в "Отрывке" в адрес "братьи литераторов", притязающей на "колкость ума... пылкость воображения... чувствительность" и т. д. было условием того, что субъект знаком с ними, в то время как "уважение мое к званию писателя" и петербургская встреча с одним из них в "автобиографии" сочинителя было следствием его незнакомства. Может быть, во втором случае Пушкин и рассчитывал на то, что упоминание "архаиста" ("старшего" — П. М. Карабанова, вычеркнутого и замененного в "плане" на "младшего" Ф. В. Булгарина), также как и контраст представителей литературных родов (прозаик Ф. В. Булгарин и поэт М. В. Милонов) должно было напомнить читателю 30-х годов о литературной ситуации в самом начале 20-х, еще до высылки Пушкина из столицы на юг. Однако при разработке в автобиографии эпизода знакомства сочинителя с читателем в "гороховой шинели" Пушкин заменил оппозицию личностей на оппозицию журналов: "Однажды сидел я углубленный в критическую статью "Благонамеренного"; некто в гороховой шинели... из-под моей книжки тихонько потянул листок "Гамбургской газеты"... у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. "Позвольте спросить, — сказал я... — вы г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастье читать в "Соревнователе просвещения"?". "Никак нет-с... я не сочинитель, а стряпчий, но ** мне очень знаком; четверть часа тому я встретил его у Полицейского мосту..." (VIII, 130-131).

¹¹ А.Г.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. /41/, 1973, с. 210.

Восторженное отношение "историка села" к литератору "Б", в котором всеми исследователями "угадывался" Ф. В. Булгарин (доказательствами чего служили "гороховая шинель" и "Полицейский мост"), воспринималось в ситуации непримиримой вражды Пушкина с Булгариным, по крайней мере, "странным", если не сказать абсурдным.

Исходя из ретроспекции взаимоотношений Пушкина и Булгарина в 30-е годы, пушкинисты перенесли вражду и на время их знакомства, не учитывая, что автор "прекрасных статей" мог "вполне... вызывать восхищение у почитателя словесности, воспитанного на Курганове" и что это скорее "характеризует, чем компрометирует" его — "не понимали же Булгарина, не знали его еще в эту пору ни Грибоедов, ни Рылеев, ни сам Пушкин"¹². "Уважение к русской литературе", стоившее сочинителю 30 копеек "потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста", кроме иронии, содержало еще и точную характеристику историко-литературной ситуации: "В литературной жизни начала 20-х годов все отчетливее и острее проявляется столкновение двух лагерей... Вскоре в литературной полемике эти враждующие группы получили названия "классиков" и "романтиков". Органом первых в Москве был журнал М. Т. Каченовского "Вестник Европы", а в Петербурге... с 1820 г. стал журнал А. Е. Измайлова "Благонамеренный". Деятельность сторонников романтического направления... была связана... с двумя петербургскими изданиями"¹³. Добавим — также и Ф. В. Булгариным¹⁴.

¹² А.Г.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. /41/, 1973, с. 211.

¹³ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, 1966, с. 15-16.

¹⁴ См.: А.Л.Осват, Р.Д.Тименчик. "Печальную повесть сохранить..." /67/, 1985, с. 333. Здесь приводятся слова Б.М. Эйхенбаума из внутренней рецензии на книгу Н.Л.Степанова "Фаддей Булгарин": "Имя Ф.Булгарина в достаточном количестве и достаточно убедительно предавалось позору, но ни разу его

К сожалению, "петербургский эпизод" в "автобиографии" не поняли, а из-за этого "тайная пружина" литературной образованности сочинителя "Истории села Горюхина" осталась вне поля зрения исследователей.

В первом черновом слое "петербургского эпизода" дата пребывания сочинителя в столице была несколько странной: 1822 г. Пушкин в это время находился в Кишиневе, и, следовательно, он не мог быть участником журнальной полемики. Пушкин, исправляя дату на 1820 г., соотнес ее с полемикой "Вестника Европы" и "Сына отечества" по поводу "Руслана и Людмилы".

Ю. Н. Тынянов отмечал, что опыт создания Пушкиным поэтической нормы в 1820-1825 гг. во многом определил и лабораторную работу поэта по созданию прозаической нормы в 1830 году, при этом "тайная полемика между Катениным и Пушкиным" в 1828 г., тонко и доказательно исследованная ученым, на самом-то деле была началом повторения пройденного пути¹⁵. В этом смысле первые завершенные в Болдине прозаические опыты и позволили Пушкину сформулировать эстетические посылки "нормативной прозы" в автобиографических признаниях сочинителя "Истории села Горюхина", которые по недоразумению были истолкованы исследователями чуть ли не как доказательства его "графомании"¹⁶.

Однако между образом сочинителя в автобиографии и его "Историей села" нет той дистанции, которая позволяла

деятельность и его фигура не была выяснена исторически и фактически. Независимо от своей доносительской деятельности он сыграл большую роль в истории русского журнализма... в жизни Булгарина были разные периоды — был, например, период тесных дружеских отношений с Грибоедовым, да и с Пушкиным не всегда была вражда".

¹⁵ См.: Ю.Н.Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 73-85.

¹⁶ См., напр.: Л.С.Сидяков. Художественная проза А.С.Пушкина. /87/, 1973, с. 80.

исследователям утверждать, что такой "автор" не мог написать столь резкую сатиру и, значит, она принадлежала Пушкину, в то время как автобиография, якобы "бездарного сочинителя" нужна была только для моделирования предисловия "От издателя" к "Повестям Белкина"¹⁷. Думается, что для "науки важны все редакции и все стадии творчества"¹⁸, а их сравнение друг с другом убеждает в неправоте многих интерпретаторов.

Несомненно, что "синтез разных стилей, разных пластов речи" мог возникнуть только при теоретическом освоении законов трансформации повествовательных норм сентиментализма и романтизма¹⁹. Поэтому Пушкин решил ознакомить будущего "автора" истории села с правилами нормативной прозы. Но поскольку "повествовательная художественная норма создает такое соединение бытующих в разных сферах общественной практики речевых средств, которого не знает сама внехудожественная языковая действительность"²⁰, постольку "синтез стилей" являлся всего лишь приемом для субъективирования носителей нормы сентиментализма и романтизма. Из этого синтеза надо было еще создать "литературную личность": "Субъект выступает не только как носитель определенной техники художественного построения, но и как теоретик и апологет известной эстетической и поэтической системы... В художественном произведении звучит литературный манифест, и образ автора встает, как лик провозвестника новых литературных принципов"²¹. Вот почему принципы преобразования "нового слога" карамзинистов в болдинских

¹⁷ См.: Н.Я.Берковский. Статьи о литературе. /17/, 1962, с. 267-272. В.В.Гиппиус. От Пушкина до Блока. /35/, 1966, с. 41.

¹⁸ См.: Б.В.Томашевский. Новое о Пушкине. /94/, 1922, с. 172.

¹⁹ В.Д.Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 56.

²⁰ В.Д.Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 56.

²¹ В.В.Виноградов. О теории художественной речи. /28/, 1971, с. 85.

повестях мог быть обоснован, в одном случае, образом автора, ориентированным на самого Пушкина, а в другом — образом сочинителя "Истории села Горюхина".

Формула "по старой канве новые узоры" была взята исследователями из "Романа в письмах" и несколько абсолютизирована, хотя, конечно, она довольно точно характеризовала *один* из принципов автозаимствования. Вместе с тем, работа над "автобиографией" включала разработку совсем иного камуфляжа для образа сочинителя *двух* повестей — "Выстрел" и "Метель" — и "Истории села Горюхина".

Посещение театра, чтение *лучших* в 1820 г. журналов разных направлений, жизненный опыт, приобретенный в переходах из губернии в губернию — все предполагало, что первоначальная образованность "по Курганову" оказалась дополнена достаточно широкими и осмысленными событиями современной литературной жизни. Тонко схваченные историческим чутьем Пушкина различия между "романтиками" и "классиками" в 1820 г. строились на важнейшей особенности противоположных литературных направлений: в то время, как "романтики" только оформляли свои взгляды на "искусство и жизнь"²², "классики" уже имели стройную и достаточно разработанную систему эстетической теории. Пушкин, вполне сознательно и планомерно, творческую эволюцию своего сочинителя строил на *освоении* классицистической теории с последующим ее *отторжением*, доведя это обстоятельство до пародии. Но именно это и ускользнуло от исследователей истории текста "Повестей Белкина", хотя проблема "атрибуции" взглядов "сочинителя" на литературу с позиций классицизма представляется решающей и при оценке художественного замысла Пушкина²³.

²²См.: Б.В.Томашевский. Пушкин. /98/, 1956, кн. 1, с. 594-615.

²³См.: S.Shvarzband. The Genesis of Pushkin's "Tales of Belkin". /134/, (October), 1990.

После эпизода об "уважении к русской литературе" в "автобиографии" следует рассказ о творчестве: "Несмотря на все возражения моего рассудка, дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову... Все роды поэзии (ибо о смиренной прозе я еще и не помышлял) были мною разобраны, оценены, и я непременно решил на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории" (VIII, 131).

Автозаимствование (ср. "Лета к суровой прозе клонят" и "о смиренной прозе я еще...не помышлял") реализуется в ситуации, когда "все роды поэзии" уже были "разобраны" и "оценены", а затем только избирается жанр — "эпическая поэма". В черновике Пушкин вместо слов "эпическую поэму" написал "романтическую" (VIII, 702), однако сохранил первоначальный эпитет, полагая, что романтическая поэма представит "элементом автобиографизма". А противопоставление прозы и поэзии Пушкин осуществил на основе хорошо известной ему классицистической теории. В "Словаре древней и новой поэзии" Н. Ф. Остолопова дана следующая формулировка: "*Поэзия* есть вымысел, основанный на *подражании* природе изящной... проза или красноречие есть *изображение* самой природы"²⁴. Помнил Пушкин и 33 номер журнала "Сын Отечества" за 1821 г., в котором появилось начало обширной статьи А. Ф. Воейкова "Разбор поэмы *Руслан и Людмила*, сочинение *Александра Пушкина*": "... поэма "Руслан и Людмила" не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она? *Богатырская*... Ныне сей род поэзии называется *романтическим*". Комментируя статью Воейкова, Б. В. Томашевский точно отметил характер полемики: "Эта идея была воспринята и другими представителями школьной поэтики. В эти же месяцы на страницах "Сына отечества" печатались отрывки из готовящегося к печати "Словаря древней и новой поэзии" Николая Остолопова. Словарь этот вышел в

²⁴Н.Ф.Остолопов. Словарь древней и новой поэзии. /68/, 1971, vol. 2, с. 400. Далее том и страницу указываем арабскими цифрами в круглых скобках после цитаты.

1821 г. (1-й том вышел в конце 1820 г., а два других в 1821 г. — С. III). Очевидно, в это именно время автор написал слово "Романический". Под этим словом мы читаем: "Романический или романтический... На русском языке в романическом вкусе мы имеем написанную г. Пушкиным *Людмила и Руслан*". По названию поэмы мы узнаем, что статья писалась до выхода в свет отдельного издания, по отрывкам поэмы, напечатанным в "Сыне отечества". Однако пока готовилась рукопись к печати, поэма вышла, и Остолопов успел поместить цитаты из полного текста поэмы"²⁵.

Замечательно, что сняв один "элемент автобиографизма", возможно, памятный для читателя, Пушкин тут же ввел в "автобиографию" другой, известный одному ему: "Недолго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика... поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию Рюрик. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика" (VIII, 131).

Автореминисценции из набросков "Гости съезжались на дачу..." (1828-1830 гг.) и "Романа в письмах" подсказали Пушкину "автозаимствование" эпизода с "пробой пера" из его дневниковых записей за 10 декабря 1815 года: "Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого: право естественное*... Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее. — Третьего дня хотел я начать Ироническую поэму: *Игорь и Ольга*, а написал эпиграмму на Шах<овского>, Шихм<атова> и Шишк<ова>..." (XII, 298)²⁶.

Таким образом, черты якобы "типичные для начинающего писателя-самоучки и подражателя"²⁷, неоднократно да-

²⁵ Б.В.Томашевский. Пушкин. /98/, 1956, кн. 1, с. 345.

²⁶ Ср.: Б.В.Томашевский. Писатель и книга. /95/, 1959, с. 92.

²⁷ См.: А.Г.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С. Пушкина. /41/, 1973, с. 210.

вавшие повод исследователям считать, что "подобная самохарактеристика "автора" содействует восприятию... пародийного и сатирического контекста"²⁸, на самом-то деле оказываются собственно пушкинскими. Конечно, серьезный тон этой записи шестнадцатилетнего Пушкина и насмешливый тон двадцатипятилетнего сочинителя "истории" — свойства возрастные, но отнюдь не идеологические.

Впрочем и перечисление видов, форм и жанров, бытовавших в литературе, "начиная от высоких жанров классицизма... и кончая... жанрами сентиментализма, а также предромантизма..."²⁹, вместе с упоминаниями "Критики на московский бульвар", "Пресненских прудов" и "Опасного соседа" на фоне чтения "петербургских журналов", кажется, серьезным по содержанию и шутливым по форме.

Классицистическое образование сочинителя в черновиках "автобиографии" было вполне определенным: "Старинное вступление *пою* или *О муза* справедливо казалось мне рабским подражанием недостойным свободного, оригинального Гения. Что касается до размера, то не учившись никогда версификации, но получив некоторый навык переписывая стишки, и избрал тот которому более всего..." (VIII, 702).

Зачеркнутый Пушкиным фрагмент подобен "перепеву" словарных статей Н. Ф. Остолопова³⁰: "О *форме поэмы Епической*. В наружном составе Епической поэмы надлежит наблюдать три части: 1. *Предложение*... 2. *Призывание* или *обращение*... В нем поэт призывает Божество, или другое... лицо и просит о помощи или наставления к продолжению своей поэмы... Вот несколько примеров начала Епических творений:

²⁸ Л.С.Сидяков. Художественная проза А.С.Пушкина. /87/, 1973, с. 81.

²⁹ Г.А.Гукасова. Болдинский период в творчестве А.С.Пушкина. /41/, 1973, с. 210.

³⁰ Фрагменты "автобиографии", сопоставимые со "Словарем" Остолопова, не следует оценивать в качестве "заимствования".

1. *Гомеровой Илиады...*

Воспой Ахиллов гнев божественная Муза!..

2. *Вергилиевой Енеиды...*

Пою...

Повеждь, о Муза...

3. *Из поэмы Ломоносова: ПЕТР ВЕЛИКИЙ*

Пою...

4. *Из Россияды, поэмы Хераскова...*

Пою..." (I, 478-480).

Характерно, что статья "Подобие" у Остолопова также заканчивалась сочувственной цитатой из Пушкина, а в статье "Подражание" Н. Ф. Остолопов заявлял, что подражать "оратору или поэту не значит переводить его или рабски списывать..." (2, 387). Ср. с "признанием" сочинителя о "рабском списывании", тем более что, продолжая черновик, Пушкин в концовке фразы "не учившись никогда [стихосложению] версификации...", использовал оба термина, данные в названии статьи Остолопова: **"СТИХОСЛОЖЕНИЕ**. — *Versificatio*" (3, 217). "Пародическая форма" в непародийной функции перехода от поэзии к прозе становится очевидной, как только мы привлекаем к сопоставлению статьи из "труда действительного и почетного члена разных Ученых Обществ", который был для своего времени наиболее полной компиляцией отечественных и иностранных теорий изящной словесности.

Так, заявляя, что "надпись моя была не вовсе недостойна внимания, особенно как первое произведение молодого стихотворца. Однако ж я почувствовал, что не рожден поэтом, и довольствовался сим первым опытом" (VIII, 131), сочинитель, кажется, имел в виду определение Остолопова: "Прозе не поэзия противопоставляется, а стихосложение... Проза относится к красноречию... так, как стихи к поэзии. Можно говорить и не быть красноречивым; можно писать стихи, не будучи поэтом" (2, 433).

Если некогда Владимир в "непародийной функции", сочинив "моностих" надписи к "портрету княжны Ольги", требовал "объявить" его поэтом,, то теперь сочинитель понял,

что он "не рожден поэтом", и, следовательно, с "высот поэзии" стремится "снизойти к смиренной прозе": "На первый случай, не желая заняться предварительным изучением, расположением плана, скреплением частей и т. п., я вознамерился писать отдельные мысли, без связи, без всякого порядка, в том виде, как они мне станут представляться" (VIII, 131).

Словарные аналоги Н. Ф. Остолопова к автобиографии сочинителя чрезвычайно показательны: "*Расположение* или *План*... есть приведение изобретенных мыслей в приличный порядок... Сие должно быть первым трудом оратора, поэта, философа, историка, и словом всякого писателя... Расин, как сказывают, один год делал *расположение* своей Трагедии, а другой год писал ее" (3, 8). Умение "размышлять, разбирать, исследовать свою материю" должно лежать в основе соединения "различных частей, чтобы они "составляли связное повествование" (1, 517). Ср. у Пушкина: "скрепление частей", "без связи", "без всякого порядка". Замечателен и другой пушкинский оборот: "отдельные мысли станут представляться". Определение, приводимое Остолоповым в словарной статье, формулировалось так: "Мысль есть представление чего-либо в уме..." (2, 199). Возможно, что в признании сочинителя "К несчастью мысли не приходили мне в голову, и в два дня надумал я только следующее замечание..." (VIII, 131) — слышится отзвук двухлетней работы Расина над трагедией. Приведя пример, Пушкин тут же разъяснил его почти "по-остолоповски": "Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая" (VIII, 132). Ср. : "Мысли бывают разных видов... *Новые* ... представляют или совершенно неизвестные понятия, или уже известные, но в новом виде" (2, 199-200).

Понимая, что пушкинское слово было "намагничено разносторонним действием литературной традиции", В. В. Виноградов считал: "Анекдот, короткая "замысловатая" новелла, каламбур, эпиграмма, шарада, буримэ, отточенный мадригал, острый экспромпт, игра "крылатыми словами", питая эту традицию "блеска ума и шуток", были окружены утонченной атмосферой острых, неожиданных и разнообразных литера-

турных намеков, соответствий, антитез и параллелей"³¹. В этой традиционной манере "блеска ума и шуток", видимо, и следует рассматривать пушкинские "перепевы" классицистических понятий: "Оставя мысли, принялся я за повести, но, не умея с непривычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старлся украсить истину живостью рассказа, а иногда и цветами собственного воображения" (VIII, 132). Напомним, что по "Словарю" Остолопова, расположение материала "должно быть первым трудом" писателя, не имеющего "совершенного образца в природе" (статья "Вымысел"), и при этом вымыслы бывают "чистыми" и "смешанными": "*Чистые* состоят в целых повествованиях о действиях, которых не было... *Смешанные* состоят от части из правдивых и от части из вымышленных" (1, 148).

С "вымыслом" в классицистической теории было тесно связано "воображение": "Когда воображение начертывает только предметы действительно существующие, то не иным чем различествует от памяти, как живостью цветов... Даже дети имеют способность представлять себе весьма ясно не только то, что видели, но и слышали" (1, 140). Воображение "составляет само собою такие картины, кои не имеют в природе образца", зато "воспоминание о предметах" может доставить образец "для поэзии": "Все люди, исполненные какой-либо страсти, с живостью представляют себе предметы, оную возбудившие" (1, 141-2).

Соответствие между автобиографическим повествованием о творческой эволюции сочинителя и одной из лучших отечественных компиляций классицистической теории Н. Ф. Остолопова, независимо от того, пользовался Пушкин или нет "Словарем", требует от нас решительного отказа от "пустой мифы" (VIII, 127) необразованности горюхинского "историка". Факт непосредственного знакомства сочинителя с эстетикой

³¹ В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 376.

"классиков" и, несомненно, пародическая форма ее изложения в "автобиографии", по сути дела, и является художественным умыслом Пушкина по опровержению архаистов, с одной стороны, и по обоснованию новой прозаической нормы, с другой: "Составляя сии повести, мало-помалу образовал я свой слог и приучился выражаться правильно, приятно и свободно" (VIII, 132).

То, что В. В. Виноградов счел "литературной обработкой услышанного"³², для Пушкина было *художественной задачей* первостепенной важности: что и от кого бы ни *было услышано*, не это определяло суть сочинительства, а только умение правильно, приятно и свободно *выразить* свое понимание искусства и жизни.

Воспитанный на теории "классиков", сочинитель должен был воспользоваться подходом к литературе, как к факту, в который "широко вливается неканонизированный неолитературный"³³ быт, ибо Пушкин, "владея всеми достижениями карамзинизма, соблюдая принципы точного, адекватного слова... воевал против последышей карамзинизма, против периферии карамзинистской культуры, против ее статики; ферментом... брошенным на эту культуру, очищенную от маньеризма, эстетизма, малой формы, были принципы враждебной культуры — архаистической"³⁴. И хотя Тынянов писал о внутренней войне Пушкина с карамзинистами по отношению к *поэзии*, однако его наблюдения справедливы и по отношению к ведению гражданской войны с сентиментально-романтической прозой.

Между эстетикой сочинителя, вывернувшего наизнанку истины "классиков", и его повествовательной нормой в повестях не существовало не только что противоречий, но и несог-

³² В. В. Виноградов. Стил Пушкина. /29/, 1941, с. 543.

³³ См.: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 71.

³⁴ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 70.

ласованности: субъекты "Выстрела" и "Метели" были тождественны субъекту автобиографии. И в этом смысле, сама по себе автобиография и была тем "достаточным известием", на основе которого сочинитель "Истории села Горюхина" мог бы продолжать писать. Для Пушкина, завершившего свой эксперимент двумя повестями от имени сочинителя, это переставало быть художественной задачей.

Итак, к началу ноября 1830 г. у Пушкина в Болдине были написаны три отдельные повести ("Гробовщик", "Станционный смотритель", "Барышня-крестьянка"), "автобиография" еще безымянного сочинителя двух задуманных повестей ("Выстрел" и "Метель"), "История села Горюхина" и "предисловие" к "ненаписанной или потерянной повести" — "Отрывок". Никакого другого "предисловия" к одной повести или ко всем сразу написано еще не было. Впрочем, сомнительно даже то, что у Пушкина в первых числах ноября мог возникнуть подобный замысел, ибо для этого он должен был бы начать поиск таких интегрирующих явлений, которые позволили ему объединить в одно целое два разных корпуса повестей.

Текстологическая несомненность последовательной разработки "автобиографии" с последующей ее трансформацией в "биографию" — факт, не вызывающий ни у кого сомнений: "Предисловие же "От издателя"...написано было уже в ноябре, после прекращения работы над "Историей села Горюхина", и автограф свидетельствует о стремительной скорости и о легкости, с которой писалось это предисловие, ясное для истинного его автора не только в целом, но и в деталях"³⁵. Однако вопрос не столько в том, когда именно, сколько в причинной обусловленности нового принципа.

Среди разного типа набросков, представляющих читателю некоего автора, у Пушкина были набросок "любителя отечественной литературы", датированный 1827 г., и "рекомендательное письмо" опекуна "покойного друга" 1829 года, и "Отрывок" 1830 г.

³⁵ Н.Н.Петрунина. Проза Пушкина. /73/, 1987, с. 157.

Таблица 2

	"История села Горюхина" основной автограф	"От издателя" "черновой автограф"
Родился	в 1801 г. "Я родился... в селе Горюхи- не 1801 года апреля 1 чис- ла..."	в 1798 г. "И. П. Белкин родился... 1798 г. в селе Горохине..."
Начал службу:	(после 16 лет) с 1818 г. "...достиг я шестнадцатилет- него возраста... В сие вре- мя..."	с 1815 г. "В 1815 г. (сперва: 1816) вступил... в службу в пехот- ный егерский полк..."
Служил	до 1824 "...находился до прошлого ...года... принудила меня приехать... заснул в... ком- нате, в которой за 23 года тому родился"	до 1823 г. "...в коем находился до са- мого 1823 года..."
Последний труд	3 ноября 1827 г. "история" "...совершил оный сего нояб- ря 3 дня 1827-го года"	неизвестно — "роман"? "...прошлою зимою все окна окна...флигеля заклеяны бы- ли первую частью романа..." (контекст позволяет предпо- ложить, что Пушкин отдал на "обклейку" окон "Роман в письмах" — С. Ш.)
Дата смерти	отсутствует	6 ноября 1829 г. "Он умер на моих руках...в пр<ошлом> 1829 году нояб- ря 16 дня на 29 году от рожд. <ения>... От роду ему было 28 лет" (зачеркнуто — С. Ш.)

Личность сочинителя "в целом и в деталях" устанавливалась в "автобиографии" и в двух повестях "Выстрел" и "Метель". Казалось бы, Пушкин должен был со стремительной быстротой составить "биографическое известие", тем более, что после первого ноября в рукописи "Истории села Горюхина" впервые появляется фамилия будущего сочинителя³⁶: "Летопись сия сочинена прадедом моим Андреем Степановичем Белкиным... В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки... Евпраксии Алексеевны..." (VIII, 133-134)... Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных..." (VIII, 138).

Неизвестно было Пушкину только одно: кто должен был представлять "покойного друга"? То ли он сам, то бишь "издатель" некоей рукописи, то ли "друг" сочинителя? В автографах пробовались обе возможности ("Сердечно радуясь..." и "Несмотря на великие преимущества...") — видимо, Пушкин в своем выборе колебался. Для принятия решения он должен был уяснить себе еще одну постороннюю "издателью" личность — ту личность, которая хорошо знала "покойника".

Кажется, загвоздка была именно в этом. И тут важна не быстрота составления "предисловия", а длительность осмысления литературной дистанции между "другом" и "сочинителем". Вдобавок теперь пушкинская стратегия должна была строиться на прямо противоположных основаниях.

Во-первых, надо было изъять из черновика биографии "творческую эволюцию" сочинителя потому, что "почтенный сосед" рассказать об этом ничего не мог.

³⁶Напомним, что нам неизвестна пушкинская композиция "Истории села Горюхина": редакторы по-разному "составляют" ее Ср. "Историю села Горюхина" в "большом академическом" (VIII, 711-716) и в "малом академическом" в 10-ти тт. (VI, 184-192) изданиях. Поэтому и "род Белкиных" появляется в автографах в разных местах и в разной "хронологии".

Во-вторых, следовало придать "биографическому известию" вполне реальный и, следовательно, нелитературный характер.

В-третьих, впервые перед Пушкиным вместо этой проблемы встала совсем другая, поскольку сочинитель двух повестей становился автором всего написанного. В этом случае основной проблемой без "биографического известия" оказывалась проблема композиции повестей.

При наличии черновиков "рекомендательного письма" 1829 г. и "Отрывка" 1830 г. дальнейшая переработка "автобиографии" в "биографию", пожалуй, не потребовала дополнительных додумываний. Избрав "биографом" нелитератора, Пушкин делал его "антагонистом" писателей³⁷, но "сочинитель", прошедший литературную эволюцию по "автобиографическому свидетельству", именно в этом-то как раз и не был известен "биографу". И хотя предисловие в черновом виде было написано в ноябре 1830 г., найти ему применение Пушкин до осени 1831 г. не мог. Этим объясняются все изменения состава, композиции, эпиграфов и примечаний, без которых "Повести Белкина" сложиться не могли.

Эвентуальность любых построений является "ахиллесовой пятой" *истории текста*. И все же приходится с ней считаться.

Зачарованные социальными противоречиями³⁸ в "Истории села Горюхина", исследователи утверждали, что в пушкинский замысел входила задача создания пародийного образа "графомана-недоросля"³⁹ в автобиографии, чтобы от своего имени написать резкую сатиру на российскую действительность и на Карамзина (естественно, что при этом пародийный

³⁷ См.: В.В.Виноградов. Стилль Пушкина. /29/, 1941, с. 548.

³⁸ См.: М.П.Алексеев. К "Истории села Горюхина". /10/, 1926, с. 73-76.

³⁹ Л.С.Сидяков. Проза Пушкина, /87/, 1973, с. 81. Ср.: Н.Л. Степанов. Проза Пушкина. /92/, 1962, с. 269-271.

пласт сочинения по отношению к "Историям" Н. А. Полевого и М. П. Погодина затушевывался или же, наоборот, усиливался⁴⁰).

А. Г. Гукасова, сопоставляя пушкинский "план" и редакционно составленный и "расположенный" текст, пришла к выводу, что, хотя новая композиция в "советских изданиях принципиально отличается от старой композиции тем, что придает произведению иной смысл", однако новая композиция "не дает нам связного текста и не снимает ряда его темных мест"⁴¹. Ее замечание крайне важное для *истории текста* всей рукописи. В основном автографе после слов "состояние крестьян" Пушкин поставил одну дату — "[30] 31 окт.", а после фразы "Познакомя таким образом читателя... приступим теперь к самому повествованию", другую — "1 ноябрь" (VIII, 706, 711). Кроме того, в "автобиографии" сочинитель указал, что

⁴⁰ Интерпретатор "плана" к "автобиографии" В. Кожевников прочитал букву "Т" в инициалах "прадеда" как *римскую цифру "III"*, т.е. не Иван Васильевич Трафилин, а Иван Васильевич III (третий). См.: В. Кожевников. "История села Горюхина". /46/, 1988, 2, с. 179-183. Затем интерпретатор предложил "дешифровку" пушкинского текста: вместо "Правление Антипа Мудрого" надо читать "Правление Ярослава Мудрого", проезд *прадеда-тирана* — как проезд "тирана Ивана III", и, следовательно, *дед* — это Иван Грозный. Вывод интерпретатора, кажется, почерпнут из "Словаря древней и новой поэзии", поскольку история России с "баснословных времен" до "правления приказчика" действительно "принадлежит Поэту". Ср.: Н. Эйдельман. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. /115/, 1984, с. 246: "...мысль о том, что в "Истории села Горюхина"... Пушкин... своеобразно спародировал манеру Карамзина, полагаем, имеет основание".

⁴¹ А. Г. Гукасова. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. /41/, 1973, с. 219-221. См.: P. Debreczeny. The Other Pushkin. /125/, 1983, p. 312, note 49.

приступил он к "желанному труду и с помощью божиею совершил оный сего ноября 3 дня 1827-го года" (VIII, 133). Таким образом, хронограф написания "автобиографии" дает основания считать, что Пушкин вслед за повестями работал над "Историей села Горюхина" и вовсе не собирался искать *интегрального* для всех повестей принципа их объединения в одно художественное целое. Даже если в эти же дни и написал Пушкин "предисловие", содержащее письмо "ненарадовского помещика", то и тогда мы обязаны усомниться, по крайней мере, в одном: все ли написанные повести собирался он "присовокупить" к "биографическому известию" ненарадовца?

Напомним, что, во-первых, "композиция повестей" ни по их "списку" на листе с концовкой "Гробовщика", ни по эпиграфам к повестям, записанным тоже на отдельном листе, ни даже по второму примечанию издателя к письму "ненарадовца" — никак не соответствовала той, которая появилась в издании⁴². Во-вторых, "хронограф" жизни П. И. Б.⁴³ с "хронографом" сочинителя "Истории села Горюхина" в черновых рукописях не совпадает. В-третьих, письмо "почтенного соседа" было менее официально и в нем уделялось больше места "личным взаимоотношениям" с сочинителем.

Хронограф жизни сочинителя "истории" и "автора" повестей неоднократно привлекал внимание исследователей: "From all appearance the neighbour is fond of precision, as the beginning of his letter shows: "Your esteemed letter of the 15th of this month I had the honor to receive on the 23rd of the same month..." The name of the month appears only at the end of the letter: "1830, November 16". There is a striking contradiction here: the neighbor replies to the editor's letter (November 15) and seven days before the neighbor supposedly received it (November 23). The "curious researcher" must respond to the error; comparing the dates again, he registers the numbers 15, 23, 16. In the second paragraph of the letter the first two pairs of

⁴²О пушкинском поиске композиции см. следующую главу.

digits are repeated in the same sequence: "In 1815 he [Belkin] enlisted in a Jager infantry regiment (I don't recall the number), in which he remained right up until 1823". The last two digits of these dates repeat the numbers 15 and 23"⁴⁴. Обнаружив ошибочные для "любопытных изыскателей" датировки времени отправки письма ("15 сего месяца"), получения ("23 сего же месяца"), и, наконец, времени составления "биографического известия" соседом "покойника" ("1830 году, ноября 16"), американский славист предпринял расследование этой путаницы и пришел к выводу о том, что "во всех датах биографии Белкина" есть намеки поэта на свою судьбу (А. Коджак привлекает к интерпретации на "равных правах" даты из "Истории села Горюхина" и даты из "Выстрела", не говоря уже о рукописных вариантах, хотя, следует заметить, что не все) "of member of the Kishinev group of Decembrists"⁴⁵, а его жизнь в Горюхине "acquires a new flavor when perceived in the light of Belkin's affiliation with the southern branch of the Decembrists"⁴⁶.

Не пытаясь объяснять непонятные даты в письме "ненарадовского помещика", А. В. Чернов также обратил внимание на игру цифрами: "Даже мелкие...детали не существуют в повести без их "дубликатов". Например, вряд ли случайно повторение цифр в письме друга Белкина: он получил письмо издателя от 15 сентября сего месяца 23 сего же месяца. Чуть далее сообщается, что Белкин в 1815 году вступил в полк, в коем и находился "до самого 1823 года"⁴⁷.

⁴³ В "черновом автографе" предисловия инициалы "покойного друга" окончательно не определены: форма П.И.Б. и П.Ив.Б. встречается 19 раз, форма Ив.П.Б. — 9 раз, форма И.Г. Белкин — 2 раза.

⁴⁴ А.Коджак. Pushkin's *I.P.Belkin*. /129/, 1979, pp. 23-24.

⁴⁵ А.Коджак. Pushkin's *I.P.Belkin*. /129/, 1979, p. 33.

⁴⁶ А.Коджак. Pushkin's *I.P.Belkin*. /129/, 1979, p. 33.

⁴⁷ А.В.Чернов. К проблеме повествователя в "Повестях Белкина". /104/, 1991, с. 35.

"Около меня колера морбус... того и гляди, что к дяде Василию отправлюсь, а ты и пиши мою биографию... Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать... Ах, мой милый!... езди верхом, сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов"

29 сентября — П. А. Плетневу:

"... я оконча дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантин... Месяц буду в дороге... Месяц я здесь прожил не видя ни души, не читая журналов... Я бы хотел переслать тебе проповедь о холере; ты бы со смеху умер..."

Не позднее 29 октября — П. А. Плетневу

"Мне и стихи в голову не лезут... осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь... Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу... я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой... Покамест он уж может заказать виньетку, изображающую меня... в виде Атланта, на плечах поддерживающего "Литературную газету".

4 ноября — А. А. Дельвигу:

"...нынешняя осень была детородна ... песни трубадуров не умолкнут ... Я... написал пропасть полемических статей ...кого надлежит душить, Полевого или Булгарина... Скажи Плетневу, что он расцеловал бы... видя мое осеннее прилежание..."

4 ноября — П. А. Вяземскому:

"Я был в духе ругаться... Радуюсь, что ты принял за Фонвизина..."

Закончен "Гробовщик", на последней странице внизу портрет Н. Н. Гончаровой и "возница" в похоронном плаще. Судя по летописи "трудов и дней", Пушкин почти сразу же по приезде в Болдино окупился в работу. Однако, на первом месте — "стихи писать", зато во "всякой всячине" — "наготовлю... и прозы", а потом уж "и стихов".

Попытка Пушкина выехать из Болдина закончилась неудачей. До 1 октября были написаны уже три повести, "черновой автограф" предисловия и, возможно, начат "первый автограф" с автобиографией сочинителя.

Все повести уже написаны, однако о них Пушкин как раз ничего и не сообщает. Кроме того, готова и вся "автобиография" с большею частью "истории села" и, самое главное, написан "Отрывок" — "...запирался... и писал... Это продолжалось... недели две, три, много месяцев, и случалось единожды в год, всегда осенью".

Ни о повестях, ни об "истории села" Пушкин не сообщает, отмечая лишь полемические статьи. В "Истории села Горюхина" проставлена последняя дата — 1 ноября. Возможно, Пушкин уже начал переделывать автобиографию для "биографии" ненадаждца.

Пушкинское "кое-что" — замечательно: заинтриговав Вяземского, он тут же пишет о критике, словно это и было его главным делом. Упоминание Фонвизина, позволяет предположить: эпиграф из "Недоросля" каким-то образом связано, возможно, с этим письмом к Вяземскому.

Проблема, поставленная исследователями, отнюдь не проста. Однако не следует забывать, что читатель Пушкиназнакомился с предлагаемыми ему "Повестями Белкина", в которых даты отправки письма издателем и получения этого же письма "ненарадовским помещиком" — соответственно "15" и "23" — вместе с канцеляризмом "сего месяца" после каждой из них вовсе не означали тот же месяц, которым было оно помечено, ибо свое письмо ненарадовский помещик мог отправить и под датой другого месяца — "16 ноября".

С точки же зрения *истории текста* это недоразумение снимается окончательно. В черновом автографе Пушкина фигурируют две даты смерти сочинителя: 17 октября (VIII, 587) и 16 ноября (VIII, 590), зато отсутствует дата под письмом ненарадовского помещика. С этими датами тесно переплетаются даты "трудов и дней" самого Пушкина. Как известно, "план" повести "Метель", "не совсем совпадающий с окончательной обработкой, писан одновременно со стихотворением "Моя родословная"⁴⁸, которое обычно датируется 16 октября 1830 года. Вероятно, Пушкин, записав 16 октября план последней повести, приступил к написанию "Метели" только на следующий день — 17 октября. В таком случае этот день мог стать и возможной датой смерти сочинителя.

По мнению Н. Н. Петруниной, вторая дата — 16 ноября — указывала на время вероятной разработки чернового автографа предисловия⁴⁹ или могла фиксировать реальную дату окончательного отказа Пушкина от замысла "Истории села Горюхина".

12 и 14 октября Пушкин был занят "Выстрелом". 20 октября он закончил "Метель". 26 октября был занят "Отрывком". В основном автографе "истории" перед описанием "страны, по имени столицы своей Горюхиным называемая" стоит "30

⁴⁸См.: Б.В.Томашевский. Примечания. /5/, с. 760.

⁴⁹Н.Н.Петрунина. Когда Пушкин написал предисловие к "Повестям Белкина". /72/, 1985, с. 31-51.

(исправленно на 31 — С. III.), октября”. Среди этих “трудов и дней”, т.е. между 12 и 30 октября, Пушкин завершил работу над автобиографией сочинителя. В этой связи начало черновика письма ненародовского помещика “письмо В. <аше> от 15 ч. сего месяца получить имел я честь 23 ч. того же месяца” (VIII, 584) — хорошо согласуется (если, конечно, считать *октябрем* “сего” и “того же”) с возможными датами написания автобиографии. Дата “смерти” горюхинского историка в черновике предисловия оказалась *датой конца работы над “Историей села”*. Тогда становится понятно и то, почему *указанную в черновике дату смерти* “ноября 16 дня” Пушкин сделал датой отправки ненародовским помещиком своего ответа “издателю”.

О попытках же интерпретаторов связать даты художественных произведений с биографией Пушкина Б. В. Томашевский писал: “Интерес к личности начинает подавлять интерес к творчеству... В биографии ищут основания для интерпретации... произведений... Вот этот-то... императивный биографизм текста издавна привлекал внимание исследователей. Восполнить текст пытались путем реальной биографии Пушкина... Оказалось, что биографические намеки лишь отчасти сводимы с реальными сведениями из жизни Пушкина... “Как на самом деле следует понимать данные слова?” — задают себе вопрос новейшие толковники, комментирующие Пушкина по методу конфессиональных толкователей библии... В некоторой части эти заметки с точки зрения реальной биографии являются совершеннейшей мистификацией”⁵⁰.

Итак, закончив “Метель”, Пушкин приступил сперва к разработке “предисловия”, которым можно было бы предварить одну из написанных им в Болдине повестей. Однако, поняв, что этот путь ведет к отождествлению реального автора и субъекта повествования, Пушкин вернулся к “автобиографии” и рассказ о творческом пути сочинителя закончил на

⁵⁰ Б.В.Томашевский. Пушкин. /97/, 1990, с. 43-46.

завершении им "желанного труда" — "истории села". Вслед за окончанием работы над "Историей села Горюхина" в ноябре 1830 г. Пушкин еще раз вернулся к проблеме представления "автора" художественных произведений. Припомнив былой отказ от "рекомендательного письма" с биографией, он решил поступить наоборот и занялся переделкой автобиографии в "биографическое известие". Ставить вопрос о генезисе замысла "цикла" или же книги имеет смысл только в том случае, если мы четко отделяем историю написания пяти повестей от истории их объединения во что бы то ни было.

"Роман в письмах" для *истории текста* болдинских повестей был *богатым источником* сюжетных линий, тем и заданий. Но, как заметил Винокур: "Пушкин, конечно, знал, что писать "просто" — далеко не просто. Если в стихах своих он завершитель богатых традиций прошлого века, канонизатор, давший устойчивую, классическую форму, то к прозе Пушкин пришел путями неизвестными, дорогами окольными: учителей, наличных традиций на них он не повстречал. В прозе ему пришлось начинать сначала. Тут он все создавал заново, и подходил он к этому делу с опаской, с мучительными сомнениями... Вопрос о прозе был поэтому для Пушкина прежде всего вопросом стилистической *культуры*, вопросом *школы и умения*, а не натуралистического подражания"⁵¹. К сожалению, глубокое и убедительное представление Г. О. Винокура о том, что Пушкин создавал художественную прозу "из того бытового лингвистического сырья, которое находилось в его распоряжении в виде неразработанного, свернутого в своих потенциальных богатствах, обиходного и разговорного языка, что, прежде чем стать языком *литературы* и вместе с тем приобрести значения языка *культуры* этот обиходный язык служил для Пушкина предметом творческого преодоления и стилистической обработки... в жанрах обыденной и повседневно-

⁵¹ Г. О. Винокур. О языке художественной литературы. /32/, 1991, с. 182-184.

ной речи"⁵², — почти не нашло своего интерпретатора, хотя ответ Г. О. Винокура был предельно прост: обиходный язык в жанрах обыденной и повседневной речи был языком *писем* самого Пушкина, включая и *пробу* в замысле "Романа в письмах". Проблема времени создания предисловия⁵³, как раньше проблемы автозаимствований и автореминисценций при уяснении *истории текста* отдельных повестей, не могут быть решены без анализа информации, содержащейся в письмах Пушкина.

Известны 17 писем Пушкин, которые были посланы им из Болдина: 7 — невесте, 4 — П. А. Плетневу, 2 — М. П. Погодину, по одному — П. А. Вяземскому, А. А. Дельвигу, П. А. Осиповой и А. Н. Верстовскому. Ни в одном письме, написанном в Болдине, Пушкин не упоминает о том, что он впервые написал несколько прозаических художественных произведений. У этого обстоятельства есть только одно объяснение: написанные повести еще не существуют ни как "книга", ни как "рукописное собрание", да и сам факт их написания утаивается от друзей, ожидавших от Пушкина "вассальной подати", только по той причине, что сам он еще не принял решения. И если это так и было, то становится очевидным и то, что объединения повестей с предисловием, зафиксированного на обороте последней страницы "Барышни-крестьянки" в виде "списка" с названиями и эпиграфами к повестям (л. 62 об. ПД 999), не было во время пребывания в Болдине. Тот факт, что "черновой автограф" предисловия уже существовал вместе с

⁵² Г. О. Винокур. О языке художественной литературы. /32/, 1991, с. 185-186.

⁵³ Ср.: Н. К. Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 163. Утверждение интерпретатора том, что "как бы ни был решен вопрос текстологами о конкретной последовательности создания текстов, но между "Историей" и предисловием к "Повестям" существует прямая преемственность", — неверно и фактографически, и методологически.

уже написанными повестями, еще вовсе не является "достаточным и необходимым" условием наличия принципа, объединяющего их в сборник или книгу: все рукописи покамест — порознь — были еще всего лишь "материалами" замысла.

Об этом свидетельствует письмо Пушкина к П. А. Плетневу от 9 декабря 1830 г.⁵⁴: "Милый! я в Москве с 5 декабря... Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели. Что "Годунов"? Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы "Онегина", совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которые выдадим Апопуме. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий... Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное)*. Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Апопуме. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетец этого несносного Лавинья".

* для тебя единого (XIV, 133).

Это письмо многократно истолковывалось пушкинистами⁵⁴ по идейным соображениям⁵⁵. Просьбы денег и надежды на прибыль от печатающегося "Бориса Годунова" логически перешли в сообщения о новых готовых к публикации вещах. "Домик в Коломне" и 5 повестей Пушкин думал печатать

⁵⁴ См.: А. Kodjak. *Pushkin's I.P. Belkin. /129/, pp. 104-105. Ср.: P. Debreczeny. The Other Pushkin. /125/, p. 314, note 99. В отличие от других П. Дебрецени очень осторожно сообщает о реакции Е. А. Баратынского на "услышанные" повести.*

⁵⁵ См.: В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. /35/, 1966, 32-45. Н. Я. Берковский. Статьи о литературе. /17/, 1962, с. 302-304.

анонимно. Объясняя свое решение Плетневу, Пушкин, видимо, исходил из двух обстоятельств.

В начале 1830 г. Пушкин прочитал роман Булгарина "Дмитрий Самозванец" и заподозрил автора в плагиате некоторых сцен из широко ходившего по рукам его "Бориса Годунова". Булгарин пытался оправдаться перед Пушкиным в своем письме от 18 февраля 1830 г., однако затем в "Северной Пчеле" за 11 марта Булгарин опубликовал фельетон, в котором Пушкин был выведен под именем французского стихотворца, "служащего усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам" да еще "чванящегося перед чернью вольнодумством, а тишком ползущего у ног сильных"⁵⁶. В ответ Пушкин написал две эпиграммы "Не то беда, что ты поляк..." и "Не то беда, Авдей Флюгарин...". К тому же Пушкину и его друзьям было известно (по крайней мере, с 1829 г.) о связях Булгарина с III отделением. В "Литературной газете" за 6 апреля 1830 г. в отделе "Смесь" появилась заметка Пушкина "О записках Видока", в которой публично указывалось на эту связь. В ответ "Северная Пчела" разразилась разоблачениями по поводу "совершенного падения" Пушкина на примере 7-ой главы "Евгения Онегина", и 7 августа появился фельетон Булгарина о "поэте-мулате", чей предок был "куплен пьяным шкипером" за "бутылку рома". Пушкин в это время был в Москве и 31 августа выехал в Болдино, где в одной из статей "Опытов отражения некоторых не литературных обвинений" решил свести счеты со своим зоилом. Такова была ситуация личной вражды Пушкина с Булгариным.

Поэтому решение печатать *без указания своего имени*, т.е. анонимно, пять повестей было вызвано не боязнью новых выпадов и "личностей" критика-осведомителя, а желанием оградить *повести* от "*именной критики*" — отсюда и оборот "Булгарин заругает".

Иначе было с формулой "Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрели

⁵⁶"Северная Пчела". /84/, 1830, No. 82.

Дельви́г?». Логические связи даны во фразе в "обратном порядке".

Причина того, что русская словесность "головой выдана" гг. журналистам в том, что Дельви́г был отстранен от издания "Литературной газеты" после публикации четверостишия К. Делавиня памяти жертв Июльской революции 1830 г. в Париже ("конфетный билет"), а "головой выдана" — следствие, поскольку после этого "пушкинская партия" оказывалась беззащитна перед нападками Булгарина и Греча на "аристократов". С решением об анонимном печатании "Домика в Коломне" и пяти повестей это суждение не было никак связано.

Наконец, сам факт чтения Е. А. Баратынскому пяти повестей с упоминанием его реакции ("ржет и бьется") — крайне интересен.

Пушкин сообщает о том, что он написал "прозою 5 повестей" и, доказывая ее "добротность", ссылается на Е. А. Баратынского, реакция которого указывает на присущий всем повестям полемический пафос. Прежде чем сообщать об этом, Пушкин, видимо, осознал целевую предназначенность повестей в прозе, которые, по крайней мере, еще в декабре 1830 года не имели обобщенного названия или имени "сочинителя".

Для истории текста важно то, что ни одному из друзей и соратников Пушкина в 1830 г. неизвестно о "сочинителе", под именем которого Пушкин впоследствии напечатал "прозою 5 повестей".

Одно это позволяет утверждать, что в ноябре-декабре, несмотря на наличие черновиков предисловия к "рукописному собранию" или к "книге", Пушкин не имел никакого решения по их объединению. Следовательно, составленные "списки" вряд ли были композиционным решением. Их "перечни", конечно, являются одним из "документальных свидетельств" истории объединения, однако о времени их составления известно мало. Так, "список" повестей на л. 34 об. с окончанием "Гробовщика" — с точки зрения "целого" не может быть истолкован, ибо запись четырех названий с зачеркнутым

пятым позволяет думать, что каждая из повестей была покамест самостоятельной вещью, а так называемый "общий эпиграф" — пословица игумена Святогорского монастыря — скорее, указывал на идейно-тематическую общность задуманных повестей, чем на их системно-эстетическую связность.

Сопоставительный анализ всех "списков" повестей в их последовательности составления крайне информативен. Н. К. Гей обратил внимание на то, что в литературе о "Повестях Белкина" порядок их рассмотрения "всегда подчинен расположению повестей в... окончательной печатной редакции, вне зависимости от прослеживания реальных этапов генезиса цикла."⁵⁷ До нас дошли три таких композиционных последовательности в разных списках, не считая композиции повестей в их напечатанном виде.

Второй список появился на обороте последней страницы автографа "Барышни-крестьянки" — л. 62 ПД 999. На первый взгляд кажется, что он должен был быть составлен Пушкиным или сразу же по окончании последней повести "Метель", т.е. после 20 октября 1830 г., или же до середины ноября, когда Пушкин "написал" черновик всего предисловия.

Однако при внимательном чтении этого списка возникает ряд вопросов. Во-первых абсолютно не ясно, какое именно "предисловие" имел в виду Пушкин. Во-вторых, в автографах отсутствует само название "предисловие" и, следовательно, таковым мог быть любой из допустимых вариантов, тем более, что у Пушкина их было два: "Отрывок", в котором он рассказывал о своем "приятеле-стихотворце", и "переписка" издателя

⁵⁷ Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 13. Отмечая, что второй перечень (видимо, под первым Н.К.Гей понимает напечатанный вариант — С.Ш.) повестей "записан поэтом на обороте перебеленного автографа третьей редакции "От издателя" (т. е. черновой автограф — С.Ш.)", он публикует следующий "порядок" (с. 125, прим. 3) и далее ученый указывает "список" повестей... на л. 34 об. с окончанием "Гробовщика".

с другом покойника. В-третьих, ни состав "книги" в обращении издателя, ни количество "кратких повестей" в ответе "опекуна" (VIII, 583, 589) — до появления этого списка нам неизвестны. В-четвертых, даже если предположить, что *действительно* черновой автограф был с самого начала *предисловием*, то и тогда оно отличается рядом существенных черт от того, каким стало предисловие осенью 1831 года.

Фраза "Рукописное собрание повестей... предлагаемых ныне на суд публики" сперва предшествовала началу первого абзаца "Взявшись хлопотать об издании...", а затем Пушкин собирался вставить ее в характеристику "ближайшей родственницы", пояснив, что она "досталась от М. И. Б." (VIII, 583, прим. 15).

Естественно предположить: при таком начале "наследница" должна была бы сохранить все рукописи, а не только некие повести. Однако в этом обстоятельстве Пушкин усмотрел для себя некоторое "неудобство", ибо "издатель" обязан был бы объяснять публике причины выбора "книги" повестей, а не "истории" или же "романа", страницами которого были заклеены "окна флигеля".

Исследователи не сомневались в том, что Пушкин писал предисловие, используя "автобиографию" сочинителя "Истории села Горюхина". Однако ясная сама по себе "событийная канва" жизни "покойника" в обработке ненарадовца приобрела ряд характерологических черт, которых, с одной стороны, не могло быть в "автобиографии", а с другой — Пушкину пришлось их дать сквозь точку зрения постороннего человека. Так возникла новая ситуация: одно лицо в эпистолярной форме рассказывало о другом лице, и при этом само *письмо* изначально было *адресовано* читающей *публике*.

Проблема, вставшая перед Пушкиным, вовсе не сводилась к замене "я" на "он", да и суть дела не сводилась к отражению жизни сочинителя в "кривом зеркале"⁵⁸ письма его

⁵⁸ В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 583.

друга. Главное теперь было найти ответ на вопрос, *каким образом* публика, не зная "автобиографии", смогла бы *откорректировать* это "отображение". Поэтому выход мог быть найден только тогда, когда композиционная последовательность повестей, первоначально ориентированных, по крайней мере, на двух разных *субъектов* повествования, оказалась бы противопоставлена *черновику* предисловия.

В этом смысле те "списки", которые были составлены *до* печатного варианта, оказывались неконструктивными: в двух первых списках субъект повествования, ориентированный на реального автора, представлялся читателю до субъекта повествования, ориентированного на "сочинителя"; в третьем же списке их повествования были "перетасованы" — за "Смотрителем" шел "Выстрел", после которого предлагались "Гробовщик", "Барышня-крестьянка", а завершалась последовательность "Метелью". Таким образом, те материалы, которые сохранились в пушкинском архиве свидетельствуют о том, что центральной проблемой публикации "Повестей Белкина" была их композиция, а не проблема выбора *типа* издательского предуведомления.

Решение

"История текста (в широком смысле этого слова) дает историку литературы материал движения, который не лежит на поверхности литературы, а скрыт в лаборатории писателя"

*Б. В. Томашевский*¹

1831 год был трагическим: 14 января умер А. А. Дельвиг², 17 января польские конфедераты подняли восстание. Однако личная жизнь Пушкина устраивалась: "Через несколько дней я женюсь... Взять жену без состояния — я в состоянии, — писал он П. А. Плетневу в

¹ Б.В.Томашевский. Писатель и книга. /95/, 1959, с. 148.

² См.: Б.Л.Модзалевский. Примечания /9/, 1935, т. 3, с. 187. В дальнейшем сведения, почерпнутые из примечаний и комментариев Б.Л.Модзалевского, цитируются по первому изданию с указанием: Модзалевский, том и страница. "Мысль о том, чтобы "помянуть" Дельвига выпуском новой книжки его альманах "Северные цветы" в пользу его семейства, пришедшая, по-видимому, Плетневу, была осуществлена в конце 1831 г." (Модзалевский, 3, 187).

середине (до 16) февраля, — но входить [за] в долги для ее тряпок — я не в состоянии... Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем" (XIV, 152).

Неизвестно, в каком виде намеревался Пушкин "тиснуть" повести. Хотя — "странная вещь, непонятная вещь", именно в это время Пушкин приступил к работе над статьей, которую почему-то исследователи никогда не связывали с *историей текста* "Повестей Белкина".

Соредактор покойного Дельвига, О. М. Сомов обратился к Пушкину за "вассальной податью" для "Литературной газеты". И уже 11 апреля Пушкин сообщал Плетневу в Петербург: "Сомов написал мне длинное письмо, на которое я еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю" (XIV, 161)³. Однако в столицу Пушкин приехал только в середине мая⁴, а заметка о Делорме (Сент-Беве) лишь 5 июня появилась в 32 номере "Литературной газеты"⁵.

Возможно, что *упоминание* в феврале о "моих повестях", а затем *работа* в апреле над статьей о Делорме — как раз и являются теми временными границами нового этапа в *исто-*

³ Модзалевский, 3, 245: "Длинное письмо Ореста Михайловича Сомова к Пушкину до нас не сохранилось... Пушкин статью написал, передал ее Сомову, как обещал, уже приехав в Петербург, и она появилась в No. 32 "Литературной газеты" от 5 июня... с подписью Р".

⁴ См.: Н.О.Лернер. Труды и дни Пушкина. /51/, 1910, с. 82. Ср. Модзалевский, 3, с. 260: "В Петербург... Пушкин, покинувший Москву в середине мая, приехал... 18 мая... около 25 мая Пушкин с женою уже переехал в Царское Село..."

⁵ Модзалевский, 3, 375: "Литературная газета"... начала, по выражению Н.К.Замкова, "хиреть еще в конце 1830 года"... Количество подписчиков все уменьшалось, и, наконец, издание "Газеты" прекратилось на 37-м номере, помеченном 30 июня (дозволенном цензурою 4 июля)".

рии текста повестей, которые остались незамеченными пушкинистами. *Влияние* черновика предисловия "От издателя" на статью об "умершем молодом поэте" было *доминирующим*. Следствием этого и стала "текстуальная перелицовка" предисловия: "Взявшись хлопотать об издании... мы желали... присовокупить... краткое жизнеописание пок.<ойного> ...Для сего обратились было мы к М. И. ближайшей родственнице... Она советовала нам отнестись... к одному почтенному мужу, бывшему другом... Мы...получили ... ответ... Помещаем его...как почтенный памятник... трогательного дружелюбия...Кроме кратких повестей... оставил он множество рукописей... Сие происходило от недостатка воображения..." (VIII, 583-590) — "Года два тому назад книжка... обратила на себя в Париже внимание критики и публики. Вместо предисловия ...описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в... неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли... извиняя недостатки их и заблуждения... молодостию, болезненным состоянием души и физическими страданиями" (XI, 195). Описание жизни *вместо предисловия* в книге, изданной в Париже, и *предисловие* к повестям, *включающее* в себя описание жизни, — вот область пересечения опубликованной статьи и черновика. Доказав необыкновенные способности Иосифа Делорма, Пушкин продолжил статью непосредственно *на фоне* своих критических заметок из "Опровержения на критики", имеющих непосредственное отношение к повестям: "Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта... как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бев, известный уже *Историей французской словесности в XVI столетии* и ученым изданием Ронсара, задумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно, опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успеху его стихотворений; однако ж новая школа с восторгом признала и присвоила себе нового собрата" (XI, 200).

Пушкин акцентировал внимание читателей не на "печальной мистификации", а на том, что "веселая развязка" могла повредить успеху, если бы парижская "новая школа" не приняла бы с восторгом "нового собрата". Однако логика Пушкина строилась в *отсутствии* такой "новой школы" в России. Поэтому он и не рассчитывал на "веселую развязку" в случае издания повестей с подобным "предисловием", после чего можно было объявить о мистификации.

Еще в "Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений" (1830) Пушкин пытался защитить себя от грубых нападок журналистов: "Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. — Стихотворения, коих цель горячить воображение любопытными описаниями, унижает поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав... Но шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрой воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие" (XI, 157). Хотя тема "безнравственного сочинения" возникла значительно раньше и была вызвана критикой "Графа Нулина"⁶, Пушкин во время работы над статьей о поэзии Делорма вспомнил свой выпад против "педагогов": "В прошлом году Сент-Бев выдал еще том стихотворений... В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных... Словом сказать, и вкус и нравственность должны быть им довольны... К несчастью должны мы признаться, что радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством... без которого нет истинной поэзии, т. е. *искренностью вдохновения* ... Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумею слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас

⁶ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. /79/, 1966, с.2728.

некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему свободному свойству не должна иметь никакой цели, кроме самой себя... не должна унижаться до того, чтобы силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастье и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав" (XI, 201).

Столь сильная сближенность разных критических материалов свидетельствует прежде всего о целенаправленной атаке Пушкина "педагогических занятий" адептов "нравственного направления" в русской литературе. Вот почему статья о Делорме оказывается тесно связана с судьбой предисловия "От издателя". Для *публики и критики* пушкинская рецензия на парижскую книгу стихотворений предшествовала "Повестям Белкина" и, следовательно, Пушкин, сдавая в печать повести, рассчитывал на читательское восприятие *своих опытов в прозе* именно в этой последовательности. Пушкин не ошибся. Сразу после выхода повестей в конце октября 1831 г. "Московский телеграф" не забыл напомнить о "парижской моде" издавать "покойников" и сообщал публике: "Автор скрывает свое имя под вымышленным прозванием и просит приятелей своих объявлять на каждой почтовой станции, а Журналистам позволяет *догадываться*, и в догадках произносить свое настоящее имя. После этой *проделки* начинается *дело*"⁷.

Для *истории текста* "Повестей Белкина" сама последовательность публикаций, составленная Пушкиным, имеет еще один чрезвычайно важный аспект: *издательским предисловием с "достаточным биографическим известием"* Пушкин ставил проблему *не образа автора* (кто субъект повестей — Пушкин, Белкин или рассказчики?), а проблему *читателя* этих произведений. Между "издателем А. П." и "сочинителем И. П. Белкиным" стоял отнюдь не "биограф" из Ненарадова, а читатель "Северной Пчелы", "Московского телеграфа" и "Телескопа" (естественно, что о читателе "Литературной газеты"

⁷ Московский телеграф. /62/, 1831, с. 255-256.

речи не было). В этом и заключалась писательская тайна Пушкина. Литературный прием, как писал "Московский телеграф", модный "во Франции и Англии"⁸, сам по себе был достаточно известен⁹. Пушкин и не скрывал "пустой мифы": "Взявшись хлопотать...мы желали...Для сего обратились было мы...Но к сожалению...Мы последовали сему совету...".

Однако отличие пушкинской мистификации от парижской (Делорм — Сент-Бев) или же шотландской (Вальтер Скотт) заключалось как раз в том, что задачи "биографа" формулировал не только "издатель А. П.", но и А. С. Пушкин: "...мы желали... присвокупить хотя краткое жизнеописание... и тем отчасти удовлетворить справедливым требованиям любителей отечественной словесности... Мы... получили... желаемый ответ. Помещаем его безо всяких замечаний, и перемен — как почтенный памятник благородн.<ого> обр.<аза> мнений и трогательного дружества — а вместе как и весьма достаточное биографическое известие" (VIII, 583-584).

Желание — "удовлетворить справедливым требованиям" отмечали все, однако субъект "справедливых требований" — "любители отечественной словесности" — остался вне поля зрения. В то время как Пушкин считал, что конкретизация типа

⁸ Московский телеграф. /62/, 1831, с. 255.

⁹ См.: А.С.Долинин (Искоз). О "Повестях Белкина". /7/, т.4, с. 184-200; Д.П.Якубович. Реминисценции из Вальтер Скотта в "Повестях Белкина". /118/, 1928. с. 100-118; Д.П.Якубович. Предисловие к "Повестям Белкина" и повествовательные приемы Вальтер Скотта. /119/, 1926, с. 160-187. См. обзор в кн.: А.А.Долинин. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. /44/, 1988, с. 98-101. Как указал А.А.Долинин, В.М.Жирмунский в своей рецензии на рукопись книги Д.П.Якубовича о реминисценциях из Вальтер Скотта в произведениях Пушкина отметил, что это влияние "несколько преувеличено, особенно по отношению к "Повестям Белкина" (А.А.Долинин. /44/, с. 297, прим. 1).

и литературно-социальной значимости "любителя" — первоочередная задача. Основные черты "любителей отечественной словесности" Пушкин разрабатывал и в опубликованной рецензии на Делорма, и в черновиках статей до июня 1831 г. ("Опровержение на критики..." и "Опыт отражения...")¹⁰.

Я. Л. Левкович, исследуя датировку написания и составления статей осенью 1830 г., пришла к важным для *истории текста* "Повестей Белкина" выводам: "30 сентября Пушкин пишет невесте о том, что "совершенно пал духом... Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь..." Думаем, что именно к этому времени и относится замысел полемических заметок... Реальные обстоятельства последних месяцев жизни Пушкина могли повлиять на такое начало и заставили его "вспомнить" в первую очередь болгаринский отзыв о седьмой главе "Евгения Онегина"... Последовавшая за болгаринским "Анекдотом" (11 марта), оскорбительным для чести и достоинства Пушкина, рецензия на седьмую главу обвиняла поэта в отсутствии у него патриотизма... Предположение о том, что именно с этой рецензии... началась цепочка болдинских возражений на критики, не входит в противоречие ни с палеографическими данными... ни с творческим контекстом, в котором они создавались. 5-10 октября Пушкин работает над шутивно-пародийной поэмой "Домик в Коломне", вступление к которой... наполнено реалиями журнальной войны, развернувшейся... между "Литературной газетой", с одной стороны, и "Северной пчелой" и "Московским телеграфом" — с другой... Итак, в начале октября у Пушкина возникает еще один замысел — большого цикла критико-полемических и автобиографических статей... Окончательные рамки замысла определяются позднее..."¹¹. Особенно значите-

¹⁰Историю журнальной полемики см. в кн.: В.Э.Вацууро. "Северные цветы": история альманаха Дельвига — Пушкина. /26/, 1978. О времени создания статей см.: Я.Л.Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, No. 842. (История заполнения). /49/, 1991.

лен общий вывод исследователя: "Болдинские размышления... вобрав в себя многие из неосуществленных журнальных намерений Пушкина... сами становились "запасным материалом" для его будущих трудов"¹².

После рецензии на две книги Делорма и утверждений, что "детское или темное понятие" о нравственности, "замешанное на нравоучении", непонимание шуток, "вдохновенной сердечной веселостью и минутной игрой воображения", при требовании от литературы дидактики — становились понятными пушкинские опубликованные и неопубликованные оценки — мнения "некоторых журналистов", для которых было в первую очередь и предназначено письмо "ненарадковского помещика". Поэтому Пушкин вслед за рецензией на Делорма публикует в "Телескопе" две статьи, направленные против Булгарина, и притом не боится, что тот его "заругает". Как и в рецензии, так и в обеих статьях за подписью Феофилакты Косичкина речь идет о "нравственной" безнравственности "педагогических занятий" современных писателей: "Однако же беспристрастие требует, чтобы мы указали сторону, в коей Фаддей Венедиктович берет неоспоримое преимущество... разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под." (XI, 212-215). Впрочем и пушкинские указания на "скуку, искуplenную назидательностию", на единственный подвиг "Литературной газеты" — "совершеннейшее уничтожение (литературной) славы г. Булгарина", на истину, "столь же неоспоримую, как и нравственные размышления г. Булгарина" — в контексте образа "любителя отечественной словесности"

¹¹ Я.А.Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, No. 842. (История заполнения). /49/, 1991, с. 167-169.

¹² Я.А.Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, No. 842. (История заполнения), /49/, 1991, с. 176.

приобретает один-единственный смысл: как предисловие "От издателя" обращено к "любителям", так и письмо "ненарадовского помещика" написано для них же. При такой постановке проблемы предисловия, оно должно интерпретироваться в литературной ситуации 1830-1831 гг. не "вовнутрь" — к образу автора повестей, а "вовне". В этом смысле предисловие "От издателя" отнюдь не является художественным элементом поэтики "Повестей Белкина".

Выдвигаемый здесь тезис о нехудожественной природе предисловия "От издателя" обладает пояснительной функцией для истории текста.

Задержка издания в течение нескольких месяцев из-за отсутствия некоторых "формальных" элементов (например, второго примечания и окончательного текста предисловия, когда сами повести уже были готовы) — представляется нам контрапунктом противоположающихся явлений: публицистического предисловия и художественных творений.

П. А. Плетневу было известно из письма Пушкина от 9 декабря 1830 г. о каких-то "повестях в прозе", написанных Пушкиным в Болдине. В февральском письме, посланном из Москвы, Пушкин сообщал, что по причине отсутствия денег он вынужден предпринять новое издание: "Делать нечего: придется печатать мои повести". Вряд ли Плетневу в это время был известен характер этих повестей и, вероятно, сам Пушкин ничего конкретного о них сообщать не хотел. В середине апреля Пушкин обратился к Плетневу с просьбой: "О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского Села, где ради бога найми мне фатерку... Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам знать... А мы тебе как снег на голову" (XIV, 162).

В конце мая 1831 г. Пушкин с семьей, приехав в столицу, сразу же поселился в Царском Селе и прожил там до глубокой осени. 19 июня в Петербурге появилась холера, а 22 июня в столице "уже произошли известные холерные волнения на Сенной площади, и в те же дни были учреждены кругом

Петербурга, а особенно по дороге в Царское Село... строжайшие карантинны¹³.

3 июля, через месяц после публикации статьи о Делорме, встревоженный Пушкин писал П. А. Плетневу: "Скажи мне, сделай одолжение, жив ли ты? что ты намерен делать? что наши? Экие страсти!.. Ради бога, вели Смирдину прислать мне денег, или я сам явлюсь к нему несмотря на карантинны". В этой же записке Пушкин сообщал своему другу-издателю: "Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т. е. сочинения покойного Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать? печатать ли нам самим или сторговаться со Смирдиным?" (XVI, 186). Смысл слова "переписал" — однозначен: переписал то предисловие, которое уже было написано. Но это *переписанное* предисловие Пушкин в Петербург не отправит в течение нескольких месяцев.

В тот же день Пушкин написал письмо и П. А. Вяземскому: "По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился... не приедешь ли с ним назад? это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли вроде альманаха... Об "Адольфe" твоём не имею никакого известия; Плетнев отделен от меня холерою... О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме "С.-Петербургских ведомостей", и тех не читаю. "Рославлева" прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его... Не пишу покамест ничего, ожидаю осени" (XIV, 188).

Сопоставляя оба письма, написанных Пушкиным в один и тот же день, нетрудно заметить, что он ни словом не обмолвился о планах своему ближайшему "соумышленнику", с которым собирается "затянуть" альманах. Именно поэтому приписка об издании повестей "славного малого" в письме к П. А. Плетневу кажется несколько осторожной и предупреждающей — это *вообще первое* упоминание в его переписке имени *Белкина*: приходится считать, что решение печатать "сочине-

¹³См.: Модзалевский, 3, с. 297.

ния покойного Белкина” с *предисловием* в виде *отдельного издания книги* созрело у него не Болдинской осенью, а сейчас — летом 1831 г.

Во-первых, последовательность повестей в издании, отличаясь от всех “списочных” и “эпиграфических” последовательностей, дает основание предположить, что композиция книги была найдена Пушкиным только ко времени печати. При этом он избрал “обратную” по отношению к *истории текста* “Повестей Белкина” *композицию*: “октябрьские” повести предшествовали “сентябрьским” повестям. Первые четыре повести представляют из себя “слоенный пирог”, в котором первая и четвертая повести (“Выстрел”, “Станционный смотритель”) ориентированы на рассказы от первого лица с “автобиографическими” элементами, а две другие (“Метель”, “Гробовщик”) — рассказаны в третьем лице, и субъект повествования от своего имени утверждает только определенные принципы рассказывания¹⁴. В то же время, последняя повесть — “Барышня-крестьянка” — в *такой* композиции *демонстрирует* творческие возможности субъекта повествования как *профессионального писателя* под “примышленным” А. С. Пушкиным именем сочинителя “И. П. Белкина”.

Через несколько дней Пушкин сообщил Плетневу, что он отправил “через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля” и добавил: “Предисловие доставлю после. Отдай их в Цензуру земскую, не удельную...” (XIV, 193). Но, пожалуй, самое замечательное в этом письме, что Пушкин, упомянув об издании “Северных цветов” в “пользу братьев Дельвига”, сетует на отсутствие... прозы: “Обозрения словесности не надобно; черт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина” (XIV, 194). Вслед за этим письмом Пушкин отправил 21 июля послание П. В. Нащокину: “Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если

¹⁴ См.: С.Шварцбанд. Жанровая природа “Повестей Белкина”. /109/, 1974.

бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений” (XIV, 195).

На следующий день, 22 июля, Пушкин в очередной раз писал Плетневу: “Эслинг сей...- мой внук по Лицею и кажется добрый малый — я поручил ему доставить тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху” (XIV, 197).

Два противоположных принятых в течение десяти дней решения (“Отдай их в Цензуру земскую” и “печатать их не к спеху”), — факт красноречивый, если вспомнить, что предисловие Плетневу послано не было, а без него Пушкин, видимо, публиковать повести не собирался. *Отсутствие предисловия у Плетнева говорит о пушкинском понимании незаконченности, хотя сам по себе “черновой автограф” свидетельствует о структурной завершенности как издательского предуведомления, так и письма “ненарадовского помещика”.*

Так что дело было вовсе не в *тексте* “предисловия”, а в совсем других обстоятельствах¹⁵.

Прежде всего обратимся к письму “ненарадовца”: “Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почесться может); к

¹⁵См.: А.С. Долинин (Искоз). Пушкин и Гоголь. К вопросу об их личных отношениях. /43/, 1923, с. 187. Автор цитировал сохранившуюся записку В.А. Жуковского от второй половины июля 1831 г. к Пушкину: “Возвращаю тебе все твои прелестные пакости... Пришли “Онегина”, сказку октавами, мелочи, прозаич. сказки, все читанные и нечитанные”. Так что чтение Жуковским “в розницу” отдельных повестей, кажется, достаточно красноречиво поддерживает гипотезу об отсутствии до конца июля у Пушкина законченного решения.

женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая*” (VIII, 60). В своем “первом примечании” издатель “А. П.” сообщал: “Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает”¹⁶. Вслед за этой “нравственной” характеристикой “покойного Белкина” следовала характеристика его “творчества”: “Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зиму все окна ее флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частью

¹⁶Первое примечание “связано” с “великой склонностью” к “женскому полу” и с “истинно девической” стыдливостью. Характерно, что в таком контексте “анекдот”, который издатель не поместил, возможно, связан с эпизодом из “Выстрела”: “Однако... разнесся слух, что графиня с мужем приедет на лето в деревню... Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть, и потому в первое воскресенье по ее приезде отправился... рекомендовать их сиятельствам... Дверь отворилась, и вошел мужчина... прекрасный собою... Разговор его... вскоре рассеял мою одичалую застенчивость... вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица” (VIII, 71-72). Мотивация посещения графской четы, застенчивость и смущение посетителя, двусмысленность фразы — “горел нетерпением **ее** увидеть... рекомендовать **ИХ** сиятельствам” — все, кажется, подсказывает тот анекдот, который имел в виду “ненарадовский помещик” в своем письме. Впрочем, об этом следует говорить разве что при интерпретации “Выстрела”.

справедливы и слышаны им от разных особ*. Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околodka, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения" (VIII, 61). И если в первом примечании издатель утверждал образ "праведника", то во втором примечании он *удостоверял* справедливость упрека в "недостатке воображения": "В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора надписано: слышано мною от *такой-то особы* (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: "Смотритель" рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., "Быстрел" подполковником И. Л. П., "Гробовщик" приказчиком Б. В., "Метель" и "Барышня" девицею К. И. Т." (VIII, 61).

Вспомним, что в своем "августовском" письме Пушкин требовал от Плетнева: "Имена печатать *полные*". Здесь же он специально их "зашифровывает". Кажется, Пушкин "неаккуратен": сначала указывает "рассказчиков" *по чину и званию* (титулярный советник, подполковник), а затем игнорирует и чин, и звание (*приказчик, девица*). И наконец, *подтверждая* свидетельство "друга" ("В самом деле..."), он адресовал его мнение тем "*любопытным изыскателям*", для которых и было написано предисловие.

Реконструируем некоторые моменты *истории текста*. В "автобиографии" историка села, как бы воспользовавшись классицистическими "истинами", к тому же вывернутыми наизнанку, Пушкин создал достаточно аргументированный и субъектно-самостоятельный образ. Однако при наличии пяти написанных повестей, набросков "рекомендательного письма", "автобиографии" и "Отрывка" *разрешение* разных художественных задач так или иначе сводилось к установлению *личности* повествователя. Конечно, оказись "Отрывок" предисловием к любой из написанных повестей, никто бы не усомнился в том, что "повесть, предлагаемая ныне читателю" и слышанная "нами от него", — *пушкинская*. Однако Пушкин

отказался от этого почти сразу: "Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной" (VIII, 411). Отсутствие *вымысла* в формуле "*услышанной повести*" похоже на классицистические идеи. В "Словаре древней и новой поэзии" Н. Ф. Остолопов предлагал различать "вымыслы": "*Чистые* состоят в целых повествованиях о действиях, которых не было... *Смешанные* состоят от части из правдивых и от части из вымышленных действий"¹⁷. Окончание "Отрывка" и словарные дефиниции продуцировали признание сочинителя в "автобиографии": "Оставя мысли, принялся я за повести, но не умея с непривычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ..." (VIII, 132). Нетрудно заметить, что "не умея расположить вымышленное происшествие" и "слышанные от разных особ" роднит классицистическую теорию ("Словарь") и практику ("Отрывок").

Прекратив разработку "Истории села Горюхина", Пушкин воспользовался "двойным" характером творчества, трансформировав обе части формулы в "сентенцию" биографа: "Вышеупомянутые повести... большею частию справедливы и слышаны... Однако ж имена... вымышлены, а названия сел и деревень заимствованы... Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но...из недостатка воображения". Полнота "цитатных" определений по "Словарю" Н. Ф. Остолопова удивительна: "Иные определяют *воображение* способностью представлять предметы, чувствам не подверженные. Но можно ли что нибудь *вообразить* такое, чего...не видали, не осязали, или о чем по крайней мере не слыхали? предметам неподверженным чувствам нашим, и немогущим быть подверженными, т. е. вымышленным, мы принуждены давать вид вещей нам известных, или принуждены бываем соединять сии вещи воедино..."¹⁸. "Недостаток воображения" в письме ненарадыв-

¹⁷ Н.Ф.Остолопов. Словарь древней и новой поэзии. /68/, 1971, т. 1, с. 148.

ца, по своей сути, квалифицирует его как *эстетически безграмотного* человека. А "издатель А. П.", в свою очередь, во втором примечании предлагает "любопытным изыскателям" присоединиться к невежеству "биографа", приманивая их ссылками на тех "особ", от которых "покойный друг" *услышал* "замечательные анекдоты".

К чести современной Пушкину критики следует сказать, что **НИ ОДИН** рецензент не "клюнул" на приманку. Пушкина упрекали в заимствовании "модного" во Франции¹⁹ приема, в том, что в повестях нет "вымысла"²⁰ и что они "ненастоящие"²¹, даже в том, что "езде Белкин"²², однако никто не обратил *никакого внимания именно на второе примечание*. Более того, хорошо известные публике инициалы²³ "славного нашего поэта"²⁴ и "пустая мифа" инициалов "особ", восходящая к "автобиографии", в которой *реальный автор* Н. Г. Курганов объявлялся "пустой мифой", а "примышленный" Пушкиным *сочинитель* оказывался лицом реальным, — как раз и позволяло людям "почтенным и нравственным" (XI, 201) в их "ребяческих критиках" (XI, 154) *атаковать* не столько *отсутствие вымысла*²⁵, сколько *отсутствие содержания* в "давно известных анекдотцах": "Ни в одной из Повестей Белкина — нет идеи... Повести Белкина читаются легко... В

¹⁸ Н.Ф.Остолопов. /68/, *ibid*, т. 1, с. 141.

¹⁹ "Московский Телеграф". /62/, 1831, ноябрь, с. 254.

²⁰ "Северная Пчела". /85/, 1831, 16 декабря.

²¹ "Северная Пчела". /86/, 1834, с. 766.

²² "Северная Пчела". /86/, 1834, с. 766.

²³ См.: Ник.Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв. /90/, 1965. Частотность литер А.П., П-н, Пшкн, А.П-н и т.д. достаточно высока.

²⁴ "Северная Пчела". /85/, 1831, 16 декабря.

²⁵ "Северная Пчела". /85/, 1831, 16 декабря.

них нельзя не заметить слова Я, которое повторяется беспрестанно, на каждой странице. Везде Белкин, да Белкин, к чему это? Читатель хочет повестей, а не Белкина²⁶.

Литературная критика 50-60-х годов прошлого столетия "открыла" второе примечание и, по словам Аполлона Григорьева, "умалила" Пушкина (точнее, отождествила Пушкина и его "сочинителя") до Белкина²⁷, а позднее многочисленные интерпретаторы активно "внедрили" второе примечание из "достаточного биографического известия" в художественную ткань повестей²⁸. В результате, объявив образ Белкина "алгебраическим знаком", Виноградов предложил всех примиряющую формулировку, по которой "образ автора складывается из сложных стилистических отношений между "издателем", автором, его биографом... и рассказчиками"²⁹.

Но, пожалуй, самым интересным в этих штудиях было "обнаружение" одного-единственного "прототипа" из четырех рассказчиков. Инициалы "И. Л. П." приписали бывшему во время пребывания Пушкина в Кишиневе сперва "подполковником, а потом полковником" Ивану Петровичу Липранди. Подобно Германну, обладая "огненным воображением", Л. Гроссман отметил не только "живой источник" повести "Выстрел", но и назначил И. П. Липранди на должность "героя" художественного произведения³⁰. И хотя сперва Н. О. Лернер³¹, а затем П. А. Садиков³² подвергли уничтожающей

²⁶"Северная Пчела". /86/, 1834, с. 766.

²⁷См., напр.: Ап.Григорьев. /38/, 1876, с. 243-253.

²⁸См., напр.: Н.И.Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. /105/, 1900.

²⁹В.В.Виноградов. Стиль Пушкина. /29/, 1941, с. 536.

³⁰Л.Гроссман. Исторический фон "Выстрела". /39/, 1930, с. 203-235.

³¹См.: Н.О.Лернер. К генезису "Выстрела". /52/, 1935, с. 126-132.

³²П.А.Садиков. И.П.Липранди в Бессарабии 1820-х годов. /82/, 1941, с. 266-295. Наиболее впечатляющим в работе ученого

критике исследование Л. П. Гроссмана, по непонятным нам причинам имя "прототипа" преспокойно переносится из работы в работу³³.

Существование "прототипа" хотя бы у одного из рассказчиков, конечно, позволяло решить проблему Белкина, которого можно было объявить "богатой неопределенностью"³⁴. Правда, от этого вопросы "поэтики повествования" ничего не выиграли.

История с поисками "подполковника И. Л. П." при абсолютной незаинтересованности в установлении прототипов "титулярного советника", "приказчика" и "девицы" способствовала тому, что второе примечание при всей своей откровенной *пародийности*, дублирующее *пародийность* комментируемого текста (смотрите, например, роль слова "частью" — "рукописи... частью... частично употреблены... заклеены первой частью романа", повести "большею частью справедливы"),

являются доказательства того, что Л.Гроссман произвольно "контаминировал" черты двух братьев Липранди — Ивана Петровича и Павла Петровича. Впрочем, сам Л.Гроссман цитировал пушкинский источник в удобном для него виде: "Выстрел" (рассказан Белкину) подполковником И.П.Л.", т.е. Иваном Петровичем Липранди — С.Ш., и потом в сноске указал: "В некоторых изданиях стоят инициалы И.Л.П., но такая перестановка существенно дела не меняет" (Л.Гроссман, *ibid*, с. 217 и прим. 1).

³³ А.Kodjak. Pushkin's *I.P.Belkin*. /129/, 1979, p. 28 ("The question that follows from this observation is whether the epilogue should be ascribed to I.L.P., who, as L.Grossman has already pointed out, suggests by his rank and initials I.P.Liprandi, or whether the epilogue should be regarded as Belkin's addition to the story"); P.Debreczeny. The Other Pushkin. /120/, 1983, p. 118 ("Critics have mentioned several real-life persons, above all Pushkin's friend I.P.Liprandi, who might have served as the prototype for Silvio").

³⁴ См.: С.Г.Бочаров. Поэтика Пушкина. /23/, 1974, с. 143.

по-прежнему представляется интерпретаторам призмой, которая отразила *повествовательную позицию* Пушкина. Однако отсутствие "черновиков" второго примечания, задержка Пушкиным присылки Плетневу предисловия и "аккуратно вырезанные" строки из "августовского" письма Пушкина (об этом письме см. дальше) — позволяют опротестовать устойчивое мнение современных исследователей.

Действительно, выпады против нравственно-сатирического направления в рецензии Пушкина на *две* книги Сент-Бева и в статьях за подписью Ф. Косичкина представляют тот фон литературной борьбы, без которого невозможно понять *адресат* предисловия "От издателя". Но как только им оказывается читатель, *воспитанный на литературных образцах "Северной Пчелы"*, так сразу же становится понятной "минутная игра воображения" Пушкина, завершившаяся "шуткой, вдохновенной сердечной веселостью" (XI, 157).

3 июля Пушкин сообщил П. А. Плетневу: "Я переписал... предисловие". Но уже через неделю уведомил: "Предисловие доставлю после". А 22 июля последовало его новое распоряжение по поводу повестей: "прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху". Наконец, в середине августа, забыв о прежнем распоряжении, Пушкин просил: "Посылаю... сказки моего друга... отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после". И уже в письме, которое исследователи датируют "серединой августа, не позднее 15", Пушкин сообщал о правилах печати "Повестей Белкина", а в конце добавил "Р. С. Епиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особенном листе (ради ширины)" (XVI, 209). После этих слов "большой кусок письма на 3-й его странице вырезан"³⁵ — "около 9 строк текста" (XIV, 209, прим. 4). 5 сентября Плетнев писал Пушкину: "Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало... Не удержишь ли ты издания

³⁵См.: Модзалевский, 3, с. 44, прим. 1.

присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпитафия". 8 сентября Пушкин приезжал на один день в Петербург, но вряд ли виделся с Плетневым³⁶. Н. О. Лернер в этом не ошибся³⁷. Так что письмо Пушкина от "середины августа" — последнее, посланное Плетневу из Царского Села *до выхода из печати* "Повестей Белкина". Впрочем, сам Плетнев тоже ни одного письма больше Пушкину не написал. Так что мы вряд ли узнаем, когда Плетнев получил предисловие "От издателя" вместе с "общим" эпитафием к повестям.

Пушкинистам хорошо известно, что отсутствующие в автографах Пушкина отдельные тексты или небольшие фрагменты из напечатанных им при жизни произведений чаще всего "затеривались" в типографиях (вспомним, напр., историю 17-го примечания к "Евгению Онегину"³⁸ или же историю "Пиковой дамы"³⁹). Поэтому следует обратить внимание на то, что во всех сохранившихся автографах, связанных с работой над "Повестями Белкина", отсутствует, пожалуй, самый важный "текстовый фрагмент" — так называемое "второе примечание", которое впервые появилось только в печатной редакции. И как бы это ни звучало парадоксально, скажем сразу: без второго примечания "проблемы" субъекта повествования в "сказках" Белкина просто бы не было!

Принято считать, что в середине августа — первых числах сентября Пушкин и Плетнев обменялись "деловыми" письмами по поводу издания "Повестей Белкина". При этом письмо Пушкина датируется приблизительно: "середина августа, не позднее 15-го". По мнению пушкинистов, некоторые

³⁶ См.: Модзалевский, 3, с. 379.

³⁷ См.: Н.О.Лернер. Труды и дни Пушкина. /51/, 1910, с. 488.

³⁸ См.: С.Шварцбанд. Еще раз о календаре "Евгения Онегина". /108/, 1992, с. 285-299.

³⁹ С.Шварцбанд. Логика художественного поиска А.С.Пушкина. /110/, 1988, с. 139-158.

Письма А. С. Пушкина и П. А. Плетнева

Пушкин — Плетневу, середина
августа

Плетнев — Пушкину, 5
сентября

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив.П.Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришло после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. в-ъ, то же и об городах и деревнях.

4) Числа кроме годов печатать буквами.

5) В сказке "Смотритель" назвать гусара *Минским*...

6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей... Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

P.S. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особом листе (ради ширины).

.....
Кстати об эпиграфах. К "Выстрелу" надобно будет приискать другой, именно в "Романе в семи письмах" А.Бестужева в "Полярной Звезде": *У меня оставался один выстрел, я поклялся etc.* Справься, душа моя.

Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало... Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем:

1. Сколько экземпляров печатать..?

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице... разрядка строк будет одинакова с Евг.Онегиным: апробуешь ли ее?..

3. Я взял эпиграф к Выстрелу из Романа в 7 письмах... "Мы близилась... ведь уже три пули провистали мимо...".. Согласен ли ты его так принять, и если да, то Баратынского слова *Стрелялись мы* вычеркнуть ли из тетради?

4. Не удержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа?

5.Подать ли... примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Я и кн. Вяземскому присоветовал продавать Адольфа по 5 р. Впрочем буди на все твоя святая воля.

Долго ли еще проживешь в Царском? поклонись от меня всем. Не пропусти в ответе ни одного из моих вопросов.

детали подобной атрибуции возникли "по соображению" с письмами Гоголя к Пушкину от 16 и 21 августа⁴⁰.

А. С. Долинин высказал предположение, что Н. В. Гоголь исполнял "роль передатчика, которому не считают нужным сказать, что именно ему поручено"⁴¹. Как известно, 16 августа Гоголь извинялся перед Пушкиным, что по ошибке он "проскочил" дом Китаева и не захватил у него пакет для Плетнева, но уже в письме от 21 августа Гоголь сообщал, что он был у Плетнева и "отдал ему в исправности... посылку и письмо" (XIV, 216). Однако Б. Л. Модзалевский отметил, что письмо и деньги, посланные Пушкиным с А. И. Васильчиковой, были отосланы "по ошибке Гоголю в Царское Село от одного его корреспондента"⁴². Даже если А. И. Васильчикова и отправилась из Петербурга в "ближайшую" после 16 августа *среду* в Царское Село, то, следовательно, Пушкин передал ей пакет с повестями, *письмо и деньги* лишь 19 августа⁴³, а затем только через *два дня*, 21 августа, Гоголь смог сообщить Пушкину о выполненном поручении.

На обложке чернового автографа предисловия написано название "Краткие повести покойного И. П. Белкина", а затем Пушкин записал общий эпитаф. Таким образом, "обложка", явно составленная на конечной стадии работы над черновиком предисловия, не могла не отразить принципиальную роль авторского предуведомления, направленного к читателям, а не "вовнутрь" предлагаемых "издателем А. П." повестей, определяя тем самым смысл как названия "Краткие повести", так и "общего" эпитафа:

⁴⁰ Модзалевский, 3, с. 390.

⁴¹ А.С. Долинин. Пушкин и Гоголь. /43/, с. 188.

⁴² Модзалевский, 3, с. 391.

⁴³ См.: Хронологический справочник. Составитель М.И. Перпер. /69/, 1984, с. 19.

"Простакова: То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин: Митрофан по мне.

Недоросль" (VIII, 57).

Любовь к "историям" — вот что объединяет митрофанов и скотининых, т. е. читателей "педагогических сочинений" и критиков "нравственной литературы" (вспомним статью о "новом" Делорме, который во втором издании явился "исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных"). Этим "любителям" и был адресован как "общий" эпиграф к "Повестям Белкина", так и само предисловие "От издателя". Попытки интерпретаторов представить сочинителя И. П. Белкина в качестве "охотника до историй" — Митрофана или Скотинина — по своей сути тождественны позициям "Северной Пчелы", "Московского Телеграфа", "Телескопа" вместе с "Молвой"⁴⁴.

Необходимо также заметить и то, что цитата из "Недоросля", найденная и записанная на обложке, не затрудняла, как считал Б. В. Томашевский, приискивание "уморительно-смешного" эпиграфа⁴⁵.

По-видимому, в "августовском" письме Пушкин сообщал о другом. В подлиннике "письма Пушкина на согнутом вдвое

⁴⁴См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/. Если ученый сперва опровергает тех, "кто ставят знак равенства и соединяют напрямую Митрофана и Белкина" (с. 96), то потом он неявно уравнивает "охотника до историй" (Митрофан) с любителем сочинять "историйки" (Белкин): "Как бы "митрофановские истории"... оказываются доподлинным пушкинским реализмом... И "митрофановские истории" и белкинские "историйки" оказываются по своему функциональному значению через письмо ненарадковского помещика, соотнесенными с реальностью жизни..." (с. 160-163).

⁴⁵См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. /1/, 1937, с. 212.

полулисте почтовой бумаги большого формата⁴⁶ вырезан фрагмент, записанный, условно говоря, в нижней части третьей страницы. После слов "Эпиграфы печатать... заглавия сказок на особенном листе (ради ширины)" следовал вырезанный фрагмент, а затем Пушкин продолжил: "Кстати об эпиграфах...".

Поскольку вначале речь шла о *расположении* эпиграфов на отдельных страницах, вполне вероятно, что Пушкин мог *сообщить* Плетневу о шутке, "вдохновенной сердечной веселостью". Конечно, угадывание "содержания" утерянного фрагмента — дело достаточно легкомысленное, но, возможно, здесь было второе примечание, текст которого как раз мог уместиться в этих отсутствующих девяти строчках. Эвентуальный характер высказанного предположения вовсе не ставит перед собой задачи *отмены* предположения Б. В. Томашевского. Однако *последствия*, вытекающие из данной гипотезы, имеют самое непосредственное отношение к *истории* "Повестей Белкина". В этом смысле напомним, что второе примечание по своей структуре можно сравнить с "предисловием" к "Медному всаднику": "Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. П. Берхом" (V, 137). "Издатель А. П.", цитируя "авторские пометы" на рукописях повестей — "слышано мною", откликается на "биографическое известие" в письме ненарадовца — "справедливости ради", и эти словосочетания синонимичны фразам "Происшествие... основано на истине... Подробности... заимствованы" ("Медный всадник"), также как "любопытные изыскатели" из примечания — с "любопытными" в предисловии к поэме. Подобное сходство позиций издателя "А. П." и автора "Медного всадника" опровергает все современные истолкования второго примечания как "разоблачительного элемента" по отношению к И. П. Белкину,

⁴⁶Модзалевский, 3, 390.

ибо "литературный автор" повестей, ссылаясь на лиц, от которых он услышал "замечательные анекдоты", поступает точно так же, как и реальный автор поэмы, который ссылается на журналы и "известия". Однако, в отличие от повестей, объявленных интерпретаторами благодаря второму примечанию произведениями "рассказчиков", никому не приходило в голову признать "Медный всадник" произведением В. П. Берха. Не трудно представить, что второе примечание могло быть предисловием, как предуведомление автора в "Медном всаднике". Текст примечания легко трансформируется в такое "предисловие": "В рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора надписано: слышано мною от такой-то особы..." и т. д.

Если Пушкин предлагал Плетневу такое решение проблемы предисловия "От издателя", то оно было серьезным.

Но та же фраза приобретала шутливо-иронический смысл именно как примечание к письму непросвещенного биографа. Однако, поместив его, Пушкин нарушил обещание "издателя А. П." напечатать письмо "безо всяких перемен и примечаний". Правда, в "черновом автографе" Пушкин уже записал одно, ставшее первым, примечание, так что второе — должно было обострить внимание читателя — двойное нарушение обещанного выглядело не простой случайностью.

История подготовки "Повестей Белкина" к печати (отсутствие в черновых разработках второго примечания и вырезанный из письма неизвестный фрагмент, постоянная задержка присылки предисловия) позволяет считать, что во **втором примечании** издателя Пушкин тщательно готовил **ловушки** для тех "любопытных изыскателей", которые не различали смысла "услышанного" и "написанного".

Критикуя "телеологию" Н. К. Пиксанова, Б. В. Томашевский считал, что писателя от "неписателя отличает вовсе не способность "зататься", а способность воплотить задание, его выразить... Поэтому вовсе не намерение автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до создания произведения, дают ему смысл. Здесь также не важна индивидуальная психология

автора, как и индивидуальная психология случайного читателя"⁴⁷. Не стоит, видимо, говорить о том, что Пушкин целил не в "случайного читателя", а в хорошо ему известного — читателя болгаринских романов и вообще "любителя" нравственно-сатирических произведений. Первый расчет Пушкина "тиснуть" от имени издателя "Повести Белкина" (в сентябре-октябре 1831 г.) был строго аргументирован конфронтацией позиций неписателя — "ненарядовского помещика" и писателя — И. П. Белкина. Но при этом "издатель А. П." солидаризировался со своим "литературным автором".

В своем письме от 5 сентября (ответ на письмо Пушкина от середины августа) П. А. Плетнев сообщил, что повести "из цензуры получены" и, срочно потребовав ("надобно...через день") ответов на поставленные вопросы, чтобы "приступить к печати", спрашивал: "Долго ли проживешь ты в Царском?".

Отсутствие у Плетнева 5 сентября предисловия — факт принципиальный: предисловие "От издателя", во-первых, не проходило цензуры, а во-вторых, Плетнев получил его не раньше середины сентября, т. е. перед самой сдачей в типографию "Повестей Белкина". Наличие же *записанного* на обложке "общего" эпитафия к повестям и *отсутствие* в рукописях второго примечания — позволяет утверждать, что задержка предисловия не была вызвана "приискиванием" для готовящегося издания "уморительно-смешного" эпитафия. Следовательно, задержка предисловия и размышления Пушкина об издании повестей были так или иначе связаны со вторым примечанием.

Н. К. Гей, указывая, что второе примечание сделано "для любопытных изыскателей", которые "принимают сказанное за чистую монету", справедливо укорял исследователей в том, что они на первое место поставили простой "прием" выдвижения "подставного лица" вместо реального автора: "...Пушкин подменяется Белкиным, Белкин — подполковником И. Л. П. или

⁴⁷ Б.В. Томашевский. Писатель и книга. /95/, 1959, с. 152.

девицею К. И. Т. И все... Неумный, предельно простой, добродушный Белкин самоустраняется..."⁴⁸. Однако вывод исследователя был не менее странным, чем выводы его оппонентов: "Возникающая в результате множественность отсчетов не имеет ничего общего с неопределенностью оценок, позиций, значений... Обнаружение в малом значительного, а в отсутствующем — сущностного и выпадает на долю Белкина... но подлинные потенции Белкина-невидимки... никак не обозначены, но реализованы в самом их бытии. ...И потому нет утверждающих слов в суждениях о Белкине в разделе "От издателя", и нет слов самого Белкина в текстах, данных под его именем"⁴⁹.

Несмотря на неточность сообщения П. И. Миллера, который мог в 1831 г. видеть у Пушкина, но не в Царском Селе, "Повести Белкина", его свидетельство опровергает мнение интерпретатора по поводу "Белкина отсутствующего-присутствующего" и потому истинно и сугубо принципиально: "Вскоре по выходе повестей Белкина, я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не знал, что они вышли и еще менее подозревал, что автор их — он сам. "Какие это повести? И кто этот Белкин?" спросил я, заглядывая в книгу. "Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно". Далее я не хотел расспрашивать"⁵⁰.

Вряд ли стоит удивляться пушкинской самооценке. Важнее оценка самих "белкинских" повестей, ибо в ней окончательный ответ на основной вопрос истории текста: "кто бы он там ни был", т. е. Белкин, но только он субъект повествования "Повестей Белкина" — "писать повести надо вот этак". Вот почему речь не может идти ни о "сборнике" повестей, ни о

⁴⁸См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 161.

⁴⁹См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 161-168.

⁵⁰Цит. по: Модзалевский, 3, с. 432-433.

некоем "цикле"⁵¹, какими благими намерениями не руководствовались бы интерпретаторы. Речь должна идти об "одной книге", состоящей из пяти повестей одного и того же "литературного автора", который был объектом и предметом **реального** автора А. С. Пушкина. Единственным аналогом подобной структуры книги в русской литературе 1830-1840 гг. стала книга М. Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" (1841), составленная из таких же "разнородных" повестей. Не случайно и то, что ни лермонтовское предисловие перед "Бэлой" и "Максим Максимовичем", ни предисловие перед "Журналом Печорина" никогда и никем не было увязано с художественной структурой романа. Вынесенные автором за границы художественных текстов предисловия в "Герое нашего времени" выполняли функцию опровержения традиционного читательского восприятия, однако никак не касались позиции "армейского офицера, следующего по казенной надобности" или же субъекта повествования в двух "частях" романа, тем более субъекта повествования в трех "частях" отдельно существующего "Журнала Печорина", который на самом-то деле тоже принадлежит "покойному другу" Максим Максимовича. К сожалению, у интерпретаторов повестей "покойного И. П. Белкина" предисловие "От издателя" за подписью "А. П." с легкой руки рецензента "Северной Пчелы" стало просто "шестой повестью"⁵².

⁵¹ Ср.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, с. 124-125, прим. 1.

⁵² См.: A.Kodjak. Pushkin's I.P.Belkin. /129/, p. 9 and p. 41. Сперва ученый сформулировал свою позицию: "Pushkin's *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin* is the collaboration of two fictitious authors: Belkin and the editor, A.P., whose foreword, "From the Editor", comprises a six tale epistolary in form" (p. 41), а затем указал в примечании 1 на с. 49: "The first critic to consider the editor's foreword as a sixth tale was Jan M.Meijer: "'The Sixth Tale of Belkin' in *The Tales of Belkin by A.S.Pushkin*", The Hague, Mouton, 1968, pp. 110-134, especially pp. 113-117. An outline of my chapter with the observation that the editor's foreword contains a plot was

Напомню, что литературная норма и литературный язык художественной прозы 1827-1830 гг. в "романическом" и "нравственно-сатирическом" типах в равной степени для Пушкина были неприемлемы, а литературной нормы и литературного языка реалистического типа еще не было. Ю. Н. Тынянов был, несомненно, прав, отмечая, что синтез "книжных и разговорных элементов языка", осуществленный Пушкиным в "гражданской войне" как с "классиками", так и с "новаторами" в поэзии, не мог не быть по своей природе "двуликим"⁵³. Исходя из такой "двуликости", В. Д. Левин сформулировал важнейшую особенность реалистической прозы в момент ее становления: "Одним своим лицом она (повествовательная норма — С. Ш.) повернута к литературной норме, другим — к индивидуальному стилю. Она служит своего рода посредником между литературным языком вообще и языком (стилем) конкретного художественного произведения как эстетическим фактом"⁵⁴. Итак, вслед за В. Д. Левиным, можно утверждать, что одно "лицо" пушкинской прозы в "Повестях Белкина" (предисловие "От издателя") повернуто "от себя вовне", в то время как другое (язык повестей) "вовнутрь", где оно по своей сущности было одновременно и "литературным языком" и индивидуальным "языком литературного произведения"⁵⁵. Историческая ситуация определила основные пути художественного поиска Пуш-

presented in my article, "Shifr Pushkina", in *Novyj zhurnal*, New York, 1970, pp. 80-94. The concept of the foreword as a sixth tale is further supported in a recent study by S.G.Bocharov: *Poetika Pushkina*, op. cit., pp. 140, 147". См. также: Н.К.Гей. Проза Пушкина, /33/, с. 162.

⁵³ См.: Ю.Н.Тынянов. Пушкин и его современники. /100/, 1968, с. 70-73.

⁵⁴ В.Д.Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 88.

⁵⁵ В.Д.Левин, Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 88-89.

кина: с одной стороны, он создал "правила" структурно-целостной субъективизации общелитературных средств и форм "изображающего" языка, а с другой — дал системную объективизацию индивидуальных средств и форм языка "изображенного"⁵⁶. И если первая задача включала в себя **объект** пушкинского поиска — образ "личности" сочинителя, то вторая — **предмет**: лингво-жанровая среда существования сочинителя. А следствием этого и стала демонстрация в отдельных повестях "изображенного" языка *реального* автора с одновременной функцией "изображающего" языка "литературного автора". Это и позволило Пушкину объединить повести, написанные в сентябре, с октябрьскими повестями в одно целое, а затем организовать их в книгу "Повести И. П. Белкина".

Проблема литературоведческого понимания "Повестей покойного И. П. Белкина" А. С. Пушкина представляется в двух взаимосвязанных аспектах: интерпретация жанрово-стилистической эволюции "литературного автора" на протяжении всех повестей — от "дилетантизма" рассказа с "автобиографическими" элементами ("Выстрел") до "профессиональной" повести ("Станционной смотритель"), сохраняющей те же "автобиографические" подробности; второй аспект интерпретации — принципы *литературно-целевого* повествования, усвоенные из опыта предыдущего творчества и заданные в "Барышне-крестьянке" как *результат* становления литературной личности И. П. Белкина.

⁵⁶ Дефиниция понятий "изображающий" и "изображенный" языки см.: М.М.Бахтин. Слово в романе. /14/, 1975, с. 167-172.

«Конец повестям И. П. Белкина»

"Поэтика занимающаяся рассмотрением поэтических произведений сквозь призму языка... по определению является отправным пунктом в истолковании поэтических текстов..."

*Р. О. Якобсон*¹

"...бесцельность, а не цель притягательны. Только бесцельностью достигнешь целей"

*К. Чуковский*²

Не трудно показать, что вообще с точки зрения поэтики все (и любая) интерпретации (интерпретация) "Повестей Белкина" в равной степени правомерны и справедливы. Внутренняя непротиворечивость каждой из них (или стремление к этому) и ориентация на истолкование отдельных языковых единиц на фоне уже существующих объяснений при максимальном использовании внеязыковой информации (данных по истории, культуре, биографии, и т.д.) — вот концептуаль-

¹ Р.О.Якобсон. Работы по поэтике. /120/, 1987, с. 81.

² К.Чуковский. Дневник 1901-1929. /106/, 1991, с. 21.

Таблица 1

Гипотетическая схема генезиса "Повестей Белкина"

1829 — 1830 гг. (до Болдинской осени):

Записки молодого человека	Роман в письмах	В начале 1812 года	Путевые заметки
---------------------------	-----------------	--------------------	-----------------

"Рекомендательное письмо"
Черновик первой редакции:
"Сердечно радуюсь, что..."

1830 г. Болдинская осень

9-20 сентября 12-20 октября 26 октября ноябрь

три повести	"автобиография" и две повести	"Отрывок" и "История села"	"История села Горюхина" и черновик предисловия
-------------	-------------------------------	----------------------------	--

1830 г. — критические статьи — 1831 г. (до переезда в Царское Село)

Опровержения на критики	Опыт отражения ...обвинений	Две статьи "Ф.Косичкина"	Рецензия на две книги И.Делорма
-------------------------	-----------------------------	--------------------------	---------------------------------

Июль — октябрь 1831 г.

3 июля 22 июля около 15 августа до 5 сентября

повести "моего друга И.П.Белкина"	"печатать не к спеху..."	эпиграфы к повестям	"второе примечание"
-----------------------------------	--------------------------	---------------------	---------------------

•

Конец октября 1831 г. —

"Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П."

Конец августа 1834 г. —

Повести, изданные Александром Пушкиным: "Конец повестям И.П.Белкина"

ные условия интерпретации, неограниченной никакими "обязанностями" по отношению к тексту и никакими системными "параметрами". Интерпретаторское своеволие обусловлено читательским восприятием художественного текста, которое в системе "читатель — текст" **производит** собственную рецепцию в качестве порождающей данный текст модели³. Вряд ли стоит отказывать в праве на существование⁴ этим, по своей сути, культурологическим концепциям художественных произведений, но было бы неплохо сопоставить с ними и текстологические аналоги не как некие объективные или же правильные, а только в качестве *корректирующих* читательский произвол *моделей*.

Представление о том, что второе примечание, появившееся не ранее середины августа 1831 г. *только при подготовке* повестей к печати, было "провокативным" элементом *всего* издания "Повестей Белкина", требует от нас полного **отказа** от рассмотрения указанных "источников" как *рассказчиков* "замечательных анекдотов".

³ См., напр.: В.В.Мерлин. Пушкинский домик. /63/, 1992, с. 7. Исходя из "грамматологии" J.Derrida, ученый предполагает что чтение "сводится к акту письма": а поэтому "понимание смысла приравнивается к чтению другого текста, вписанного "между строк" (с. 35): "След сохраняется в тексте, но сохраняется как мертвый след — как Скрипт, отчужденный от причины и от процесса... Теряя связь с причиной, след демотивируется. Но именно этот процесс превращает его в знак среди знаков — в произвольный знак... Поэтому пробуждение следа может быть представлено как пробуждение читателя" (с. 37-38).

⁴ См. примеры своевольных интерпретаций "Медного всадника": С.М.Шварцбанд. Логика художественного поиска А.С.Пушкина. /110/, 1988, с. 86. Ср.: А.Л.Осповат, Р.Д.Тименчик. "Печальную повесть сохранить..." /67/, 1987. Во второй части книги содержится уникальный материал по читательской (и — писательской) рецепции "Медного всадника".

Действительно, попытки интерпретировать ту или иную повесть с "точки зрения" *подполковника И. Л. П., титулярного советника А. Г. Н., приказчика Б. В. и девицы К. И. Т.* — бессмысленны. Ведь социальная среда со всеми "стилевыми приметам" офицерская ("Выстрел"), мелкочиновничья ("Станционный смотритель"), ремесленническая ("Гробовщик") и мелкопоместная ("Метель" и "Барышня-крестьянка") задана изображающим и изображенным языками в *самых* повестях, а "дополнения", которые возникают при апелляции к *статусу* "рассказчиков"⁵, скорее отвлекают читательское восприятие от материала повестей, нежели помогают установить "поэтику повествования"⁶.

⁵ См.: P. Debreczeny. *The Other Pushkin. /125/, 1983, pp. 87, 99, 103, 119. "Miss K.I.T.'s two tales represent... B.V.'s choices of subject matter and "professional" vantage point... I.L.P., who told the story to Belkin... "The Stationmaster", by far most successful of Belkin's tales, is narrated by Titular Councillor A.G.N...", etc. Вряд ли П. Дебрецени испытывал бы трудности в изложении своих тонких наблюдений и в случае отказа от постоянно навязываемых им упоминаний о "рассказчиках" историй. См., также: В.О. Unbegaun. Introduction. IN: A.S. Pushkin, *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin. /135/, 1947.**

⁶ См., напр.: М. Дрозда. Нарративные маски в "Повестях Белкина" А.С.Пушкина. /45/, 1981, Вд. 8, с. 267, прим. 3. "Справедливое" и "навязанное" в одинаковой степени работает на концепцию: "Первый эпиграф книги предпослан предисловию издателя, создавая, таким образом, нарративно-композиционный импульс, закрепляющий все последующие эпиграфы за первоначальным повествователем, выполняющим впрочем такую же обрамляющую роль, какая характерна именно для эпиграфов. Разница между ними состоит лишь в том, что эпиграфы, цитаты — прямые голоса литературы, тогда как голос "издателя" — голос литературного быта". Поскольку в предисловии ни слова не говорится об эпиграфах к *повестям* (ср. с замечанием "издателя" в "Капитан-

М. М. Бахтин одну из проблем "Повестей Белкина" очертил достаточно парадоксально: "Белкин как рассказчик избран (точнее, создан) Пушкиным как особая "непоэтическая" точка зрения на предметы и сюжеты традиционно-поэтические... Благополучные "прозаические" разрешения сюжетов и самое ведение рассказа нарушают ожидания традиционных поэтических эффектов. В этом непонимании поэтической поэтики — прозаическая продуктивность точки зрения Белкина"⁷.

"Непоэтическая" поэтика Белкина (правильнее, Пушкина) и "композиционно-сюжетное" разрушение *повествовательной* традиции сентименталистской и романтической прозы — таковы изначальные условия болдинского эксперимента по созданию Пушкиным *новой нормы* нарратива, в котором образ автора (а не персонажи, тем более "мифические" рассказчики или же "корреспонденты" текста — "издатель" и "ненарадовский помещик") независимо от *его имени* — Белкин, Пушкин, имярек, — становится носителем формы "существования самого литературного языка"⁸ еще неизвестного в России как "языка художественной литературы"⁹.

ской дочке": "Мы решились... издать... приискав к каждой главе приличный эпиграф..." — VIII, 374), постольку мы "не знаем", были они "белкинскими" или "издательскими". Иное дело "общий" эпиграф, *отделенный* предисловием от самих повестей и в силу этого *представляющий* позицию "издателя А.П.". Ср.: D.M.Bethea, S.Davydov. Pushkin's Saturnine Cupid. /121/ (1981), pp. 8-21.

⁷ М.М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. /14/, 1975, с. 126. См., также: А.Реформатский Опыт анализа новеллистической композиции, /81/, 1922. На примере лингвистического анализа "Выстрела" ученый высказал ряд важных соображений о субъекте текста.

⁸ См.: В.Д.Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 89.

⁹ В.Д.Левин. Литературный язык и художественное повествование. /47/, 1971, с. 88-90. Различение понятий "литературный язык" и

Кажется, нет ни одной работы, в которой бы рассматривался "язык" и "стиль" других *литературных авторов*, анализ которых, например, в *журнале* Печорина или *исповеди* героя в "фантастическом рассказе" Ф. М. Достоевского "Кроткая" *столь же* обоснован, как и анализ "стиля" белкинских повестей, требуя исследования "поэтики" этих повествовательных инстанций. "Проблема Белкина" навязана литературоведами книге Пушкина, в то время как между *реальным автором* и его *литературным образом* действует тот договор, та литературная условность, те законы коммуникации, которые делают изображенный язык ("стиль Белкина") **функцией** изображающего языка (стиля Пушкина в "Повестях Белкина").

Таким образом, *действительная* проблема "Повестей Белкина" состоит не в "переходах" от одной интенции к другой, с "низкого" уровня на "высокий", от "простого" к "сложному" и т.д., а в рассмотрении двух иерархически соподчиненных смоделированных систем: "Повести Белкина" А. С. Пушкина и "белкинские повести". В первом случае *история текста* определяет и регламентирует представления о том, что объединение сентябрьских и октябрьских повестей, ориентированных на двух разных *субъектов повествования*, произошло в июле-августе 1831 г., а не в момент их написания. Следовательно, *композиционное единство* пяти "замечательных анекдотов" в *последовательности* их публикации (а не создания) может и должно интерпретироваться в качестве целенаправленного акта писателя А. С. Пушкина. Возможно, что, предлагая "любопытным изыскателям" во втором примечании *иную*

"язык литературы" *вне примет* "функциональных стилей", предложенное В.Д.Левиним, по сути дела, отменяет "поэтики повествования", как раз и строящиеся на "регистрах", "уровнях", "интенциях" (ср.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 158-168) и т.д.

"белкинскую композицию"¹⁰, "издатель А. П." *противопоставлял ей* свою — пушкинскую. В этой *перестановке* последовательности повестей — **СМЫСЛ** издательского вмешательства: не две, а четыре повести рассказывают о творческом *пути* и творческой *эволюции* "покойного И. П. Белкина", а одна — последняя репрезентирует их **результат**. Нет ничего удивительного в том, что на просьбу В. Ф. Одоевского в октябре 1833 г. (еще до "второго тиснения" повестей, "изданных Александром Пушкиным") занять "погреб" последовал категорический ответ: "Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно, он покойник" (XV, 90). Когда же перед Пушкиным в 1834 г. встала задача *переиздания напечатанных* им ранее повестей, он это сделал на основании, забытых интерпретаторами, системных условий: "белкинские повести" *были отделены* от "Пиковой дамы", которую "Северная Пчела" посчитала *шестой повестью*¹¹, с одной стороны, двумя главами из "исторического романа", а с другой — отсутствующей в первом "тиснении" 1831 г. *издательской фразой*: "Конец повестям И. П. Белкина" (VIII, 124). Отныне и навсегда "Повести Белкина" приобрели свой окончательный состав и вид, став *целостным* произведением А. С. Пушкина.

Этой "смоделированной системе" **ОДНОГО** произведения иерархически была *соподчинена* другая — из **ПЯТИ** повестей,

¹⁰Композиция повестей во втором примечании "хронологична" по отношению к "авто-" и "био-" графиям *истории текста*. Сперва — "Смотритель" как репрезентация тезиса автобиографии о переходах "из губернии в губернию, провождая время... и маршируя в грязи", т.е. о времени "армейской службы", а затем — "Выстрел" с "приездом в вотчину". Обе повести, рассказанные от первого лица, — не только "автобиографичны", но и обуславливают "творчество" сочинителя. Три остальные повести — "Гробовщик" (*городской "анекдот"*), "Метель" и "Барышня-крестьянка" (*деревенские анекдоты*) — "творчество" *литературного автора*, чье жизнеописание стало известно.

¹¹"Северная Пчела". /86/, 1834, с. 766.

каждая из которых существует *самостоятельно*, т.е. вне "издательского предупреждения" и "биографического известия", интерпретация которых свободна от определителей первой системы и категорически *сопротивляется* любому воздействию со стороны первой системы. Инвективы Н. К. Гея в адрес "самовольного" рассмотрения отдельных "сказок" по *выбору и в порядке*, которые избирали интерпретаторы¹², вне их последовательности в "Повестях Белкина" — несправедливы, поскольку речь идет о "белкинских повестях", а не о произведении Пушкина.

Польский ученый Е. Фарыно предложил "тройственную" иерархию: А. С. Пушкин — "издатель А. П." — И. П. Белкин: "Для Белкина тексты его повестей располагаются между первым и последним словом его сочинений; для издателя — между заглавием *Выстрел* и последним словом последней повести; для Пушкина же, сочинившего и Издателя, и Белкина, и его повести, — от общего заглавия *Повести покойного Ивана Петровича Белкина* до заключительного "Конец повестям И. П. Белкина"¹³.

Известное пушкинское "перешепнуть Смирдину" об *издателе повестей* (а не Белкине,) так же как и то, что названия повестей присутствуют во втором примечании, следовательно, они "белкинские", не позволяют согласиться с тройственностью "рамочного" оформления книги. К тому же "издатель А. П.", фигурировавший на обложке и на титуле "тиснения" 1831 г. *заменено* в "тиснении" 1834 г. именем реального автора — "Повести, изданные Александром Пушкиным". Так что бывший "издатель А. П." и "Александр Пушкин" отождествились в одном лице.

"Повести Белкина" успеха не имели и иметь не могли. Вовсе не потому, что читатели "нравственной литературы" были в большинстве, и даже не из-за преимуществ нравственно-

¹²См.: Н.К.Гей. Проза Пушкина. /33/, 1989, с. 70-71.

¹³Jerzy Faryno. Wstęp do literaturoznawstwa. /128/, 1991, pp. 392.

сатирического направления в русской литературе начала 1830-х годов.

Книга Пушкина была столь сложна как *книга* для читательского восприятия, а сами "сказки" столь просты как *повести*, что холодное равнодушие к изданию следует объяснять не *незрелостью* или же *неподготовленностью* русского читателя, а только *авторским замыслом*, трудноуловимым и трудновоспринимаемым. Споры ученых "белкиноведов", длящиеся до сих пор, подтверждают эту **неудачу** писателя А. С. Пушкина и **успех** "сочинителя И. П. Белкина".

Известное преувеличение значения *книги* Пушкина за счет "сочинителя Белкина" у Ап. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого вполне понятны: они декларировали ценность отдельных повестей, но под именем "А. С. Пушкина". А принципы сцепления "сказок" оставались без комментариев, хотя Л. Н. Толстой справедливо считал: "Во всем, почти во всем... потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью... а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения... для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесчисленном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений"¹⁴. Именно законы сцепления повестей "сочинителя Белкина" в книге А. С. Пушкина и оказались столь сложны и призрачны, что для критиков и для читателей они остались **несуществен-**

¹⁴ Л.Н.Толстой. /93/, т. 62, с. 268-269.

НЫМИ. Зато "отыскивание мыслей" в отдельных повестях составило основную заботу интерпретаторов и читателей.

Пушкин вполне осознал собственную неудачу с первой прозаической книгой и никогда больше не пытался создать "сборник" каких-нибудь сочинений. Поэтому в "Капитанской дочке" сочинитель "записок", хотя и сочинял "стишки", но был представлен одним-единственным произведением.

Вопрос, каким же образом "сцепление мыслей" в книге "Повести Белкина" оказало влияние на дальнейшую судьбу прозы Пушкина, для *истории текста* — окажется бессмысленным, если не отбросить сложившиеся представления о "поэтике", в которой участвуют и "сочинитель Белкин", и "издатель А. П.". А для **ИСТОРИИ** литературы первой половины 19-го века и "сочинитель", и "издатель" в равной степени были "невидимками". И только с "гоголевского периода" позитивное значение пушкинской книги стало возрастать, а ее смысловая "системность" постепенно оказалась *повествовательной нормой реализма*.

Несомненно, что опыт Пушкина в своей "неудаче" все-таки способствовал открытию типов повествователей, индивидуальных носителей художественной речи, т.е. *образов* авторов. В. Д. Левин, исследуя роль повествовательной нормы и ее отличие от любого функционального стиля, пришел к важному теоретическому выводу: "Своеобразие различных типов повествования ощутимо именно потому, что они проецируются на повествовательную норму (а не на норму литературного языка вообще)"¹⁵. Но различные типы повествования в пяти повестях Белкина не могли быть спроецированы ни на какую из существовавших повествовательных норм, ибо сам Пушкин негативно относился к повествовательной норме и "нравственно-сатирической" и романтической литературы. Но ему, как и читателю, в 1830-1834 гг. другая норма была

¹⁵ В. Д. Левин. Литературный язык и художественное повествование. /347/, 1971, с. 95.

неизвестна. Обращенные в будущее "Повести Белкина" были обречены на "неуспех" у современников.

Но, хотя рассмотрение вопросов преемственности не входит в задачу монографии, напомним еще раз, что изначальная **удача** романа М. Ю. Лермонтова как раз и была специфическим продолжением профессиональной и "неудачной" книги А. С. Пушкина "Повести Белкина", проложившей путь новациям в русской прозе.

ПОВѢСТИ

ИЗДАНЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ .

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ГИЯЦЕ.

1834.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Сост. Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский. М.-Л., 1937.
2. (Пушкин А. С.) Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Издание Л. Поливанова. В 6-и тт. М., 1894.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Приложение к журналу "Красная нива". В 6-ти тт. М.-Л., 1929-1931.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 17-ти тт., 21 кн. 1937-1959.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10-ти тт. М., 1962-1965.
6. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти тт. М., 1962.
7. Пушкин А. С. Библиотека великих писателей. под ред. С. А. Венгерова. Издание Брокгауз-Эфрон. В 6-ти тт. СПб., 1907-1911.
8. (Пушкин А. С.) Сочинения Александра Пушкина. В 11-ти тт. Ред. В. А. Жуковский. СПб., 1838-1841.
9. Пушкин А. С. Письма. В 3-х тт. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. М.-Л., 1926-1935.

* * *

10. Алексеев М. П. К "Истории села Горюхина". В сб.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1, Одесса, 1926.

11. Альтман М. С. "Барышня-крестьянка" (Пушкин и Карамзин). В журн. "Slavia", 10 (1931).
12. Андреев А. С. Встреча с Пушкиным. В кн.: "Звенья", т. 2. М.-Л., 1933.
13. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. В 2-х кн. М., 1985. (Репринт).
14. Бахтин М. М. Слово в романе. В кн.: Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
16. Белькинд В. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Таллинн, 1989.
17. Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М., 1962.
18. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в 2-х тт. М., 1981.
19. Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931.
20. Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978.
21. Боцяновский В. Ф. К характеристике работы Пушкина над новым романом. В сб. *Sertum Bibliologicum* в честь президента русского библиологического общества проф. А. И. Маленна. Пг., 1922.
22. Бочаров С. Г. О смысле "Гробовщика". В сб.: "Контекст-1973". М., 1974.
23. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М., 1974.
24. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки. В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.
25. Брюсов В. Я. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. М.-Пг., 1929.
26. Вацуро В. Э. "Северные цветы": история альманаха Дельвига-Пушкина. М., 1978.
27. Вацуро В. Э. Повести Белкина. В кн.: А. С. Пушкин. "Повести Белкина". М., 1981.
28. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

29. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
30. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
31. Винокур Г. О. Об изучении Пушкина. В журн. "Литературный критик", кн. 3, 1936.
32. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.
33. Гей Н. К. Проза Пушкина. Поэтика повествования. М., 1989.
34. Гей Н. К. Слово прозаическое и слово поэтическое в творчестве Пушкина. В сб.: Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1991.
35. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М., 1966.
36. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа. М., 1991.
37. Глинка В. М. Пушкин и военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988.
38. Григорьев Ап. А. Сочинения, т. 1, СПб., 1876.
39. Гроссман Л. П. Исторический фон "Выстрела". В кн.: Цех пера. М., 1930.
40. Гукасова А. Г. "Повести Белкина" А. С. Пушкина. Изд. АПН РСФСР. М., 1949.
41. Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973.
42. Долинин (Искоз) А. С. О "Повестях Белкина". В изд.: А. С. Пушкин. Собр. соч. В 6-ти тт. Под ред. С. А. Венгерова, т. 4.
43. Долинин (Искоз) А. С. Пушкин и Гоголь. К вопросу об их личных отношениях. В кн.: Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. М.-Пг., 1923.
44. Долинин А. А. История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.
45. Дрозда М. Нарративные маски в "Повестях Белкина" А. С. Пушкина. В журн. "Wiener Slavistischer Almanach, 1981, Bd. 8.

46. Кожевников В. "История села Горюхина" — история России. В журн. "Москва", 1988, No. 2.
47. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование. В сб.: Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.
48. Левина Ю. И. О рисунках Пушкина на рукописях "Гробовщика" (атрибуция одного портрета). В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1977.
49. Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, No. 842. (История заполнения). В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. XIV. Л., 1991.
50. Лежнев А. З. Проза Пушкина. Опыт стилового исследования. М., 1937.
51. Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. М., 1910.
52. Лернер Н. О. К генезису "Выстрела". В сб.: "Звенья", т. 5. М., 1935.
53. Лескис Г. А. Религия и нравственность в творчестве позднего Пушкина. М., 1992.
54. Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950.
55. Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983.
56. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988.
57. Лотман Ю. М. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста. В сб.: Труды по знаковым системам, т. 4. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 236, Тарту, 1972.
58. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме "Искусство в ряду моделирующих систем". В сб.: "Труды по знаковым системам", т. 3, Тарту, 1967.
59. Львов П. Ю. Роза и Любим. Сельская повесть. В кн.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979.

60. Мальцев М. И. Тема крестьянского восстания в творчестве А. С. Пушкина. Чебоксары, 1960.
61. Модзалевский Л. Б. Примечания. В кн.: Пушкин. Письма. В 3-х тт. М., 1926-1935.
62. Московский телеграф, ч. 42, 1831, No. 22.
63. Мерлин В. В. Пушкинский домик. Алма-Ата, 1992.
64. Оксман Ю. Г. Статьи. /3/, Л.-М., 1931, т. 6.
65. Оксман Ю. Г. Повесть о прапорщике Черниговского полка. В журн. "Звезда", 1930, No. 7.
66. Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист. /6/, т. 6, 1962.
67. Осповат А. Л., Р. Д. Тименчик. "Печальну повесть сохранить...". М., 1985.
68. Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. В 3-х тт. Wilhelm Fink Verlag. München, 1971 (Репринт).
69. (Перпер М. И.) Хронологический справочник. Составитель М. И. Перпер. Л., 1984.
70. Петрунина Н. Н. Две "петербургские" повести. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X, Л., 1982.
71. Петрунина Н. Н. Из истории одного замысла Пушкина. В журн. "Zeitschrift für Slawistik", Bd. 32, 1987.
72. Петрунина Н. Н. Когда Пушкин написал предисловие к "Повестям Белкина". В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М., 1985.
73. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Пути эволюции. М., 1987.
74. Петрунина Н. Н. У истоков "Капитанской дочки". В кн.: Н. Н. Петрунина, Г. М. Фридлендер. Над страницами Пушкина. Л., 1974.
75. (Поливанов Л.) Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Издание Л. Поливанова. В 9-ти тт. М., 1894.

76. Прокудин С. Б. К вопросу о повествовательной структуре "Повестей Белкина". В кн.: По законам жанра. Тамбов, 1975.
77. Путеводитель по Пушкину. /3/, М.-Л., 1931.
78. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950.
79. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.-Л., 1966.
80. Пушкинская Москва. Составители: Н. Р. Левинсон, П. Н. Миллер, Н. П. Чулков. М., 1937.
81. Реформатский А. А. Опыт анализа новеллистической композиции. т. 1, М., ОПОЯЗ, 1922.
82. Садиков П. А. . И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов. В сб.: Пушкинский временник, No. 6, М.-Л., 1941.
83. Сандомирская В. П. . Рабочая тетрадь Пушкина 1828-1833 гг. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX, Л., 1979.
84. "Северная Пчела", 1830, 11 марта.
85. "Северная Пчела", 1831, No. 288, 16 декабря.
86. "Северная Пчела", 1834, No. 192.
87. Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973.
88. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы. В кн.: Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ. Сост. Дьюла Кирай, Арпад Ковач. Budapest, 1982.
89. Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963.
90. Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв. М., 1965.
91. Советская военная энциклопедия. М., 1977, т. 4
92. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962.
93. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90-та тт. М., т. 62.

94. Томашевский Б. В. Новое о Пушкине. В сб.: Литературная мысль. Пг., 1922.
95. Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1959.
96. Томашевский Б. В. Примечания. /5/, М., 1962-1965.
97. Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. М., 1990.
98. Томашевский Б. В. Пушкин. В 2-х кн. М., 1956.
99. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
100. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
101. Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте "Повестей Белкина" как художественного целого. В сб.: Болдинские чтения. Горький, 1983.
102. Узин В. С. О "Повестях Белкина". Из комментариев читателя. Пг., 1924
103. (Цявловский М. А.) Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Сост. М. А. Цявловский. Л., 1991.
104. Чернов А. В. К проблеме повествователя в "Повестях Белкина". В сб.: Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1991.
105. Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков. 1900.
106. Чуковский К. И. Дневник 1901-1929. М., 1991.
107. Шаликов П. И. Темная роща, или памятник нежности. В кн.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
108. Шварцбанд С. М. Еще раз о календаре "Евгения Онегина". В сб.: Russian Philology and History: In Honour of Prof. Victor Levin. Jerusalem, 1992.
109. Шварцбанд С. М. Жанровая природа "Повестей Белкина" А. С. Пушкина. В сб.: Вопросы сюжетосложения, вып. 4. Даугавпилс, 1974.
110. Шварцбанд С. М. Логика художественного поиска Пушкина. Jerusalem, 1988.

111. Шварцбанд С. М. "Повести покойного Ивана Петровича Белкина" А. С. Пушкина. В журн.: Филологические науки, No. 3, 1974.
112. Шварцбанд С. М. Стилевое движение в повестях "Выстрел" и "Метель". В сб.: Некоторые вопросы русской и советской литературы и методики ее преподавания в школе. Барнаул, 1972.
113. Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIV, СПб., 1911.
114. Энциклопедический словарь. Изд-во Брокгауз и Эфрон. СПб., 1894, т. XIII^a.
115. Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.
116. Эйхенбаум Б. М. Путь Пушкина к прозе. В кн.: Пушкинский сборник. Памяти профессора С. А. Венгерова. М.-Пг., 1923.
117. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л., 1924.
118. Якубович Д. П. Реминисценции из Вальтер Скотта в "Повестях Белкина". В сб.: Пушкин и его современники, вып. 37. 1928.
119. Якубович Д. П. Предисловие к "Повестям Белкина" повествовательные приемы Вальтер Скотта. В кн.: Пушкин в мировой литературе. М., 1926.
120. Яacobсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
121. Bethea, D. M., Davydov, S. Pushkin's Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in *The Tales of Belkin*. PMLA, vol. 96, No. 1 (1981), pp. 8-21.
122. Brang, P. Studien zu Theorie und Praxis der russische Erzählung, 1770-1811. Wiesbaden, 1960, S. 230-244
123. Briggs, A.D.P. Alexander Pushkin. A Critical Study. Croom Helm. London-Canberra; 1983.

124. Busch, U. Pushkin und Sil'vio. IN: Opera slavica, IV, Slavistische Studien zum V. Internationalen Slavistencongress in Sofia 1963. Göttingen, 1963
125. Debreczeny, P. The Other Pushkin. A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction. Stanford, California, 1983.
126. Jan Van der Eng. Le coup de pistolet. IN: The Tales of Belkin by A. S. Puskin. Mouton, The Hague, 1968.
127. Van der Eng, Jan. Les récits de Belkin. IN: The Tales of Belkin by A. S. Puskin. Mouton, The Hague, 1968.
128. Faryno, J. Wstęp do literaturoznawstwa. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1991
129. Kodjak, A. Pushkin's I. P. Belkin. Slavica Publishers, Inc. Columbia, Ohio, 1979
130. Lednicki, Waclaw. The Snowstorm. [Bits of Table Talk on Pushkin, III]. American Slavic and East European Review, No. 4, (1947), pp. 110-133.
131. Mejer, Jan M. The Sixth Tale of Belkin. IN: The Tales of Belkin by A. S. Pushkin. Dutch Studies in Russian Literature. Mouton. The Hague. Paris, 1968
132. Nerre, E (Hamburg). Pushkin's "Grobovshchik" als Parodie auf das Freimaurertum. IN: Wiener Slavistischer Almanach. B. 17, 1986
133. Shaw, J. Thomas. Pushkin's "The Shot". IN: Indiana Slavic Studies. Vol. III. Bloomington, 1963
134. Shvarzband, S. The Genesis of Pushkin's "Tales of Belkin". IN: The Slavonic and East European Review. Vol. 8, No. 4 (October), London, 1990
135. Unbegaun, B. O. Intoduction. IN: A. S. Pushkin, *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin*. Oxford: Blackwell, 1947, pp. XI-XXXIII.
136. Ward, D. The Structure of Pushkin's *Tales of Belkin*. IN: Slavonic and East European Review, vol. 33, No. 81 (1955), pp. 516-527.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
Г А З Е Т А,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

Т О МЪ . I .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ НАУДА И СЫ

1 8 3 0

Указатель имен

Алексеев М.П.	130	Васильчикова А.В.	166
Альтман М.С.	36	Вацуро В.Э.	52, 151
Андреев А.С.	28	Вельяшева Е.В.	44
Анненков П.В.	14, 15, 18, 63	Верстовский А.Н.	138
Байрон Дж.Г.	108	Виноградов В.В.	24, 36, 41, 51, 52, 61, 89, 90, 95, 97, 99, 102-105, 118, 124-126, 130, 143
Баратынский Е.А.	139, 141, 165	Винокур Г.О.	12, 13, 19, 67, 134, 138
Батюшков К.Н.	114	Воейков А.Ф.	120
Бахтин М.М.	92, 174, 179	Вульф А.Н.	44
Белинский В.Г.	14	Вяземский П.А.	47, 49, 67, 68, 134, 138, 154, 165
Белькинд В.С.	43	Гаевский М.С.	32
Берковский Н.Я.	118, 139	Галактионов С.Ф.	60
Берх В.П.	168, 169	Гей Н.К.	19, 41, 43, 70, 73, 75, 90-93, 110, 138, 142, 167, 169, 171-173, 180, 182
Бонди С.М.	111, 112	Гиппиус В.В.	118, 139
Боулдинг К.	19	Гиршман М.М.	43
Боцяновский В.Ф.	102	Глинка В.М.	31
Бочаров С.Г.	18, 162, 173	Гоголь Н.В.	153, 156, 165, 166
Броневский В.Б.	16		
Брюсов В.Я.	45		
Булгарин Ф.В.	74, 77, 113, 115-117, 134, 139-141, 151, 152, 155		
Бурцев А.П.	80, 85		

Гончарова Н.Н.	38, 60, 75, 134, 138	Измайлов Н.В.	13, 14, 16, 17, 90
Греч Н.И.	139-141	Карабанов П.М.	113, 115
Грибоедов А.С.	116, 117	Карамзин Н.М.	126, 130, 131
Григорьев Ап.А.	161, 183	Катенин П.А.	30, 117
Гроссман Л.П.	161, 162	Каченовский М.Т.	116
Гукасова А.Г.	15, 17, 75, 114-116, 121, 122, 131	Княжнин Я.Б.	61
Гуковский Г.А.	112	Кожевников В.	131
Давыдов Д.В.	80, 85, 86	Курганов Н.Г.	28, 30, 112-116, 119, 160
Делавинь К. (Лавиньи)	139, 141	Кюхельбекер В.К.	30
Дельвиг А.А.	134, 138, 139, 141, 145, 146, 151	Лабрюйер Ж.	48
Дмитриев И.И.	62	Левина Ю.И.	59, 60
Долинин А.А.	150	Левин В.Д.	29, 52, 89, 90, 97, 99-101, 118, 173, 179, 180, 184
Долинин А.С.	150, 156, 166	Левкович Я.Л.	151, 152
Достоевский Ф.М.	180, 183	Лежнев А.З.	40, 102
Дрозда М.	40, 178	Лермонтов М.Ю.	172, 185
Жирмунский В.М.	150	Лернер Н.О.	75, 146, 161, 163, 164
Жуковский В.А.	114, 156	Лесскис Г.А.	75
Замков Н.К.	146	Липранди И.П.	32, 161, 162
Зубов А.Н.	95	Липранди П.П.	162
Измайлов А.Е.	61, 116	Лихачев Д.С.	107
		Лобанов М.Е.	17

- Лотман Ю.М. 12, 19, 21, 23, 24, 56
- Львов П.Ю. 104, 105
- Мальцев М.И. 17
- Марлинский (Бестужев) А.А. 95, 105, 165
- Мерлин В.В. 177
- Миллер П.И. 171
- Милонов М.В. 74, 77, 113-115
- Модзалевский Б.Л. 51, 60, 145-146, 154, 164, 166, 168, 171
- Мусин-Пушкин В.А. 65
- Надеждин Н.И. 45
- Нахимов А.Н. 112
- Нащокин П.В. 155
- Никитенко А.В. 14
- Одоевский В.Ф. 181
- Оксман Ю.Г. 16, 17, 29, 36, 42-45, 56, 59
- Осипова П.А. 138
- Осповат А.Л. 116, 117
- Остолопов Н.Ф. 120-125, 159, 160
- Перпер М.И. 166
- Петрунина Н.Н. 18, 28-31, 37, 38, 44, 55, 59, 77-79, 107, 127, 135
- Пиксанов Н.К. 169
- Плетнев П.А. 75, 134, 138-140, 145, 153, 154-156, 158, 163-166, 168, 169
- Погодин М.П. 131, 138
- Погорельский А. (А.А.Перовский) 61, 62
- Полевой Н.А. 131, 134, 155
- Поливанов Л.И. 95
- Потебня А.А. 12
- Прокудин С.Б. 18
- Пушкин В.Л. 60, 122, 134
- Радищев А.Н. 16, 18
- Расин Ж.Ж. 124
- Реформатский А.А. 179
- Ричардсон С. 45, 46
- Рылеев К.Ф. 116
- Садиков П.А. 161
- Сандомирская В.Б. 25
- Сент-Бев (И.Делорм) Ш.О. 146-152, 163, 167
- Сидяков Л.С. 113, 117, 122, 130

Скафтымов А.П.	11	Шаликов П.И.	103
Скотт В.	34, 46, 61, 62, 150	Шаховской А.А.	121
Слонимский А.Л.	102	Шекспир В.	61, 62
Смирдин А.Ф.	154, 182	Шернваль Э.К.	65
Смирнов-Сокольский Н.П.	160	Ширинский-Шихматов П.А.	121
Сомов О.М.	146	Шишков А.С.	28, 121
Степанов Н.Л.	116, 130	Шлейермахер Ф.Д.Е.	13
Стрекалов С.С.	54, 55	Щеголев П.Е.	21, 22
Тименчик Р.Д.	116, 177	Эйдельман Н.Я.	131
Толстой Л.Н.	183	Эйхенбаум Б.М.	23, 44, 116
Томашевский Б.В.	22, 25, 26, 29, 32, 35, 36, 39, 43, 53, 71, 77, 118-121, 135, 136, 145, 167-170	Эслинг Н.Н.	155, 156
ТрEDIAKовский В.К.	30	Якобсон Р.О.	175
Тургенев А.И.	154	Якубович Д.П.	34, 150
Тынянов Ю.Н.	27, 106, 117, 126, 173	Bethea, D.M.	102, 179
Тюпа В.И.	53	Brag, P.	103
Узин В.С.	41	Briggs, A.D.P.	15
Фонвизин Д.И.	33, 134, 167	Busch, U.	92
Хвостов Д.И.	28	Davydov, S.	102, 179
Цявловский М.А.	63, 64	Debreczeny, P.	30, 36, 49, 54, 71, 131, 139, 162, 178
Чернов А.В.	90, 133	Derrida, J.	177
Черняев Н.И.	40	Faryno, E.	12, 182
Чуковский К.И.	175	Kodjak, A.	133, 139, 162, 172

Lednicki, W.	103	Shaw, J.T.	84-85, 92
Meier, J.M.	40, 172	Unbegaun, B.O.	178
Nerre, E.	102	Van der Eng, J.	93, 97, 107
Schmid, W.	102	Ward, D.	94

Список иллюстраций

1. А.С. Пушкин. Автопортрет. 8
2. Титульный лист издания "Повестей Белкина" 1831 г. 10
3. Автограф л. 34 об. ПД 977 42
4. Автограф плана "Истории села Горюхина" 76
5. Титульный лист издания "Повестей Белкина" 1834 г. 186
6. Титульный лист "Литературной газеты" 196

Список таблиц

Три повести

Таблица 1.....	46
Таблица 2.....	58
Таблица 3.....	62

Школа

Таблица 1.....	68
Таблица 2.....	72
Таблица 3.....	80
Таблица 4.....	82
Таблица 5.....	88
Таблица 6.....	98

Жизнеописание

Таблица 1.....	108
Таблица 2.....	128
Таблица 3.....	134

Решение

Таблица 1.....	165
----------------	-----

”Конец повестям И.П. Белкина”

Таблица 1.....	176
----------------	-----